

Марк дель Франко Лишенное формы

Коннор Грей – 1

www.megabook.do.am

Марк Дель Франко «Лишенное формы»

Маме и папе, которые ждали.

И моему партнеру Джеку Касти, который никак не ожидал, что ему придется жить с эльфами, феями и даже вампиром, однако ж делает это охотно.

Неверность лишенного формы
Чрезмерно ужасна для снов.

У. Б. Йейтс

Глава 1

В переулке было скользко от дождя и переливающейся радужными пятнами жижи, о происхождении которой не хотелось и думать. Я наклонился, чтобы пройти под желтой оградительной лентой, и едва не упал, попытавшись не наступить на растекшуюся под ногой бурую слизь. Пульсирующие вспышки освещали глухой тупик в конце переулка, где стояли две полицейские машины и скорая помощь. На небольшом пяточке столпилось человек сорок, добрых три четверти которых скорее всего привело сюда единственно желание взглянуть на последнюю жертву.

Я обходил ближайшую из патрульных машин, когда заметил махнувшего мне рукой

лейтенанта Лео Мердока из детективного отдела департамента полиции Бостона.

— Эй, Коннор, у нас тут еще один фейри.

Фейри. Ну и что? Ничего особенного, усмехнулся я про себя. Где-нибудь — может быть, но только не в Вейрде, где наткнуться среди ночи на мертвого фейри уже становится делом привычным. Впрочем, мог бы и не говорить. Запах крови я почувствовал сразу, как только свернул в переулок с главной улицы.

— Почерк тот же? — спросил я. Мы подошли к склонившемуся над трупом судмедэксперту.

Мердок пожал плечами.

— Это ты мне скажешь.

Обнаженное тело лежало на спине, уставившись невидящим взглядом в пустое небо. Это был бледнокожий мужчина, не из обеспеченных, хотя, имея дело с мертвецом в луже крови, делать какие-либо выводы всегда трудно. Из рваной раны еще сочилась кровь, в образовавшейся под талией лужице отражались мигающие огоньки. В рассыпавшихся веером длинных блондинистых волосах виднелись кусочки органических тканей. Посреди груди зияла дыра с кровавым месивом вместо вырванного сердца. Раскинутые крылья лежали на земле, прижатые вардами.

Отодвинув плечом эксперта, я присел над телом. И сразу же ощутил исходящий от него запах спиртного. Чертовы фейри, жизнь их, похоже, так ничему и не научит. Им же, чтобы опьянеть, достаточно посмотреть на бутылку, так нет, все равно пьют. Натянув латексную перчатку, я убрал пару оборванных артерий и нашел то, что искал, — небольшой камень. Почувствовав слева от себя непонятную нулевую зону, я посмотрел на Мердока. Его кобура болталась у меня над головой.

— Отступи, приятель. Твой пистолет мне мешает.

Мердок, изобразив смущение, отошел в сторону. Он постоянно забывает про железо, а я постоянно забываю напоминать ему об этом, так что виноваты мы оба. Как только он удалился на пару футов, запахи сущностей проступили отчетливее. Ничего необычного, мертвец, возможно, был с другим эльфом, не исключено, что и с двумя. От паха несло человеком. Ночка должно быть выдалась забойная — обычно люди почти не оставляют следа.

Не считая вырванного сердца, все остальное вроде бы на месте. Порез на правой ладони, скорее всего защитная рана. Неглубокий, нанесен скользящим оружием. Сопротивляться он, наверно, уже не мог, потому что был слишком пьян. На пальцах рук по паре колец, на ногах тоже, но поменьше. Деньги убийцу не интересовали.

Я огляделся. Переулок представлял собой классический тупик с плотно закрытыми дверями и нижними окнами. Поднимаясь, я заметил что-то красное, торчащее между мусорным контейнером и ящиком. Это что-то было слишком чистым, чтобы находиться здесь долго. Я осторожно переступил через тело и наклонился. Тряпка. С запахом той же сущности, что и на убитом.

Уже отворачиваясь, я ощутил что-то еще и остановился. Мусорный контейнер стоял у глухой кирпичной стены. Я забрался на него и втянул носом воздух. Есть. Флит. Мысленно попеняв себе за невнимательность, я соскочил на тротуар. Надо было тщательнее проверять прежние места преступлений.

— Ваши ребята, когда приехали, флитов здесь не заметили?

Мердок покачал головой.

— Нет. Тот, кто наткнулся на тело, позвонил по 911. Когда мы прибыли, здесь уже было полно народу.

Я молча кивнул. Это еще ничего не значит. Если бы ко времени прибытия копов здесь был флит, его бы запомнили. Флиты стараются не высовываться, не попадаться на глаза, и получается у них это неплохо. Да и запах они научились маскировать, а если и оставляют, то только потому, что не видят причин его скрывать. Так скорее всего было и здесь. Ну кому придет в голову искать флита в пятнадцати футах над мерзким мусорным контейнером.

Тоненькая, но все-таки ниточка, и я знал, кого о ней расспросить. Мердоку пока лучше ничего не рассказывать. Он ведь до сих пор так и не понимает, почему я, чтобы решить эти загадки, просто не махну волшебной палочкой. К тому же если речь идет о простом совпадении, то терроризировать местную общину флитов нет никакой нужды. А Мердок им покою не даст.

— Да, почерк тот же, — сказал я, стаскивая перчатку.

Мердок кивнул и нахмурился. Многие считают, что для него самое главное — поскорее закрыть дело. Я знаю его получше и понимаю — обитатели Вейрда лейтенанту небезразличны. Он прослужил здесь достаточно долго, чтобы перевестись при желании в любой другой район. Но не перевелся, остался. Еще одна причина, почему я им восхищаюсь.

Мы прошли к его машине.

— Подвезти? — спросил он.

— Нет. Даже я не настолько ленив. Всего-то пару кварталов пройти.

Он повернулся к собравшейся за ограждением толпе.

— Смотри сам. Файл я пришлю.

— Спасибо.

В конце переулка я пробился через разношерстную толпу зевак, напиравших на полицейское ограждение. Над всеми нависала высоченная, не меньше семи футов, женщина с развевающимися волосами, чей необъятный бюст едва помещался в напрягшемся зеленом спандексе. Я покачал головой. Кто-то однажды сказал, что там, где убийство, обязательно должна быть женщина. К данному случаю это, похоже, не относилось. К тому же в Вейрде не так-то просто разобрать, кто перед тобой — настоящая женщина или особа иного рода.

Пробираясь по лабиринту улочек, я невольно думал о том, что впустую трачу время и силы. Каждый раз, когда газеты начинают трубить, что дела идут на поправку, что ситуация улучшается, я мысленно отвечаю — вранье. До тех пор, пока есть отчаянные и отчаявшиеся, будет и Вейрд. И пока существует Вейрд, у меня всегда будет причина вставать по утрам. Так что все не так уж и плохо, по крайней мере для меня. Я никогда не успокаивал себя мыслью, что делаю нечто большее, чем подбираю ошметки. Даже до того случая я, как, впрочем, и все остальные, занимался лишь тем, что гасил отдельные вспышки, не давая им разгореться в пожар. И пусть я не играю больше в высшей лиге, это еще не повод опускать руки. Бедняга Коннор Грей, друид-инвалид. Зато я не имею никакого отношения к Гильдии стражей с ее вечными политическими играми. И получаю от них пособие по инвалидности.

Когда-то моя карьера в Гильдии шла в гору. Гильдия стражей наблюдает за иными — друидами, фейри, эльфами и гномами — и выполняет роль как полицейского ведомства, так и дипломатического корпуса. В каждом городе со значительной концентрацией иных есть отделение Гильдии, служащее штаб-квартирой для местных. Все отделения подчиняются верхушке, обосновавшейся в Ирландии. Там же, где обосновалась и старая добрая королева Мэб. Владычица Тары.

И все же кое-чего не хватает. Денег. Апартаментов. Девочек на ночь — стоит только захотеть. Фотографий в газете. В свое время мне поручали самые важные, самые ответственные расследования. Теперь все позади. Все ушло. Все смыло в прошлое та встреча с эльфом-зеленым у ядерного реактора. Придурок раздобыл где-то кольцо власти, но не знал, как им пользоваться. Потом он потерял контроль над ним, и в реакторе случилось замыкание обратного контура. Очнулся я в палате интенсивной терапии мемориального госпиталя Авалон — с сильной мигренью. Большая часть моих прежних способностей оказалась безвозвратно утраченной. Выход из строя всей единой энергосистемы северо-запада беспокоил бы меня куда меньше. Никто не погиб. Даже тот идиот эльф.

Врачи пребывают в растерянности. Проблему они видят в некоей неясной темной массе в моем мозгу, но определить, органическая она или нет, не могут. Проникнуть в нее не удастся ни с помощью диагностических приборов, ни посредством технических средств. Предложили сделать это физическим способом — вскрыть и посмотреть, — но связь живой ткани и тех самых способностей остается для них загадкой, и у меня нет оснований верить

им на слово. Уж пусть лучше поставят эксперимент на ком-то другом, а потом обращаются ко мне. Возможно, разгадать тайну помогло бы кольцо власти, но оно исчезло вместе с эльфом. Я бы пожелал болвану смерти, если бы не рассчитывал его найти. Надеюсь, Мердока при нашей встрече рядом не будет. Человек он высокоморальный и поквитаться просто так не позволит. Впрочем, вся эта ситуация огорчает его также, как меня самого. По крайней мере так он сам считает.

Вообще-то Мердок хороший парень. Иногда даже слишком хороший, что не идет ему на пользу. Знает, что милостыни я не приму, но время от времени все равно втягивает меня в интересные делишки. Система устроена таким образом, что любые преступления, имеющие отношения к иным — то есть всем, кто наделен способностью манипулировать сущностью, — расследует Гильдия, тогда как под юрисдикцию муниципальной полиции подпадают обычные люди. На деле же, однако, Гильдия всячески стремится сбросить с себя случаи, в которых как-то замешаны люди. То есть брать только громкие дела, а мелкие преступления — имеют к ним отношение иные или нет — сваливать на местную полицию. И каждый раз, когда Гильдия решает, что преступление относится к сфере ответственности людей — а так бывает в большинстве случаев, — разгрести грязь приходится отделу Мердока. Полиция вынуждена брать под опеку Вейрд, потому что Гильдии наплевать на здешних иных, если только не хватают какого-нибудь важняка. Пособия по инвалидности да редких выплат от Мердока «за консультационные услуги» хватает на оплату счетов.

К тому времени, как я добрался до дома, к городу уже подкрался рассвет. Дом — это бывший склад в сумеречной зоне на окраине Вейрда, который с натяжкой можно охарактеризовать как переустроенный. Лифт на пятый этаж идет медленно, быстрее подняться пешком, но я обычно не утруждаю себя ступеньками. Жилье здесь дешевое, место тихое, и соседи не заглядывают в магический кристалл посреди ночи — я от этого просыпаюсь. Большинство других обитателей отставники и студенты-гуманитарии, а в подвале, по-моему, до сих пор водятся гномы, хотя мне на глаза они пока не попадались. Моя квартирка — угловая на последнем этаже. Когда-то у меня были крутые апартаменты в стиле ретро, но сейчас я обхожусь одной спальней с видом на разваливающийся причал. Бухта за ним, впрочем, даже радуется глаз.

Большую часть времени я провожу в гостиной, а работаю в комнатухе поменьше, в самом углу здания. Так что по утрам солнце не светит в глаза, и я, сидя за письменным столом, вижу Бостон до самого горизонта и аэропорт. Есть на что отвлечься — хоть днем, хоть ночью.

Я втиснулся в скрипнувшее кресло и включил компьютер. Новая жертва — новый файл. Я перенес в него свои заметки, описание тела и отметил место преступления на карте. Всю прочую информацию Мердок перешлет, как только получит. Нынешняя жертва стала третьей в недельном цикле, поэтому в мемориальном госпитале согласились рассматривать все новые дела в первостепенном порядке. Какое великодушие.

Последняя жертва могла быть любой из двух первых. Мужчина, проститут по роду занятий, обнаружен в глухом переулке, сердце отсутствует. В грудной полости — камень, на крыльях — варды. С последними все понятно. Кое-как летать может даже пьяный фейри, поэтому преступник нейтрализовал крылья. Ясно, что камни в ране в данном случае заменяют некие талисманы, но мне о подобного рода ритуале слышать не доводилось. Они не заряжены, и в них вообще ничего нет, если не считать обычной телесной сущности. Настоящая сила сразу не уходит, и по крайней мере какие-то ее следы я бы обнаружил.

Я откинулся на спинку стула и пробежал взглядом по книжной полке. Древние кожаные корешки соперничали в борьбе за место с дешевыми бумажными обложками учебников по магии, инструкций по наложению заклятий, колдовских книг, рунических словарей, справочников по произношению на четырнадцати языках — три из которых формально мертвы, а один и не существовал толком, — и первым полным изданием Ллойда Александра. Нужный ритуал скорее всего скрывался где-то на этих страницах. Рассматривая приткнувшееся в уголке старинное кельтское руководство, я решил, что трех часов сна

слишком мало, чтобы браться за огамическое письмо — или вообще за что-то.

Я поднялся и прошел в кухню. Вспыхнувшая в холодильнике лампочка явила тот очевидный факт, что запасы продуктов требуют пополнения. Я взял крохотный, размером с наперсток, пузырек со светящимся желтым пятнышком внутри. Люди называют их пчелами-светляками, посылками бедняка. Пользуются ими по большей части люди, у которых есть друзья среди иных, хотя работают они не у каждого, и даже если работают, обычному человеку требуется держать их пару часов для подзарядки. Электронная почта быстрее, но у меня сейчас нет выхода, хотя большинство моих посланцев почему-то не добираются до адресата.

Я опустил светляка в карман — согреть — и пока разворачивал матрас, в штанах уже гудело. В пузырьке, издавая характерное жужжание, прыгал и приплясывал крохотный огонек. Я осторожно вытащил пробку, вытряхнул светляка на ладонь, поднес к губам и сказал:

— Стинкворт. «Подорожник». Полдень.

Светляк сорвался с ладони, завис на мгновение и вылетел в окно.

Я рухнул на матрас и проспал до начала утренних новостей. Четыре часа спустя я уже сидел в «Подорожнике», уплетая ланч вместо завтрака. Заведение открыли несколько лет назад китайцы, муж и жена, надеявшиеся найти себе уголок на эльфийском рынке. Они, может, и не отличают медовый пирог от пончиков с луков, но бургеры у них вполне приличные. Главные их клиенты — туристы-тинэйджеры, отважившиеся совершить дневную экскурсию в нехорошую часть города. Мне «Подорожник» нравился тем, что там редко встретишь кого-то знакомого. У большинства оставшихся друзей вкусы получше.

Полдень уже миновал, а я все сидел, вертя в пальцах соломинку и разглядывая посетителей, исключительно людей. Каждый раз, когда хлопала дверь, они подскакивали и поворачивались к входу, но, не увидев ни крыла за спиной, ни заостренного уха, разочарованно возвращались к тарелкам. Меня никто не беспокоил. Друиды не так заметны. Внешне мы такие как люди, но у нас более широкий спектр сенсорных возможностей, и, конечно, мы умеем подключаться к сущности. Я подождал еще минут двадцать, поднялся — требования мочевого пузыря звучали все настойчивее — и отправился в туалет.

Перейти непосредственно к делу помешал, однако, голос над головой.

— Хорошо хоть садиться не собираешься.

Дюймах в двенадцати от меня парил флит в набедренной повязке — смуглые руки сложены на груди, личико сморщилось в недовольной гримасе, раскинутые крылышки побагровели от злости.

— Стинкворт, черт возьми, что так долго? — спросил я.

Он спустился пониже и запорхал у меня перед носом.

— Я? Это мне пришлось тебя дожидаться! И о чем ты только думал? Расселся среди людей! Да у них же у каждого камера! Думаешь, мне больше и делать нечего, как только позировать перед людьми?

— Извини. Проголодался. — Я виновато опустил глаза. — Э... дай мне еще секундочку, ладно?

Стинкворт тоже посмотрел вниз и снисходительно качнул растрепанной головой.

— Ладно. Буду в переулке. — И пропал. Но тут же снова появился. — И перестань называть меня Стинквортом. — Он опять исчез.

Через минуту я и впрямь нашел его в узком переулке за «Подорожником», где он сидел на каком-то ящике.

— Ну, что тебе нужно, о великий и бессильный? — Стинкворт вспорхнул и повернулся ко мне. Крылышки его оставались лиловыми — значит, еще злится.

Я нахмурился.

— А вот это уже грубо, Стинки. Даже для тебя.

— Зови меня Джо или расстанемся.

Нет ничего забавнее сердитого флита. Как бедняги ни стараются придать себе грозный

вид, как ни пыхтят, эффект получается обратный. Наверно из-за крылышек — они у них становятся желтыми, голубыми или, как в данном случае, лиловыми. Но понять моего приятеля можно. Стинкворт — хуже придумать трудно. О чем думала мамаша, когда нарекала сыночка таким именем, неизвестно — сию тайну старушка держит при себе.

— Ладно, Джо, извини. За ресторан. За то, что тебя так назвали. За то, сколько мне пришлось заплатить за ланч. Ну, мир?

Он уставился на меня, не мигая, из-под кустистых бровей, под которыми прятались блестящие глазки, а потом вдруг улыбнулся. Да так, что рот растянулся до ушей.

— Что я могу сделать для тебя, Коннор?

— Нужна твоя помощь. По делу об убийстве тех фейри. — Джо побледнел от страха и подался назад. — Подожди! — крикнул я. — Не улетай! — Флиты, они иногда такие пугливые.

Он остановился, настороженно поглядывая на меня.

— И чем же я могу помочь?

— На месте последнего убийства был флит. Может быть, даже не один, — торопливо сказал я. — Ты об этом что-нибудь слышал?

Стинкворт продолжал смотреть на меня с угрюмым выражением на крошечном вытянутом личике.

— Об этом все только и говорят.

— А кто-нибудь видел их там?

Он покачал головой.

— Может быть, кто-то и видел, но молчит. Уж если убийца поднял руку на одного из дананнов... — Стинкворт не договорил, что немного меня удивило. Каждое племя фейри считает себя особенным, лучшим, а остальных рассматривает как неудачную имитацию, достойную лишь жалости и снисхождения. Особенно ревниво к своему месту во вселенной относятся именно флиты. И уж если Джо почти признал, что убийство фейри-дананна преступление более тяжелое, чем убийство флита, значит, случившееся его и впрямь потрясло.

— Я точно знаю, что при последнем какой-то флит присутствовал. Был ли он с жертвой или с преступником, сказать трудно, но это моя единственная ниточка.

Джо снова нахмурился.

— Ни один флит такого зрелища не вынесет.

— Может, он стал случайным свидетелем. Может, был знакомым или другом жертвы.

Джо задумчиво погладил подбородок.

— Не знаю. Все ужасно расстроены. Общее настроение такое: надо спрятаться и отсиживаться, пока все не закончится.

Я ободряюще улыбнулся, как бы говоря: но ты-то ведь прятаться не станешь.

— Послушай, Джо, ты знаешь людей, верно? Знаешь тех, кто расстроен и хочет спрятаться?

— Я же сказал — расстроены *все*. Уши что ли заложило?

— Но, может быть, кто-то расстроился сильнее других, а? Из-за того, что увидел что-то? Нет, конечно, если тебе такое не по силам, я пойму. Постараюсь поискать в другом месте, обращусь к кому-то еще.

Джо так разволновался, что даже задержался. Получилось забавно — словно затанцевал.

— Я не отказывался. И не говорил, что не попытаюсь узнать.

— Отлично, Джо. — Я наградил его улыбкой. — Услышишь что-нибудь, дай мне знать.

Флит смерил меня цепким взглядом.

— Ты как себя чувствуешь?

Я понял, что он имеет в виду, и пожал плечами.

— Все так же. Никаких изменений.

Он кивнул с деланно равнодушным видом, стараясь не выдать озабоченности. Первым, кого я увидел, очнувшись в госпитале после того случая, был именно Джо. Сейчас он

вглядывался в пустынный переулок, словно обнаружил за соседней мусорной кучей что-то необыкновенно интересное. Я ничего не видел, но ведь флиты на мир смотрят по-другому.

— Давненько тебя не видел, вот и начал подумывать, а чем это ты занимаешься?

Я ухмыльнулся.

— А я ничем и не занимался. Бездельничал. Отвиливал от работы. — Верить Джо у меня не было ни малейших оснований. По опыту прошлого общения я знал, что он может неделями находиться у меня за спиной, оставаясь при этом буквально невидимым. Надолго Джо никогда не пропадает. Рискну предположить, что он едва ли не всегда где-то поблизости. Я уже давно пришел к выводу, что флит знает обо мне едва ли не все. Прятаться он мастер, но иногда вдруг обронит пару слов, упомянет какую-то деталь или случай из моего прошлого, и остается только голову ломать — откуда знает, если его там не было? Или был? Его род из западного Девона, куда они переселились из Фейри, а тамошние флиты известны сильной привязанностью к семьям. Джо я помню с детства и знаю, что он знал и моих родителей. А еще я знаю, что из моей квартиры частенько исчезает его любимое печенье, к которому я сам почти не притрагиваюсь.

Флит недовольно запыхтел.

— Тебе нужно развеяться. Сходил бы на танцы. — Он подмигнул. — Хочешь, устрою свидание? Познакомлю с девушкой?

Я рассмеялся. Это у нас шутка такая. Однажды, еще в школе, я поддался на его уговоры и в результате провел два часа в обществе тролля, проболтавшего весь сеанс «Звездных войн».

— Спасибо за заботу, но с этим я как-нибудь и без тебя справлюсь.

Он снова с беспокойством и даже нервно огляделся. Наверно, слишком открытое место.

— Ладно, мне пора. Если в деле замешан флит, я это узнаю.

— Спасибо, Джо. Не перетрудись.

Он рывкнул на меня сердито, как пес, и исчез. Люди, мало знакомые с флитами, почему-то думают, что общение с ними это нечто невероятно чудесное, изумительное. А они всего лишь люди. Может быть, немного эксцентричные, но все равно люди, которые то появляются, то исчезают. Только вот связаться с ними потруднее, чем со многими другими, и тут уж без отложенного вызова не обойтись. Если они не хотят разговаривать, то и не будут, а по части паранойи кому угодно сто очков вперед дадут. Впрочем, будь во мне меньше фута роста, я бы и сам осторожничал.

Переулок вывел меня на Оулд-норзерн-авеню, главную улицу города. Большинство называет ее просто авеню, но если вы живете в Вейрде, то имеете право на небрежное «Оу-Ноу», потому что именно так окрестили ее те непосвященные, которые попали сюда случайно. Если бы лет тридцать назад кто-то сказал, что в этой части города появится процветающий жилой район, его сочли бы сумасшедшим. Жуткая мешанина складов и парковок чудесным образом превратилась в роскошные апартаменты и офисы непонятных компаний. Большая часть недвижимости сейчас в руках синдиката гномов, мечтавших о большом наваре, который они получают, если государство построит новый туннель с выходом к аэропорту на другой стороне бухты. Но, как это обычно бывает с синдикатами, хозяева пожадничали и, не желая терять время даром, отдали лакомый кусок в аренду. Не успели гномы опомниться, как организовавшиеся съемщики зарубили все планы по строительству туннеля, и перспективный проект лег на их спины обременительной ношей. Эвикция не самый лучший вариант — попробуйте-ка судиться с жильцами, многие из которых, если что пойдет не так, с удовольствием превратят вас в камень. Это, конечно, незаконно, но у города нет ни денег, ни возможности отслеживать каждый случай наложения заклятия в имущественном споре. Так что гномам приходится довольствоваться повышением арендной платы, что они и делают при любой возможности. С другой стороны, в строительном бизнесе их позиции непоколебимы, поэтому ситуация в целом остается сбалансированной.

Вдоль авеню, от начала и до конца, развешаны флаги — красные, желтые и оранжевые, — и даже на уличных фонарях вертятся огромные, вырезанные в форме солнца

цевочные колеса. До Иванова дня всего пара недель. Когда он наступит, в Вейрд нагрянут тысячи гостей — иные, их почитатели и просто зеваки — и будут плясать и пить, пока из носа не потечет или не заберет полиция. На двадцать четыре часа районом овладеет полнейшее умопомешательство. Представьте все безрассудство Марди-Гра, но только спрессованное в одни сутки.

Улица была почти пуста. Поскольку утро в этой части города не самое любимое время, деловая активность здесь начинает проявляться только после полудня. На углу я взял из автомата «Вейрд таймс», местный бульварный листок. Заголовок вопил: «ВТОРНИЧНЫЙ УБИЙЦА НАНОСИТ НОВЫЙ УДАР». Я только вздохнул. Заметить совпадение по времени дело нехитрое, тут Шерлоком Холмсом быть не надо, но мне сильно не нравится, когда пресса присваивает убийцам броские клички. Вот и сам теперь до конца дела буду думать об этом психопате как о Вторничном Убийце. Пробежав статью, я с удовлетворением отметил, что кое-какие детали наружу все-таки не вышли. Все знали, что жертвы — фейри, и что у них вырывают сердце. Добавьте к этому недельный временной интервал — и простак поймет, что преступник разыгрывает некий ритуал. Репортер рассматривал пару теорий, которые я после недолгих размышлений отбросил уже после второго убийства. О камнях в статье не упоминалось. Эту улику нам с Мердоком удалось утаить, и о них пока никто не пронюхал.

Следующий после преступления день самый лучший для сбора слухов и прокачки источников. Чуть опоздаешь, и они успокоятся и сообразят, что могут продать информацию по более высокой цене. Принимая во внимание образ жизни жертв, рассчитывать на успех в поиске их партнеров и приятелей пока не приходилось — слишком рано. Мердок еще не прислал материалы по последнему убитому, а копать в книгах я предпочитал по ночам. Ничего не оставалось, как вести расследование по старинке.

Я пересек авеню и свернул в переулок Кальвин-плейс, соединяющий две главные улицы города. Лучших дней здесь не видали даже в лучшие времена, а ход времени отмечался лишь сменой открывавшихся и закрывавшихся заведений. Исключение составляла лавчонка на северной стороне, владелец которой ухитрился продержаться на одном месте уже несколько десятилетий. Деревянный фасад из-за недостатка краски приобрел цвет остывшего пепла, а большие окна покрылись таким слоем грязи, что через стекло ничего не видно. Широкая вывеска, появившаяся где-то в 50-е и ни разу с тех пор не подновлявшаяся, гласила: «БЕЛЬГОР — ПОЛЕЗНЫЕ МЕЛОЧИ, СНАДОБЬЯ и МАГИЧЕСКИЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ». Половины букв не доставало. Под старой вывеской была другая, поновее и металлическая, приколоченная гвоздями: «ПРИНИМАЮТСЯ ЧЕКИ». Я толкнул дверь, и где-то рядом печально звякнул колокольчик.

С первого взгляда могло показаться, что главный товар здесь — пыль. Большую часть пространства занимали деревянные книжные шкафы высотой в двенадцать футов, склонившиеся друг к другу в унылом охряном свете и как будто заглядывающие соседу через плечо. Пожелтевшие коробки с выцветшими ярлыками, заполненные синими стеклянными кувшинами необычных форм, древними фолиантами без названий и бесчисленными кристаллами, камнями и прочими скрытыми наносами времени безделушками, теснились в беспорядке на полках. То тут, то там в воздухе как будто проступал слабый намек на Истину или нечто, обладавшее когда-то грозной силой, а ныне потускневшее и высохшее — шелуха былой славы. Пройдя чуть дальше вглубь, я почувствовал безошибочный и мощный, как удар кулаком в лицо, запах немывтого эльфа. Запах этот напоминает жженую корицу, но приятного в нем нет ничего. У задней стены примостился прилавок, заваленный стопками газет, квитанций и уличных афиш, прислонившихся к допотопному кассовому аппарату. На кофейной чашке с изогнутыми деревянными палочками бирка — «тисовые палочки, 10 центов». Полка заставлена видеокассетами на прокат и катушками лотерейных билетов. Я взял с прилавка прикрытую блоком сигарет банку с залитыми уксусом глазами тритона.

Шторы в углу разошлись, и в комнату вплыла грузная фигура — Бельгор. В Вейрде его

знают все, а он знает каждого, кто прожил здесь хотя бы год. Клиенты Бельгора народ преимущественно невысокого ранга, товар у него дешевый и низкого качества, оборот невелик, а потому приходится хозяину приторговывать краденым. Держится он достаточно тихо, чтобы не привлекать внимания Гильдии, но все же недостаточно тихо, чтобы избежать визитов из бостонского управления полиции. Пока, однако, ничего криминального у него не находили. Я мог бы при желании сильно попортить ему жизнь, но, пока он снабжает меня надежной информацией, смотрю на проделки старика сквозь пальцы. Мердока сей факт сильно раздражает, но ведь вся наша жизнь держится на компромиссах. Я стараюсь подыграть обоим и навещаю заведение всегда один и только днем, так что Мердоку невдомек, где именно я добываю крупницы знаний, а Бельгору не приходится смущаться из-за меня перед полуночными клиентами.

Грузный эльф положил руки-окорока на прилавок, и на его болезненно-пухлой физиономии появилась принужденная улыбка. Длинные заостренные уши с торчащими колючими волосами, подстригать которые Бельгор давно бросил, выдавали немалый возраст.

— Добрый вечер, мистер Грей. Чем могу служить?

— Очнись, Бельгор, какой вечер. Ты бы лучше стекла мыл почаще, чем раз в десять лет.

Я вытащил из кармана и положил на прилавок камень. Пустой, незаряженный — или, как здесь говорят, мертвый — столбик высотой в три дюйма, содержащий минимально требуемое для мелких работ количество металла. Один из двух, найденных при второй жертве и ничем не отличающийся от других.

— Ты случайно не знаешь, где это было куплено?

При виде камня эльф надул губы, но взять его в руки не соизволил.

— Вы не хуже меня знаете, мистер Грей, что это стандартная низкосортная безделица. Таких на любом складе полным-полно. И купить их можно где угодно, отсюда до юга. Большинству моих клиентов преодолеть его изъяны не по силам.

Все правильно. Дешевые варды контрпродуктивны. Чтобы заставить их работать как нужно, требуется слишком много энергии. Если бы убийца шел через толпу с хорошо заряженным камнем, его бы непременно заметили. А вот слабо заряженный пронести легко. Пронести и использовать против пьяного фейри. Больших способностей здесь не требуется.

— Да, ты, наверно, прав.

— Страшные дела у нас тут творятся. У вас уже есть какие-то зацепки?

Мне нравится, как Бельгор дает понять, что знает, над чем я работаю. Все видит, все слышит.

— Кое-что.

Он притворился, что стирает пыль с прилавка.

— А вот мне, может быть, удастся получить хорошие комиссионные с продажи качественного селенита. История у этого камня давняя и небезынтересная. Несколько месяцев назад ко мне обратился довольно странный джентльмен. Интересовался, нет ли у меня чего-то в этом роде. — Эльф усмехнулся и с показной скромностью развел руками. — Если бы так...

Я постарался не выдать волнения. Если только утечки не допустила Гильдия, согласившаяся просканировать камни, то лишь мы с Мердоком знали, что камни селенитовые.

— Давно это было?

— Месяцев шесть назад. Еще до святок. — Бельгор пожевал губами. — Примерно вашего роста, молодой. Хотя в моем возрасте все кажутся молодыми. — Он тронул кончик носа. — Ощущения уже не те, что когда-то. Странный какой-то у него был запах. На первый взгляд эльф, но уши безобразные.

— Безобразные?

— Да. — Бельгор провел рукой по своим остроконечным отросткам. — Как у вас.

— Дай мне знать, если появится снова. Может, смогу помочь. Еще загляну.

Он наклонил голову.

— Буду ждать с нетерпением.

Теплоты в его голосе я не услышал.

— Спокойной ночи, — съязвил я и, выйдя из лавки, остановился, чтобы прочихаться, прочистить дыхательные пути. Эльфы мне никогда не нравились — уж больно глупы, — и с годами неприязнь только возрастала, но Бельгор здесь ни при чем. Вряд ли он знал больше, чем сказал. Ловкости и проницательности ему не занимать, иначе бы так долго на этом месте не продержался. Да и не стал бы он рассказывать о камнях, если бы знал убийцу. Можно было бы надавить, но какой смысл? Зато теперь, когда его догадка насчет камней подтвердилась, он будет смотреть в оба.

Глава 2

Около полудня меня разбудил громкий стук в дверь. Я сел, спустил ноги с кровати и потер кулаками глаза. Знать бы еще, откуда во рту такой поганый запах. Стук повторился с еще большей настойчивостью, и я накинул халат и открыл дверь. Мердок ввалился в комнату, как настоящий коп.

— Ты хоть знаешь, который час? — Не люблю вставать. Я открыл холодильник — газированная вода, какие-то приправы и светляки в банках. Придется все-таки сходить в магазин. Каждый вечер перед тем, как лечь спать, я засыпаю кофе в кофеварку, чтобы утром сэкономить хотя бы полторы минуты. Остается только нажать кнопку. Мердоку эта процедура хорошо знакома, поэтому он не произносит ни слова, пока я не приму душ. После шести банок «Гиннеса» ощущение во рту такое, словно там залежался дверной коврик. Справиться с ним может только сверхдоза «Креста», а побороть «Крест» способен лишь черный кофе. Из ванной я вышел не раньше, чем выключилась кофеварка. Мердок в кабинете листал справочник по травам. Я натянул джинсы и вчерашнюю футболку и присоединился к нему. Скрип компьютерного кресла резанул по мозгам.

Я сделал глоток, перехватил взгляд Мердока и кисло улыбнулся.

Он улыбнулся в ответ и покачал головой.

— Как ты можешь просыпать целых полдня?

— Точно так же, как большинство людей просыпают целую ночь. — Мои предки наверняка не были крестьянами, а сам я никогда не находил какой-то особой прелести в рассвете и, если встречал его, то лишь потому, что еще не ложился. Мердок же скорее всего поднялся рано и уже провел на ногах столько часов, что об этом не хотелось даже думать.

Он бросил на стол папку, из которой выскользнули уголок листа и компакт-диск.

— Наша последняя жертва. Результаты серологической экспертизы еще не получены, но они, по всей видимости, подтвердят присутствие в крови алкоголя и наркотиков. Я позволил себе сбросить на диск несколько фотографий жертвы.

Не говоря ни слова, я открыл папку. Нет ничего лучше, как начать день со снимков покойника. Мердок откинулся на спинку стула. В свежей белой рубашке, классическом красном галстуке и светло-коричневых габардиновых брюках с острыми стрелками он выглядел так, словно только что оделся.

— Личность убитого установлена. Проститут по имени Гамелин Дананн Сидхе. Прибыл недавно, пару месяцев назад. Задерживался несколько раз.

С экрана на меня смотрело безучастное лицо Гамелина — застывшие глаза, тонкие черты, волосы настолько светлые, что бровей почти не видно. Для Дананна он выглядел молодым, лет на сто, если не меньше. Наверно, убежал из дому. А может, один из тех романтических идиотов, которых влечет мир людей.

— Что думаешь?

Вопрос не риторический и не общего плана. Мердока, по его собственному признанию, тоже влечет мир иных, иначе он не задержался бы так надолго в Вейрде. Чем больше познаешь, тем больше остается непознанного. Когда-то давно, когда я задумывался о таких

вещах, человеческое любопытство злило меня и раздражало. Я полагал, что быть друидом примерно то же самое, что быть кем-то еще, что все различие только в наборе умений. Не каждый друид достигает вершины в своем ремесле, как и не каждый человек, эльф или фейри. Но такие мысли посещали меня до того, как я утратил практически всю силу, до того, как понял, что значит лишиться способности делать привычное, до того, как осознал, что привести настоящую интуицию в понимание действия чужой магии может лишь тот, кто умеет заставить работать собственные заклинания. Теперь у меня есть только интуиция и довольно ограниченные возможности. Не стану притворяться, будто воспринимаю такую ситуацию спокойно. С другой стороны, хотя бы что-то осталось. У людей например нет ни одного, ни другого, сколько бы книг они ни прочли. Для них это тайна в полном ее значении, в древнем теологическом смысле. И, как всегда при встрече с загадкой, они надеются, что найти ответ легко, если только владеешь секретом. Вот почему Мердок, уподобившись в простодушии и искренности ребенку, каждый раз задает один и тот же вопрос: что я думаю. Как будто доступ ко всем тайнам мира мне открыт уже самим фактом рождения.

— Ничего.

— Перестань, Коннор. — Он заложил руки за голову и потянулся. — Я же не спрашиваю у тебя имя. Хотя бы объясни, во что это все складывается. Если отталкиваться от психологии, я бы сказал, что мы имеем дело с психически больным, вымещающим злобу на жертвах, которые так или иначе ассоциируются с некоей психологической травмой. Травма эта скорее всего была получена в юном возрасте. Совершая убийство, он как бы возвращает себе контроль над ситуацией. Очевидно, мужчина, что подтверждается и агрессивным актом вырывания сердец. Если принять во внимание, что все три жертвы мужчины определенного рода занятий и что все они обслуживают клиентов-мужчин, я бы предположил, что убийца пострадал от мужчины, возможно родственника.

Я невольно усмехнулся.

— Тогда почему ты сам этому не веришь?

Мердок рассмеялся.

— Я не говорю, что не верю. Но выбор в качестве жертвы именно проститутов-фейри, использование вардов и ритуальное положение камня в грудную полость наводят на мысль, что есть тут нечто такое, насчет чего ты мог бы меня просветить.

Теперь уже он ухмыльнулся, а я рассмеялся.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Если исходить из того, что камни нужно заряжать, он, вероятнее всего, не человек. Вероятность того, что он заранее купил заряженный камень, невелика, поскольку, если фейри достаточно силен и способен оказать сопротивление, у него не остается права на ошибку. Один раз могло повезти, но не три. Вот почему я думаю, что убийца прибег к какому-то заклинанию еще до того, как они попали в переулочек. Из этого следует, что он — фей. Я уже говорил, что на жертвах остались следы сущности человека, эльфа и фейри. Значит, выбор сужается еще больше: эльф или фейри. Ясно, что он исполняет ритуал, но мне о таком ритуале слышать не доводилось. Большинство такого рода ритуалов запрещены. Во всех убийствах прослеживается одна и та же методика. Еще один плюс в пользу ритуала. Сердце рассматривается как центр силы, следовательно, цель убийцы либо в обретении силы, либо в лишении ее жертвы. Кровавые обряды, в особенности те, что подразумевают участие людей, еще в древности были заменены символическими церемониями. У христиан, например, кровь заменило вино. Если мы столкнулись с настоящим ритуалом, то исполнитель либо очень стар, либо имеет доступ к древним знаниям.

Мердок слегка прищурился.

— Что ты имеешь в виду? Разве ритуал может быть ненастоящим?

Я улыбнулся.

— Может быть, наш Вторичный Убийца всего лишь психопат с одним-единственным мотивом: лишить контроля того, кто надругался над ним в детстве и нанес тяжелую психологическую травму. Если оставить в стороне варды, то никакого другого употребления

силы, что предполагает любой обряд, я не заметил. Тот факт, что убийца фей, еще не означает использования ритуальных сил. Может быть, у него просто свой собственный ритуал расправы с фейри.

— Отлично.

— И еще одно. Не исключено, что он уже закончил. Хотя шанс невелик. Посмотри сам, совершено три убийства. Даже если ритуал ненастоящий, убийца все равно действует в определенных параметрах. Три — очень могущественное число. Первый камень был темный, почти черный, второй — серый, а последний, третий, белый. Определенная последовательность налицо. Так что...

Мердок почесал голову, потом снова пригладил волосы.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что магия не всегда магия?

Я отхлебнул кофе.

— Нет. Я только хочу сказать, что нет магических ответов. И перестань называть это магией. Регулируемая сущность. Вот и все.

Он поднялся.

— Значит, ведем это дело как самое обычное. Экспертизы, свидетели, улики...

Ну что с ним делать?

— С другой стороны, ритуал может быть настоящим. Если я установлю, что это за обряд, мы получим мотив, а если у нас будет мотив, мы, возможно, вычислим убийцу.

Мердок со смехом покачал головой.

— Что-то я не пойму, то ли ты хочешь свести меня с ума, то ли пытаешься поднять цену за консультационные услуги.

Я пожал плечами.

— Плюсы есть в каждом варианте.

На полу нашлась пара носков. Душ я не принимал, так что и необходимость менять носки отпадала сама собой. Я натянул бейсболку, прихватил кожаную куртку, и мы вышли на улицу. Усевшись на пассажирское сидение, я обнаружил неумело замаскированный любовный роман. У каждого из нас свои маленькие секреты. Мердок — чистюля, но его машина просто свинарник. Газеты, пластиковые пакеты и салфетки полностью закрывали пол, так что коврики всегда оставались чистыми, потому что ноги до них доходили редко. На приборной панели валялись пригласительные открытки и обертки от жевательных резинок. Понятно, почему ни один напарник не задерживается у него больше чем на пару месяцев. Впрочем, у меня есть основания подозревать, что этот бардак Мердок устраивает нарочно.

— И куда едем? — спросил я.

— Поговорить с двумя парнями. — Он ловко провел машину между мусорными контейнерами за домом, чтобы не выезжать на улицу с односторонним движением. — Работают на улице. Мы всегда фотографируем зевак за ограждением у места преступления. Эти были на двух, первом и третьем.

Мердок подался вперед, открыл бардачок и достал пару фотографий. Кружок на каждой заключал две головы — высокого блондинистого парня в зеленой тунике, с луком и колчаном для стрел и субъекта пониже в чем-то похожем на платье, с подвязанным красным шарфом черным париком на голове. Блондин показался знакомым, но если бы Мердок не сказал, что оба мужчины, сам я никогда бы не догадался. По крайней мере на основании фотографий.

— Ты их знаешь?

— Немного. Оба убежали из дома, застряли здесь и подались на улицу. Проблем с ними, насколько мне известно, нет. — Мердок свернул на Питсбург-стрит, потом на соседнюю улицу и остановился у одного из выстроившихся друг за другом дешевых пансионатов. Мы вышли. Надевая элегантное спортивное пальто, Мердок посмотрел влево-вправо. — Может, их еще просто не поймали.

Он подошел к обитой сосновыми досками двери и потянул ее на себя. Дверь легко открылась. Мердок криво усмехнулся и шагнул в полутемное фойе.

Я остановился за ним, чувствуя, как ползут по спине холодные пальцы дурного предчувствия. Пистолет я не носил, даже когда служил в Гильдии. Тогда в нем не было нужды. Впрочем, какими бы экстрасенсорными способностями и средствами защиты вы ни обладали, адреналин все равно ударяет в кровь, когда ситуация становится непредсказуемой. Я выставил щит — то, что от него осталось, — ощутил слабое покалывание на щеках, лбу, подбородке. Когда-то этот щит был невероятно крепок. Теперь он прикрывал только лицо и отдельные участки на груди и руках и, разумеется, уже не мог остановить пулю. Смягчить удар кулаком или затормозить брошенный кирпич — на большее рассчитывать не приходилось. Практической пользы от такой защиты в наше время почти никакой, разве что чувствуешь себя немного увереннее.

Солнечный свет проникал чуть дальше порога, являя захламленный, исчезающий в непроницаемой тьме коридор. В воздухе висел запах плесени. Неподалеку хлопнула дверь, в глаза ударил ослепительный свет, и я инстинктивно бросился на пол.

Мердок посмотрел на меня и рассмеялся.

— Ты что это делаешь?

— Кто там? — требовательно спросил голос.

Мердок повернулся, прикрывшись ладонью от света.

— Да выключи же его, черт бы тебя побрал, Робин!

Свет погас, но под потолком зажглась тусклая голая лампочка. Мердок покачал головой.

Я поднялся, отряхиваясь от пыли.

— Мог бы и предупредить.

Посмеиваясь под нос, он направился к двери в самом конце коридора. Нас встретил высокий худой парень в джинсах и белой футболке, с длинными светлыми волосами, обрамлявшими поразительно приятное лицо. Настороженно поглядывая на незваных гостей, он отступил в комнату, и мы вошли следом. Его приятель с удивительно тонкими, женственными чертами и слегка подведенными ресницами стоял в углу. На нем было голубое женское платье-рубашка из той же ткани, что и стягивающий темные волосы платок. Большую часть комнаты занимали две узкие кровати, стены украшали старые постеры, полотнища и стандартные домашние талисманы, призванные приманивать удачу. Дальнюю стену почти целиком закрывала бархатная малиновая штора, за которой виднелись полочки и крючки с аккуратно разложенной и развешенной одеждой.

Мердок жестом указал на блондина.

— Это Робин, а тот — Шай.

Я молча кивнул. Мердок опустился на единственный стул и, откинувшись на спинку, улыбнулся паренюку в углу.

— Как дела, Шай? Все еще изображаешь Белоснежку?

Шай скрестил руки на груди и нахмурился.

— Нет. Чертовы гномы свалили. Сказали, им мало перепадает. — Он закатил глаза. — Как будто стоять и ничего не делать отнимает много сил.

Мердок пожал плечами.

— Жаль. Говорят, ты на этой роли имя себе сделал.

Шай сел на ближайшую кровать.

— А это кто с вами, детектив Мердок?

— Друг. Можешь называть его Коннор.

Робин выгнул бровь, и в уголке тонкого рта заиграла нагловатая усмешка. Захотелось съездить ему по физиономии.

— Коннор? Уж не Коннор ли Грей? А я думал, вас никто вживую и не видел.

— Считай, что познакомился. — Я посмотрел ему в глаза — он выдержал. Силен, ничего не скажешь.

Шай подошел ко мне преувеличенно расслабленной походкой.

— Видел вашу фотографию в газете. В жизни вы намного приятнее. Я обычно не

западаю на высоких и темноволосых, но у вас такие милые глаза. Цвета морской волны.

— Спасибо. Они просто голубые. — А парень шутник, подумал я.

Шай с улыбкой прошелся по комнате.

— Вы были на месте убийства, — сказал он, за что удостоился от приятеля недовольного взгляда.

— Вы тоже, — заметил Мердок.

— Там много народу было, — возразил Робин.

— Верно, но немногие в двух местах. — Приятели промолчали, оба внимательно изучали пол под ногами. — Не хотите объяснить, как это случилось? — продолжал Мердок.

Шай принялся поправлять покрывало на кровати.

— Мы попали туда случайно. Просто шли домой и увидели. — Робин нервно пригладил длинные пряди. На нас он старался не смотреть, но с его лица так и не сошло недоверчивое выражение.

— Не повезло, — прошептал Шай. Взгляд его метнулся ко мне и тут же прыгнул к постеру с изображением входящего в порт корабля. Оптимизм в стиле ар деко. — «Все шире и шире круг колеса», — пробормотал он. — Так ведь, да?

Сердце дрогнуло и на мгновение остановилось. Что-то зацепило. Что-то в этом пареньке с милым женским личиком и слабым мужским телом. Печаль в его голосе. Он не играл. В какое-то мгновение я услышал то, что должно быть пригнало парня сюда и может быть удерживало здесь.

Мердок подался вперед.

— Хочешь что-то рассказать, Шай? — мягко спросил он. Детектив тоже это почувствовал. Уж не это ли и его удерживает в Вейрде?

Шай посмотрел на нас серьезно. Потом поднял руки, стащил платок и тряхнул волосами.

— Все было так, как сказал Робин. Мы возвращались домой. — Его приятель немного расслабился. — В первый раз.

— Шай! Нет! — Робин рванулся к нему.

Шай потрепал его по руке.

— Все в порядке. — Он с вызовом посмотрел на нас. — Во второй раз мы искали Гамелина.

— Вы его знали? — уточнил Мердок.

Шай кивнул.

— Я познакомился с ним в «Флиттербаге». Милый, приятный парень. Слишком милый и слишком приятный для такой дыры. И пьяный, как и все, когда попадают туда впервые. Какой-то мужчина постоянно ему подливал, не давал протрезветь. Неприятный тип. Мне даже не по себе стало. Я попытался поговорить с Гамелином, убедить его пойти домой, но он и слушать не хотел. Ушли они вместе. Я хотел было проследить, но тут вернулся Робин, и мы еще немного поговорили. Потом мне снова стало не по себе, и мы пошли искать Гамелина. Его нигде не было, и мы уже собрались домой, когда я вроде бы увидел в переулке подругу Гамелина.

— Какую подругу? — спросил Мердок.

— Флита. Она частенько приходит туда поговорить с Гамелином.

— Убийца еще был там?

Шай покачал головой.

— Когда мы вошли в переулок... — продолжил он уже другим голосом, — то сразу нашли Гамелина и позвонили в полицию. Они были вместе не больше двадцати минут, но ему, наверно, больше и не требовалось.

— Ты мог бы его узнать?

Шай ответил не сразу.

— Может быть. В «Флиттербаге» темновато. Туда, как вы сами знаете, не каждый рискнет зайти. Мне он показался старым. И есть в нем что-то неприятное. Думаю, иной.

— А точнее?

— Не знаю. Может быть, фейри. Может, друид. У меня от него просто мурашки по коже побежали. Ни с одним иным у меня ничего такого не было. В общем, сильно он мне не понравился. И еще голос. Как пилой по скрипке. Да, такой голос долго будешь помнить.

— Расскажи о флите, — сказал я.

Он опять пожал плечами.

— Как зовут, не знаю. Застенчивая, даже робкая. Разговаривала только с Гамелином — свернется, бывало, у него на плече под волосами, ее и не видно. Такая крохотная, дюйма четыре ростом.

— Какого цвета у нее крылья?

— Бледно-желтые. Наверно поэтому ее и не всегда заметишь. У Гамелина были такие прекрасные волосы, золотистые, нежные, как утренний свет.

— И ты не знаешь, откуда она?

— Нет. — Шай покачал головой. — Говорю же вам, она общалась только с Гамелином. Мердок откашлялся и повернулся ко второму жильцу.

— А ты где был, Робин?

Парень как будто сжался и сердито зыркнул на нас.

— Я был занят. — Уточнять не имело смысла — все понятно. Мердок и не стал.

— Мне нужно, чтобы ты съездил в участок. — Он поднялся со стула. — Поработаешь с полицейским художником.

Робин отвернулся.

— Шай вас обманул. Никого он там не видел. Ему просто хочется обратить на себя внимание.

Шай встал с кровати и, подойдя к приятелю, потянул его за руку.

— Не беспокойся, Робин. Ничего плохого со мной не случится. Детектив Мердок не позволит. Окажем ему эту любезность. Хотя бы в память о Гамелине. — Он бросил кокетливый взгляд в сторону полицейского. — Может, нам еще потребуется его помощь.

Мердок едва заметно улыбнулся. Порой он бывает чересчур снисходительным. Впрочем, Шай и впрямь умел подмасливаться. Пока эти двое собирались и закрывали дверь, мы вышли на улицу. Я заметил, что Шай положил в углу маленький защитный вард, вполне возможно из запасников Бельгора, но мне не хватило духу огорчить ребят известием, что вещичка имеет только декоративную ценность.

Все сели в машину, а я отошел в сторонку. Мердок, перегнувшись через пассажирское сидение, посмотрел в окно.

— Едешь?

— Нет. Увидимся позже.

Он кивнул и повернул ключ зажигания. Я проводил машину взглядом. Даже в ярком дневном свете дома производили унылое впечатление и, как ни старались, не могли примерить на себя другой цвет, кроме кирпичного, серого и жидко-желтого. Водосточные канавки забиты промокшей бумагой и гниющими листьями, из-под которых кое-где упрямо пробиваются сорняки. Под ясным голубым июньским небом место это выглядело меланхолично-депрессивным, но я знал, что как только на смену дню придет ночь, меланхоличность обернется затаившейся угрозой. Тени вытянутся, серое потемнеет, укрывая опасность и призывая страх. А двое парней называют это домом.

Я пожегся — то ли от мрачных мыслей, то ли от налетевшего с моря ветерка.

Повернув в сторону авеню, я увидел кучку развязных тинэйджеров в мешковатых джинсах и красных футболках. Друг с другом парни не разговаривали, но изо всех тщились напустить на себя грозный вид. Расступаться передо мной они не стали и, проходя мимо, попытались задеть. Еще одна банда ксенофобов, в последнее время все настойчивее заявляющих о своем присутствии на авеню. Называют они себя по-разному, но люди окрестили их ксенами. Напрашиваться на неприятности не хотелось, и я, чтобы не провоцировать стычку, сдержал нахлынувшее раздражение. Все их организующие принципы

основываются на теории заговора, суть которой сводится к тому, что правительство контролируется тайными союзами иных. В общем, обычное ущербное хулиганье, промышленяющее грабежом пьяных и наркоманов. С теми, кто в состоянии дать отпор, предпочитают не связываться.

В гастрономе на углу я купил немного мяса, хлеба и еще всего по мелочам да прихватил пакет печенья «ореос» — на случай, если Джо заглянет.

Вернувшись к себе, я налил чашку крепкого кофе, сел к компьютеру и уставился в окно. В то, что Вторичный Убийца закончил, верилось с трудом. Мердок был прав. Даже если преступник психопат, у него есть какая-то цель. И как назвать того, кто вырезает у жертв сердце, если не психопатом? В любом случае, какой ярлык ни приклей, кто-то где-то должен что-то знать.

Я снял с полки конкорданс древних церемоний. Неплохой справочник, да только в моем деле рассчитывать на него не приходилось. Сами друиды записывали что-то крайне редко, так что большая часть существующего ныне материала пришла к нам через вторые руки, и уж совсем небольшая его доля доступна широкой публике. Мне посчастливилось не только стать обладателем описания некоторых праздничных церемоний, но еще и приобрести серию пророчеств, выпускавшуюся в шестидесятые Современной библиотекой, пока издание не прикрыла Гильдия стражей. Все остальное я узнал из курса устного обучения в летнем лагере. И вот это вводить в компьютер? Ссылки на извлечение сердца упоминались разве что в полуанекдотичных, никем не подтвержденных историях, к тому не содержащих описания самого ритуала. Я отбросил книжку.

Даже если друиды действительно проводили такого рода обряд, кто мог о нем знать? Современные друиды относятся к древним легендам о жертвоприношениях как к намеренной лжи желающих дискредитировать их, а потому сами передавать эту информацию не станут. Мне вспомнился жаркий спор, разгоревшийся несколько лет назад, когда в газетах появились сообщения об одной ортодоксальной секте в северном Мэне, члены которой перед совершением предсказания жевали сырое мясо. Гильдия даже провела специальное расследование, но никаких свидетельств чего-то криминального не обнаружила. Вот они, может быть, и знали что-то о древних кровавых ритуалах. Но лет с тех пор минуло немало, в живых осталась лишь горстка стариков, у которых убийство иногo-проститута вряд ли вызовет сочувствие. Мчаться же к канадской границе, чтобы прояснить сей факт, желания не было.

Я потянулся. Отличная база данных есть у Гильдии. И пусть я уже не состою в штате, проникнуть туда не так уж сложно. Практически каждый, работая в такой организации, готовит для себя запасной ход, выстраивает путь доступа в систему на тот случай, если старый пароль не сработает. Разумеется, параметры приходится менять ежемесячно, но если вы немного разбираетесь в компьютерах и соображаете, как избежать обнаружения и не наследить, то вас скорее всего не найдут. Знания и навыки у меня были. Раньше. И моя задняя дверь, в чем я убедился в последний раз, все еще открывалась.

Я посмотрел на монитор. Почти два часа. После ланча людям хочется расслабиться, поиграть, разложить пасьянс, поискать что-нибудь изотерическое, почитать книжонку. Я мог бы легко затеряться по крайней на час в потоке файловых запросов, пока все не примутся за работу всерьез. С другой стороны, запрашивая информацию по кровавым ритуалам, нетрудно зацепить защитный флажок, а если у них там круглосуточное дежурство, то меня обнаружат еще раньше. Взвешивая потенциальные риски и выигрыши, я вспомнил другой вариант, не столь изощренный и гораздо менее опасный, и поднял трубку.

— Дорогой, я уже несколько дней жду, что ты позвонишь, — отозвалась Бриаллен, едва услышав мой голос.

Я улыбнулся в трубку.

— Знаешь, могла бы и сама позвонить.

Она рассмеялась тем глубоким, грудным смехом, звук которого неизменно отзывался во мне волнительной дрожью, особенно если я сам заставлял ее смеяться. Этот раз не стал

исключением. Бриаллен верч Гвилл аб Гвилл женщина грубоватая, но милая, сильная, но чуткая, энергичная, но мягкая и очень, очень могущественная. К тому же чертовски хорошая кухарка, хотя я, прежде чем отведать что-то из ее блюд, всегда уточняю, чем именно меня потчуют. Она из тех, знакомством с кем гордятся, чье внимание льстит.

— Знаю. Могла бы. Но в моем возрасте хочется получать доказательства, что тебя не забыли. Ты уже сто лет как не заглядывал.

— Я... э... был занят.

— Тебя снова что-то тяготит, — констатировала она, уловив нотку недовольства.

— Ну да...

— Жизнь как пирог, милый, даже если поворачивается задом, хватай кусок побольше.

— Знаю, знаю, — рассмеялся я. — У меня к тебе просьба.

— Занимаешься теми убийствами. — И снова не вопрос, а констатация. Многие Бриаллен знает сама, что-то узнает от других, так что мимо нее ничто не проскользнет. Я выложил все. Если не доверять ей, то тогда вообще никому.

— Дананнские сердца, — пробормотала она. — Кое-какие соображения у меня есть, и я даже пороюсь в тех пыльных старых гримуарах, но только при одном условии: ты должен прийти на обед.

— За мной должок побольше.

— Долги за теми, кто надоедает, а ты мне пока не докучал. Позвони через пару дней, — сказала она и, не добавив больше ни слова, повесила трубку. Как всегда. Я улыбнулся. Кто такая Бриаллен? Так сразу и не скажешь. Она и жрица-друидесса, и учитель, и исследователь, но самое главное — друг. Это ее я увидел, когда очнулся в госпитале. Другим был Стинки. А еще у нее одна из лучших библиотек по эту сторону Атлантики.

Я вывел на экран файлы и еще раз прошелся по данным. Все три убийства случились неподалеку от авеню. Рагнелл Дананн Сидхе, первая жертва, обнаружен в переулке, за пару кварталов от того места, где найден Пач Дананн Сидхе, вторая жертва. Гамелин, последняя жертва, закончил свои дни в квартале от него. С одной стороны, ничего удивительного. Переулки Вейрда — рассадники преступности. С другой стороны, я не мог не учитывать возможность того, что жертв связывает не только род занятий. Совершающий убийства иной, может быть, просто живет в этом районе.

Стиллингс-стрит и Питсбург-стрит, соединяя авеню с Конгресс-стрит, образуют вытянутый прямоугольник. По ночам машины курсируют здесь постоянно, высаживая одних пассажиров и подбирая других, так что получается что-то вроде бесконечной карусели. Рагнелл работал на улице, в основном на Стиллингс-стрит, возле Конгресса, а вот Пач искал клиентов среди посетителей сомнительного заведения под названием «Флиттербаг» на авеню. После разговора с Шаем и Робинотом появилась еще одна связь, Гамелина с баром. Мердок отрабатывал знакомых жертв. Пока никто из них не вспомнил ничего примечательного. Вторник — тихий день. Мало посетителей — мало свидетелей.

Экспертиза найденной на месте преступления одежды ничего особенного не дала. Волосков и тканей оказалось так много, что в лаборатории управления полиции Бостона до сих пор изучали тунику, которая была на Рагнелле в ночь убийства. В полиции слишком мало иных, а люди имеют свойство ставить на первое место человеческие проблемы. Везде политика.

Пач скрывал синяки под слоем косметики — бедняга не мог позволить себе купить даже дешевый вард и, если бы не умер от рук убийцы, нашел смерть на кончике иглы.

И вот теперь Гамелин. Юный Дананн, прибывший недавно из неведомых краев. Делать какие-то выводы слишком рано, но уже ясно, что он на момент смерти был здоров. И пьян.

Досадуя на себя, я выключил компьютер. Меня мутило от вида выпотрошенных тел. Я прошелся по квартире, стараясь понять, что толкает людей на ту или иную дорогу и потом ведет по ней. Почему кто-то заканчивает свой путь мертвой шлюхой? С какой утраты началось скольжение вниз? В чем первопричина? В физических особенностях? Любви? Деньгах? Власти?

Я стащил одежду, встал под душ и ошпарился горячей водой. Ощущение проникающего под кожу жара приносило болезненное облегчение. Хотелось не просто смыть, а спалить неудовлетворенность и разочарование. Я прибавил температуры, уравнивая ее с горячкой расплзающейся по мне злости. Глупость иных не поддавалась ни объяснению, ни пониманию. Столько возможностей — только пожелай, так нет же, надо извлекаться в грязи Вейрда. Я слышал причины и оправдания, если можно так назвать пустую болтовню о всеобщей греховности, моральном разложении и падении нравов, ими же и порожденных. О малой значимости секса в культуре народов, где новая жизнь рождается крайне редко. О способности к адаптации и восстановлению тех, чье существование рассчитано на столетия. Все это и еще многое другое я слышал не раз. Но такие аргументы звучат неубедительно на фоне впустую растроченных жизней, боли и смерти.

Подставляя тело под хлещущую струю кипятка, я знал, что не могу позволить себе потерять даже минуту из отпущенного мне времени. Иногда то темное пятно в голове представлялось мне чем-то вроде раковой опухоли, клетки которой делятся и множатся, постепенно вытесняя из моего тела последние унции способностей. Мне чуть больше сорока лет — детство по меркам моего народа, — но я хочу прожить больше, намного больше, тогда как некоторые глупцы рискуют жизнью ради новых ощущений, кайфа от дури или секса.

Я направил на себя ледяную струю и даже вскрикнул от шока. Зато какое удовольствие вытереть распаренную кожу грубоватым полотенцем. Надевая халат, я поймал себя на том, что испытание контрастным душем по сути ничем не отличается от тех физических мучений, на которые обрекают свои тела те, кто стремится таким образом смягчить душевные терзания. Я пытался ощутить себя живым. Как и они. Ненавижу эти мгновения осознания и признания родства с теми, кто обманывает мои надежды. Они-то и напоминают, почему я люблю Вейрд.

Я сварил свежего кофе и снова включил компьютер.

Глава 3

Если мои предки для поддержания формы бродяжничали в свое удовольствие по лесам и затевали войны, то мне приходится довольствоваться походами в спортзал, где я три раза в неделю занимаюсь пауэрлифтингом. Спортзал Джима — приятное во всех отношениях заведение в тихом местечке на Конгресс-стрит, за мостом от Вейрда. Мне оно понравилось по трем причинам: я никого там не знал; там пахло, как и должно пахнуть в спортзале; и там не было безалкогольного бара. Клиентура смешанная, от финансистов до шоферов-дальнобойщиков, иных практически нет. Атмосфера благожелательная, никто не строит из себя примадонну и не лезет в чужие дела. Зеркала только в раздевалке.

Восстановлением мышечного тонуса я занялся после того, как вышел из госпиталя. Держался в сторонке, не нажимал, работал только с небольшими отягощениями. Удивительно, каким слабым становишься, полежав в больничной палате. У Джима я и познакомился с Мердоком. Поначалу наше общение ограничивалось тем, что мы кивали друг другу при встрече да покачивали головой, когда кто-то, не рассчитав силы, покряхтывал от натуги. Примерно год назад я в приступе тщеславия — к сожалению, такое случается со мной нередко — попытался толкнуть слишком тяжелую штангу и в результате оказался прижатым ею к скамье; Гордость не позволяла позвать на помощь, и я просто лежал, надеясь, что соберусь с силами и освобожусь сам, не сбрасывая блины и не привлекая к себе ненужного внимания и сочувственных взглядов.

В какой-то момент надо мной появилось перевернутое лицо Мердока с притаившейся в уголке рта усмешкой.

— Помочь?

— Да, — выдохнул я. Так родилось наше партнерство. Вскоре мы начали работать вместе: он делился опытом и подбрасывал советы, я со своей стороны рассказывал о фейри, гномах и флитах. С тех пор наше сотрудничество продвинулось далеко вперед.

Пятница была одним из тех дней, когда мы встречались в спортзале. Я уже сходил с бегущей дорожки, когда появился, как всегда, с опозданием, Мердок — в белой футболке и спортивных нейлоновых брюках. И то и другое свежее, чистенькое, отутюженное.

Каждый занимался своим делом, следуя привычной, давно установившейся процедуре и не отвлекаясь на разговоры. С тех пор, как мы стали работать вместе, все профессиональные разговоры в зале попали под запрет. Спортзал давал мне возможность избавляться от агрессии и снимать напряжение, а вот Мердок такой необходимости не испытывал. Из всех моих знакомых он, пожалуй, самый уравновешенный человек. Впрочем, иногда я думаю, что, может быть, просто еще не раскусил приятеля до конца, и его спокойствие есть симптом некоего скрытого серьезного расстройства.

После того, как мы ополоснулись под душем и переоделись, Мердок предложил пообедать. День выдался необыкновенно теплый, и пешая прогулка до итальянского ресторанчика представлялась наилучшим из возможных вариантов. Час пик уже заканчивался, но здесь, в самом центре финансового района, движение еще оставалось достаточно плотным. Своего рода ренессанс центральной части города наступил в начале восьмидесятых, когда у британских фейри и немецких эльфов проклюнулся интерес к биржевым операциям. Многие их сородичи отнеслись к такому увлечению богатством неодобрительно, но большинство людей приветствовали расширение частного бизнеса и связанный с этим процессом рост налоговых поступлений в городскую казну. Кроме того, старая автомобильная стоянка, уродовавшая до последнего времени Поуст-Офис-сквер, оказалась погребенной под чудесным садом, что определенно пошло площади на пользу.

В стороне от туристического маршрута мы отыскивали небольшой ресторанчик уютными кабинками и не слишком молодыми официантками. Мердок после занятий в спортзале любил как следует подзарядиться углеводами. Пока я делал заказ, он положил передо мной конверт. Открыв его, я обнаружил сделанный полицейским художником портрет.

— По описанию Шая?

Мердок кивнул. Художник изобразил лысого мужчину, с темными, слегка раскосыми, как у азиата, глазами и прямым носом. Довольно обычное для эльфа лицо. Но вот уши закругленные, а не заостренные, и губы полные, что нехарактерно для эльфов. В целом черты грубоватые, как и бывает обычно на таких набросках. Стоит чуть-чуть изменить угол зрения, и вы вполне можете узнать своего соседа или найти сходство с императором Японии.

— Толку от него немного, — сказал Мердок, когда официантка, поставив тарелки, удалилась.

Я пододвинул блюдо с пастой.

— Не знаю. Если портрет верен, то эльфов, гномов и троллей можно исключить. И, конечно, флитов. Шай сказал что-нибудь насчет его возраста?

— По человеческим меркам около пятидесяти.

Я нахмурился.

— Около пятидесяти? Если иной выглядит на пятьдесят по вашей шкале, то он довольно-таки стар. Большинство представителей этого поколения предпочитают оставаться в Ирландии и Британии. Соединенные Штаты им не нравятся.

Мердок пожал плечами.

— Ты же сам сказал, что ритуал скорее всего древний.

— Когда я это говорил, то имел в виду пару тысяч лет. Мало кто из иных живет так долго.

— Но эльфов ты исключаяешь, да? Тогда остается фейри.

Теперь уже я пожал плечами.

— Он может быть и человеком. Вероятность невелика, но не принимать такой вариант во внимание нельзя. В данный момент я склонен согласиться с тем, что убийца — фейри.

Мердок поджал губы и рассеянно потер край стола.

— Плохие новости. Мы отправили камни в лабораторию Гильдии на исследование. Их

приняли по описи. А сегодня, когда я позвонил туда, мне сказали, что их не могут найти. Камни исчезли.

Я посмотрел на часы — полдевятого. Звонить поздно — в такое время в пятницу там уже никого нет.

— Черт возьми, не мог сказать раньше? Я бы еще успел кого-нибудь поймать, а сейчас все уже разошлось по домам.

Официантка принесла чек, и Мердок подождал, пока она отойдет.

— Я звонил только для того, чтобы узнать, получили ли они новые. Ты же сам знаешь, как обстоят дела. О других камнях нам даже не сказали. По-моему, на них никто и не взглянул. А раньше я тебе ничего не сказал, чтобы не злить, потому что тогда с тобой невозможно работать.

Я откинулся на спинку сиденья и провел ладонью по лицу. Конечно, Мердок прав. У Гильдии свои приоритеты и тратить время на пустяки она не станет. Фейри в Вейрде беспокоят ее едва ли меньше всего, а уж уличные и вовсе стоят на нижней ступеньке. Мэб не слишком рада сближению двух миров и, будучи верховной королевой Благого двора, давно издала указ, провозглашавший, что фейри, добровольно покинувшие официально определенную территорию, могут рассчитывать только на себя. Одной из причин, вынудивших правителей иных учредить Гильдию стражей, стала необходимость улаживать потенциально опасные конфликты и расследовать особенно вопиющие случаи, но право определять, какие конфликты действительно опасны и какие случаи подлежат расследованию, предоставлено самой Гильдии. В делах, которыми Гильдия не занимается непосредственно, она оказывает чисто символическую помощь местной полиции, которая в свою очередь, столкнувшись с преступлениями с участием иных, лишь обозначает свою поддержку усилиям Гильдии. Как результат — огромное число нераскрытых мелких преступлений и даже убийства иных, которые, по мнению части населения, получили по заслугам. Вот и получается, что оказавшиеся, так сказать, на ничьей земле люди и иные вынуждены искать правосудия на стороне. Действовать на свой страх и риск, без какой-либо практической помощи хотя бы одной из сторон, нам с Мердоком не впервые.

— Есть и хорошие новости, — продолжал он. — Три трупа, похоже, привлекли внимание мэра. Речь вроде бы даже идет о создании оперативной группы.

Я усмехнулся.

— Что я слышу? Уж не спешат ли нам на помощь твои братья? — Родственников у Мердока много и почти все они служат в полиции. Когда по воскресеньям в доме его отца собираются друзья и вся семья, получается что-то вроде неофициального смотра сил охраны порядка.

— Может быть, хотя и вряд ли. За результат отвечаю я, а планы мэра скорее всего означают только то, что на улице появится больше патрульных. Если его что и беспокоит, так это деньги туристов и демонстрации протеста, а не убийства.

Я кивнул. До Иванова дня оставалось две недели. Праздничные пляски, уходящие корнями в глубокую древность, мутировали, превратившись в затяжную разнузданную гулянку. Иванов день, праздник середины лета, существует в той или иной форме практически в любой религии и с каждым годом становится все масштабнее. Ничего удивительного, что именно Вейрд с его наибольшей концентрацией язычников, сделался центром такого рода сборищ. Для жителей города это кошмар, но торжество приносит доход, в местную экономику вливаются огромные деньги. У нас по крайней мере не Англия. Ни одному здравомыслящему человеку и в голову не придет отправляться на Иванов день к Стоунхенджу. Всегда найдутся обкуренные придурки, которые вдруг решат, что пора возродить старинные обряды с человеческими жертвоприношениями и лишением девственности. Самый длинный день в году стал таковым во многих смыслах.

— Об Ивановом дне я и думать не хочу. Меня больше волнует следующий вторник.

Мы вышли. На город уже спустились сумерки. Вечер принес прохладу. Мердок, едва ступив на тротуар, привычно скользнул по улице цепким, настороженным взглядом, как

будто каждый пешеход имел некий скрытый мотив и мог представлять потенциальную угрозу. Дойдя до середины моста, мы остановились у балочной фермы и посмотрели вниз. Пешеходы у нас за спиной и понятия не имели, что мы скорее всего единственные во всем городе люди, которые пытаются найти убийцу, оставившего кровавый след менее чем в миле отсюда.

За каналом, у края Веерного причала, виднеется угол моего дома. На стыке столетий причал был железнодорожным пакгаузом и телефонной станцией, которая, если смотреть сверху, напоминала огромный развернутый веер. Отсюда и название. Шли годы. Железнодорожное депо съезжилось, а освободившееся место заняли склады. Сейчас эти живописные джунгли на берегу лакомый кусок для желающих снести все и возвести роскошный жилой квартал.

— Как насчет связи с фестивалем? — спросил Мердок.

Внизу, далеко под нашими ногами, густая серая вода медленно несла клочья пены и мусор.

— Никакой связи я пока не вижу. Разве что с Лесным царем, который умирает в день летнего солнцестояния, завершая цикл рождения и смерти. Других жертв нет.

— Может быть, убивает один, а остальные знают, но молчат, — предположил он.

— Может быть. Но думаю, мы все равно бы что-то услышали. В те ритуалы, о которых я знаю, смерть фейри никак не вписывается. Вера жертвы так же важна, как вера того, кто убивает. Кажется, я что-то упускаю, но пока еще не знаю, что именно.

— Хочешь узнать, что думает Шай?

Я сделал большие глаза.

— Конечно, что за вопрос!

— Эльфы. Шай считает, что убийства имеют отношение к застарелой вражде фейри и эльфов, потому что если бы речь шла о каких-то разборках между фейри, он бы что-нибудь знал. — Я с сомнением покачал головой. Мердок пожал плечами и улыбнулся. — Я бы не стал его недооценивать. Шай молод, но продержался здесь намного больше других мальчишек его возраста.

Как только с эльфами или фейри что-то случается, кто-нибудь тут же вспоминает о неприязни между двумя народами. Когда иные начали появляться в этом мире около 1900, фейри и эльфы воевали друг с другом, но быстро заключили что-то вроде перемирия, оказавшись здесь, а не в стране, которую все называют Фейри. Общепринятыми терминами для обозначения слияния двух миров являются «конвергенция» или «смещение», но споры о том, какой из них настоящий, продолжаются до сих пор. Факт, однако, остается фактом, что иные определенно пришли из некоего места, где время течет по-другому, а не растворились в мифах и легендах. Так или иначе и здесь, и там большой любви друг к другу эльфы и фейри не питали, и в данный момент представители обеих сторон вели переговоры в Ирландии с целью сгладить продолжающиеся разногласия.

— Так что ты знаешь о Шае?

— Он совершеннолетний, но сбежал из дому. Не думаю, что он был так уж счастлив. Представь, каково пришлось парнишке, настолько похожему на женщину.

Я взглянул на него с некоторым удивлением.

— Вот уж не думал, что тебя до сих пор это беспокоит.

— Я же не сказал, что я бы его третировал. Я вырос здесь, Коннор. И это просто констатация факта. Хочешь верь, хочешь нет, но в этой стране есть места, где иные не живут. Не все чувствуют себя уютно рядом с теми, кого считают чужаками, а уж тем более с теми, у кого проблемы с половой самоидентификацией.

Он был прав. Тому, кто вырос в городе с самой высокой концентрацией иных в США, легко забыть, что есть еще и глубинка. Хотя иные чаще вступают в сексуальные отношения с противоположным полом, биология для них не играет значительной роли. Бриаллен объясняет это низкой рождаемостью и высокой продолжительностью жизни. Промискуитет не считается чем-то заслуживающим осуждения в обществе, где он зачастую является

единственным способом размножения. Там, где вероятность деторождения крайне мала, секс в большей степени выполняет функцию социальных отношений, чем воспроизводства потомства. Долгая жизнь позволяет не торопиться с рождением детей. В школах, где учился я, Шая воспринимали бы наравне со всеми.

— Парень родился в Бостоне, но никакой другой информации о нем нет. — Мердок выпрямился, и мы зашагали дальше. — Чем занимался до прошлого года, неизвестно. Возможно, где-то на него что-то и есть, но досье на несовершеннолетних для нас закрыты. А может быть, он чист, но больших неприятностей ему в любом случае не избежать. Это вопрос времени.

— А Робин?

За мостом начиналась территория Вейрда. Мы пересекли Слип-стрит — я живу в конце нее — и неторопливо зашагали по авеню, мимо забитой до отказа парковочной стоянки ресторана «Сумасшедший Краб», специализирующегося на блюдах из даров моря и уже давно ставшего местной достопримечательностью. Кормят там прекрасно, но местные ходят туда исключительно по будням, оставляя выходные туристам и приезжим из пригородов. За рестораном начинались магазинчики и бары.

— У Робина история немного другая, — заговорил Мердок, — и за ним кое-что числится. Не наркотики. Несколько раз задерживался за драку. По-моему, парень сам напрашивается на неприятности и обычно их получает. Думает, ему все сойдет с рук. И пока сходит.

— Да, я уже заметил.

— Что еще у нас есть? — спросил Мердок, оставляя без внимания мой сарказм.

Рассказать или нет? Прошлым вечером, перед тем как лечь спать, я отправил Джо светляка с полученной от Шая информацией о флите, но ответа пока не получил. И я до сих пор еще не сообщил Мердоку о своих находках на месте преступления. Пожалуй, пора признаваться.

Выслушав меня, он нахмурился и покачал головой.

— Плохо, Коннор. Я никогда ничего от тебя не утаивал.

— Я тоже. А не сказал, потому что не был уверен, что это имеет какое-то отношение к делу, и не хотел уводить тебя в сторону.

Мердок остановился перед витриной с выставленными напоказ фестивальными масками. Огры, тролли, волки и змеи с одной стороны, феи, эльфы и лесное зверье — с другой. Большинство масок по случаю торжества были украшены перьями или покрыты блестящим лаком.

— Я мог бы дать тебе имена флитов, что водят компанию с проститутками.

Вот так сюрприз.

— Ты отслеживаешь флитов? И как тебе это удастся? Они ведь очень осторожны.

— Они, может, и осторожны, а вот те, с кем они водятся, такой осторожностью не отличаются, — сухо бросил на ходу Мердок. Похоже, рассердился.

— Ладно, извини. Я виноват. Больше не повторится.

Он остановился и посмотрел на меня в упор, словно решая, какого наказания я заслуживаю.

— Не забывай, Коннор, что ты больше не какой-то важняк из Гильдии. Я говорю это не для того, чтобы тебя унижить. Просто не хочу в один прекрасный момент узнать, что ты просто развлекаешься в ожидании, пока к тебе вернуться прежние способности. Напарники должны доверять друг другу. Хочешь погреться в лучах славы — дело твое, но только не за мой счет.

— Послушай, не слишком ли круто замешиваешь? Из-за какой-то мелочи...

Он пожал плечами.

— Большое часто начинается с мелочей. Мне это не надо.

— Ладно. Больше не буду.

— Хорошо, — твердо, словно подводя черту, сказал Мердок. — Ты знаешь, как я к

этому отношусь. — Он посмотрел на часы. Уже не в первый раз после того, как мы вышли из ресторана.

— Встречаешься с кем-то? — спросил я. Народу на улице становилось все больше. Кто-то спешил в театр, кто-то впервые отважился наведаться в Вейрд и воспринимал прогулку как большое и опасное приключение. К десяти все они разойдутся, а их место займут настоящие хозяева квартала.

Мердок огляделся, все еще избегая встречаться со мной взглядом.

— Ничего особенного.

— Я ее знаю?

— Нет, она же приличная девушка.

— Очень смешно. И где вы встречаетесь?

— В «Ро-Ро». — «Розовой розой» назывался уютный ресторанчик неподалеку от авеню, на Б-стрит, с теплыми деревянными кабинками по периметру главного зала, в которых стояли небольшие, на четверых, удобные столики. Любителям более серьезной выпивки предлагался отделенный стеклянной перегородкой бар с длинной стойкой из красного дерева. Хорошее освещение, неплохая вентиляция и живой звук — от популярных групп до сольных исполнителей а капелла. Хороший пример того, чем мог бы быть Вейрд, если бы кто-то позаботился о нем по-настоящему.

— О, так серьезно.

— Я же сказал, ничего особенного. Она там с друзьями.

Дойдя по перекрестку, мы остановились. Приглашать меня с собой Мердок определенно не собирался. Наверно, мы еще не настолько близко сошлись, чтобы вместе ходить на вечеринки. С другой стороны, я ведь тоже никогда не предлагал ему провести со мной вечер в городе. Там, куда я ходил, подавали пиво, торговали наркотой и развлекали драками — без солидной полицейской поддержки ни один детектив в такое заведение по доброй воле и не сунется. К тому же на данном этапе я и сам не стремился к тому, что могло повлечь за собой серьезные отношения. Достаточно хорошо зная Мердока, я полагал, что он либо уважает мой выбор и не зовет с собой, чувствуя, что мне будет не очень приятно в незнакомой компании, либо дает понять, что поскольку я никуда его не приглашаю, то и он будет поступать соответственно. Что ж, по крайней мере я не услышал от него откровенного «ступай-ка ты, приятель, своей дорогой». Некоторое время мы неловко топтались на углу, словно ожидая чего-то.

— Ладно, свое возьму позже, — сказал я наконец.

— Позвони, если что-нибудь придумаешь. И спокойной ночи. — С этими словами он ступил на переход.

Я побрел по авеню в обратном направлении. Мердок был прав, когда напомнил о Гильдии. Обстановка там максимально приближенная к боевой. Люди с исключительными способностями обычно отличаются большим самомнением, что вовсе не способствует командной работе. Все осторожничают, никто никому не доверяет, каждый держит карты поближе к груди, а если и приоткрывает, то только в силу необходимости. Борьба за признание и продвижение по службе идет постоянно, и в ней применяются любые приемы. Награда — деньги, слава, власть. Риск велик — теряешь сразу все: первое, второе и третье, а падаешь намного быстрее, чем поднимаешься. У меня это особенно хорошо получилось.

Должен признаться, я нацеливался на самый верх. Метил на место начальника бостонского отделения Гильдии. На протяжении последних ста лет должность эту занимали по большей части фейри, что было отражением реального положения дел — по счетам платил Благой двор. Эльфы наверх не поднимались ни разу и вряд когда-нибудь туда попадут. Чтобы бы там ни говорили, какие бы соглашения ни подписывали, старая вражда скоро не проходит. А вот друидам это удавалось. И пусть долго они там не задерживались, я вбил в голову, что и мне такое по силам.

И вот когда цель уже была близка, случилось то, что случилось. Я еще не вышел из госпиталя, когда меня лишили допуска к секретной информации. В Гильдии на сей счет

существуют жесткие правила, и категория допуска зависит от уровня способностей. Роскошные апартаменты на Бикон-хилл я потерял через год, но большинство так называемых друзей перестали звонить еще раньше. Остались только Стинкворт, Бриаллен, родные и несколько случайных приятелей.

Чем больше я об этом раздумывал, тем острее сознавал, что Мердок прав. Я не привык работать в команде, тем более быть младшим напарником. И пусть я больше его знал об обитателях Вейрда, на его стороне были авторитет и сила власти. Без него я представлял собой опасного пустозвона, с которым не захотели бы связываться ни Гильдия, ни бостонская полиция. А без них был бы самым обычным конченным друидом без малейших перспектив.

Дойдя до магазина масок, я остановился и посмотрел на расположенный напротив бар «Флиттербаг». Над потемневшей от времени красной металлической дверью висела тусклая неоновая вывеска с едва мигающими тремя парами крыльев. Большинство прохожих его не жаловали, предпочитая заведения менее угрюмые и чуть более респектабельные. Я пересек улицу под протестующие гудки автомобилистов.

Открывая дверь, я ощутил легкое прикосновение охранных чар, которое тут же утонуло в потоке хлынувших изнутри сущностей. Многие иные пользуются вардами для защиты от дурного влияния. Конечно, дурное влияние понятие расплывчатое. Иногда их настраивают на что-то конкретное: от полицейских жетонов до конкретных личностей — все зависит от способностей заклинателя. В «Флиттербаге» нежелательными персонами считались парни в синем, копы.

За порогом меня накрыла, блокируя все прочие ощущения, волна спертого воздуха, выдохшегося пива, застоялого дыма и несвежего пота. Все побывавшие здесь оставили свой след. Помещение вытянулось футов на пятьдесят. С полумраком неохотно боролись маломощные галогенные лампы, по потолку прыгали острые красные и голубые лучи лазеров. Музыка в стиле «хаус» била по ушам, приглашая желающих на танцпол, небольшой пятачок в передней части зала, но таковых не находилось. Вдоль одной стены теснились пластмассовые столики неопределенного цвета. Противоположную стену целиком занимала барная стойка.

Было еще рано, и лишь в углу сидели двое эльфов. Самое интересное в «Флиттербаге» начинается тогда, когда мирные граждане уже преспокойно спят у себя дома.

Я подошел к стойке, изрытую оспинами деревянную поверхность которой полировал угрюмый гном в три с половиной фута ростом, в «ливайсах» и линялой черной футболке. Грубоватая физиономия казалась покрытой слоем сажи, словно он только выбрался из угольной шахты и еще не успел умыться. Смазанные каким-то гелем волосы плотно прилегли к голове.

— «Гиннес», — сказал я.

Он зыркнул в мою сторону и отошел к полке, а вернувшись, поставил передо мной крохотный стаканчик с пивом и снова взял в руки тряпку.

— Вы на этой неделе здесь работаете? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Да.

Я достал портрет, выполненный полицейским художником, и положил перед ним на стойку.

— Узнаете?

Гном привстал на цыпочки, чтобы посмотреть через мое плечо на эльфов.

— Ты еще за пиво не заплатил, — проворчал он, продолжая свое бессмысленное занятие. Я положил на лист десятку, которая моментально исчезла в одном из карманов, сметенная со стойки неуловимым движением руки. — У меня тут таких чудачков каждый вечер полным-полно.

— У него необычный голос. Хриплый или скрипучий.

Гном снова пожал плечами.

— Мало. — Я положил вторую десятку. — Да, вроде бы припоминаю такого.

— А в какой день он здесь был?

Бармен отложил наконец тряпку и удостоил меня долгим, задумчивым взглядом. По лицу его скользнула хитрая усмешка.

— Спрашиваешь, как будто сам из Гильдии, а не похож. Ждешь, наверно, что я скажу «во вторник», а? А как насчет еще одного пива, приятель?

Я еще и к первому не притронулся. Да и не собирался. Такая вот рекомендация. Я положил еще десятку, отчетливо сознавая, что Мердок убьет меня на месте, когда увидит отчет о расходах. С третьей бумажкой случилось то же, что и с двумя предыдущими — она исчезла.

— Был здесь в прошлый вторник. Потом разговаривал на улице с пареньком по имени Шай, а позже с другим, которого зарезали.

— Шай? Это тот, что похож на девушку?

Гном кивнул.

— Тот еще сучонок. Мои знакомые работали с ним одно время, так он постоянно подворовывал.

Я кивнул.

— А раньше вы их вместе видели? — Бармен пожал плечами и вернулся к своему любимому занятию.

— Нет. Только в тот вечер. А вот второго замечал и прежде. Прошлой осенью он частенько сюда захаживал. Всегда сидел в углу. Не выпивал. Только смотрел. Потом пропал. К нам всякие захаживают, но этот особенный. Посмотришь — и мурашки по коже. Я хоть и не твоего полета птица, но уж фейри от друида отличу запросто. Не знаю, кто он такой, но одно скажу — есть в нем что-то ненормальное.

— Спасибо. — Гном молча кивнул и отправился полировать дальний конец стойки.

Интересно, подумал я, выходя из бара, что Шай не упомянул о разговоре с предполагаемым подозреваемым. Почему? Есть что скрывать? Но в таком случае зачем выдавать нам то, о чем можно было умолчать? Зачем вообще проявлять инициативу? Мердок предупреждал, что парня не стоит недооценивать, но говорил это как комплимент. Возможно, теперь он оценит способности Шая не только в положительном смысле.

Ступив на тротуар, я невольно поежился под порывом сырого ветра. Дневное тепло сменилось прохладой, и город как будто замер на миг, сделав глубокий вдох. Задорные яппи устремились под крышу, на поиски более безопасных развлечений, а на ночные улицы выползли те, кто с полным правом называет квартал своим. Прохожие, которых я встречал теперь, выглядели чуть более мрачными, чем всего лишь полчаса назад, чуть более дерзкими, отчаянными и скрытными. Голоса сбившихся в группы звучали громче, как будто их смех мог сам по себе отвратить опасность. Поток машин поредел и замедлился, таксисты кружили по улицам, высматривая клиентов, или срывались с места, чтобы побыстрее доставить пассажира к объекту желаний: теплой постели или наркотикам.

С другой стороны улицы донесся крик, и я, повернувшись, увидел разбегающихся как крысы с тонущего корабля людей. У спрятавшейся за ставни витрины одного из магазинов осталась лишь небольшая кучка мужчин, точнее, молодых парней. Замелькали кулаки, послышались стоны и проклятия, и я уже сделал несколько шагов к месту происшествия, прежде чем вспомнил, что теперь это уже не мое дело. К тому же я был один.

Кто-то из участников потасовки взлетел и приземлился на припаркованную к тротуару машину. Кто-то громко выругался по-немецки, и вслед за этим на передний план выступила жертва. Гном работал кулаками с ловкостью и силой кузнеца, обрабатывающего наковальню. Еще двое нападавших отлетели в сторону, а оставшиеся, хотя и взяли противника в кольцо, держались от него на безопасном расстоянии. Похоже, такого сопротивления ксены не ожидали. И все же их было четверо против одного, и я решил вмешаться. Ситуация разрешилась, впрочем, и без моего участия. К месту потасовки с громкими криками устремились еще трое гномов, и остатки банды, осознав последствия собственной глупости,

кинулись наутек.

— Я бы и сам справился, — заявил гном подоспевшим товарищам.

— Никто и не сомневается, — был ответ, и вся группа неспешно, с достоинством удалилась.

Поднявшись к себе, я растянулся на кровати и смотрел телевизор, пока новости не стали повторяться в голове уже без участия диктора. Благой двор и Тевтонский консорциум приступили к последнему раунду переговоров на саммите в Ирландии. Нерешенными все еще оставались несколько ключевых вопросов, в том числе проблема автономии колоний эльфов и гномов в восточной Германии и предлагаемая обеим сторонам структура власти. Кельтские и тевтонские иные воевали, казалось, уже целую вечность. Начавшиеся несколько столетий назад войны за территорию переросли в ожесточенные идеологические и политические споры. Случившаяся на исходе прошлого столетия Конвергенция изрядно осложнила противоречия: Тевтонский консорциум требовал выделения фондов на изучение возможностей возвращения в страну Фейри, тогда как Благой двор призывал решать практические вопросы существования в новой, изменившейся реальности. Единственное, в чем сходились все участники конференции, это в отказе от односторонних действий по достижению первоочередных целей. Таким образом саммит стал еще одной попыткой избежать всеобщей войны.

Что касается убийств, то о них было упомянуто только в контексте заявления мэра об усилении полицейского присутствия на улицах города да и то вскользь; гораздо больше внимания ведущий уделил дорожному контролю в период фестиваля. Если убийца искал славы, он явно ошибся в выборе жертв. В конце концов я выключил телевизор и забылся беспокойным сном, заполненным граничащими с кошмаром видениями.

Глава 4

В субботу я первым делом отправился на пробежку. Параллельные занятия бегом и в спортзале помогли не только вернуть прежнюю физическую форму, но и выйти на новый уровень. Маршрут я выбрал сложный — вдоль разрушающегося волнолома, через заброшенные парковочные стоянки с потрескавшимся асфальтом, по деревянным мосткам между причалами и поржавевшими рельсами узкоколеек. Историю района, прошедшего нелегкий путь эволюции от рыбацкого поселка до Вейрда через промежуточные станции — рабочий порт, железнодорожное депо, товарный склад, — рассказывали руины старых зданий и извилистые закоулки.

Новые обитатели квартала тоже успели оставить повсюду свои следы. Сточные канавы заполняли банки из-под спиртного; надписи на стенах при ближайшем рассмотрении оборачивались огамическим письмом — разумеется, для тех, кто умел его читать; камни и ограды с древними рунами утопали в буйно разросшихся сорняках, а причалы покрывали разбросанные, как конфетти, свечные огарки. Иногда брошенные обереги, амулеты и талисманы отдавали таким резонансом, что статический разряд поднимал волоски на руках и ногах.

Было замечательное июньское утро, одно из тех, что одаряют обещанием лета, теплыми лучами и голубым небом. Обычно дуящий с моря свежий ветерок сбивает температуру, но в этот день он едва ощущался. Район южного Бостона — это район ирландских иммигрантов, рожденный голодом на их родине, отозвавшимся потоком переселенцев. Неудивительно, что подавшиеся в Новый свет иные выбрали тот же маршрут и потянулись в первую очередь в Бостон. Я пробежал мимо мужчин, моющих свои машины, мальчишек, играющих на улице, и немолодых женщин, мирно беседующих перед бакалейным магазином. Милый квартал в достигшем совершенства мире.

Маршрут завершался у мощеного бульвара, ведущего к Форту независимости. Старые укрепления времен революционной войны находятся на краю косы, имеющей для города стратегическое положение. Коренные бостонцы называют ее Касл-айленд, помня о том, что

когда-то, до строительства насыпи, соединившей форт с городом, она действительно представляла собой остров. Непосвященным форт с гранитными стенами и пятью батареями и впрямь представляется замком. В выходные после Дня памяти одетые в костюмы той эпохи гиды проводят там красочные экскурсии. Из-за собравшейся ради зрелищ толпы я решил сократить дистанцию и вернуться домой тем же путем.

За время пробежки у меня появилась мысль, что я, может быть, подхожу к ритуальному аспекту убийства не с той стороны. Нередко бывает, что к решению проблемы ведет самый простой путь. Если ритуал проводится на месте убийства, то он должен быть где-то описан и объяснен. Хорошая посылка, но только при условии, что у вас есть возможность изучить все мыслимые обряды. Вот здесь тропинка теряется в чаще. По той простой причине, что все не записано.

Каждый ритуал есть прежде всего средство достижения цели. Обладая необходимыми способностями, имея нужные элементы и волю, чтобы использовать и то и другое, выполнить тот же ритуал — но для достижения иных целей — по силам многим. Сосредоточившись на аспекте «как», я выпустил из виду аспект «для чего».

Выйдя из госпиталя и имея в своем распоряжении немало свободного времени, я много раздумывал над тем, что именно со мной произошло. Подобно любому человеку с серьезным заболеванием, я взялся за изучение вопроса и, в конце концов став экспертом, пришел к тому же, что и специалисты, выводу: диагноз неизвестен. Самая большая проблема заключалась в том, мой физический недуг не был в полном смысле физическим. Темное образование в моем мозгу не имело массы и каких-либо реальных физических манифестаций, кроме того, что необъяснимым образом регистрировалось всеми доступными диагностическими средствами. Чем бы ни была эта чернота, она успешно блокировала все попытки активировать способности на всех более или менее значимых уровнях. Что бы я ни делал, все заканчивалось тем, что мозг как будто раскалывался на тысячи стеклянных осколков. Дальнейшие усилия приводили к потере сознания. Исходя из этого, я пришел к заключению, что черная масса есть некая энергия, неведомым образом связанная с моей сущностью.

Одна из моих книжных полок целиком занята трудами, посвященными исследованию сущности. Во все века людей занимал вопрос: что делает иного иным. Интерес этот резко возрос в прошлом столетии, когда к исследованиям подключилось большое число людей. На мой взгляд, который кто-то может счесть предвзятым, лучшие философские работы по этой теме написаны современными друидами. В конце концов за нами долгий путь изучения окружающего мира.

Я снял с полки тонкий томик под названием «Суть сущности». Давным-давно его подарила мне Бриаллен. Неизвестный автор — подозреваю, что им является сама Бриаллен — подошел к проблеме с духовной точки зрения, исходя из предположения о связности всего сущего. Стержневой пункт его теории состоит в утверждении, что вся материя, как органическая, так и неорганическая — от могущественной королевы фейри до простого камешка, — обладает непостижимой формой энергии, которую мы называем сущностью. В неорганической материи энергия эта распределена равномерно. Что же касается живых существ, то у них в силу их органической природы сущность концентрируется в одном месте. А именно в сердце.

Исходя из этого, я и предположил в разговоре с Мердоком, что целью ритуала может быть передача или отъем силы. Большинство иных интуитивно осознают, что их сущность заключена в сердце. Мозг способен активировать наши способности, но источником силы является один из наиболее защищенных и инстинктивно оберегаемых органов тела. Мы чувствуем это, когда взмахиваем тисовой палочкой, смотрим в магический кристалл или отправляем мысленный призыв.

Но никаких признаков ритуала на месте второго и третьего убийства я не обнаружил. Мердок привлек меня только после второго случая, но судя по тому, как события развивались дальше, картина первого ничем не отличалась от последующих. Ключевым моментом всех трех убийств было именно изъятие сердца. Известно, что серийные убийцы

нередко оставляют себе какой-то сувенир как напоминание о совершенном деянии, свидетельство их власти. Принимая во внимание оба фактора — что сердце является вместилищем сущности и что изъятое сердце довольно долго сохраняет свою силу, — нетрудно сделать вывод, что речь может идти о Силе в более реальном и практическом смысле.

Я резко выпрямился, и мой старенький стул протестующе закрипел. Если остаточных следов ритуальной магии на месте убийств не найдено, то может быть, никакого ритуала и не было. Что, если сердца понадобились убийце для чего-то еще? Я уже повернул стул к книжной полке, готовый заняться изучением новой теории, когда кто-то громко прокашлялся в соседней комнате. Я вздрогнул и, осторожно соскользнув со стула, прошел в гостиную.

На обеденном столе сидел Стинкворт с обкусанным печеньем в руке.

— У тебя молоко есть? — спросил он с набитым ртом.

Меня окатила волна облегчения и злости. Я пробормотал снимающее защиту короткое заклинание, одно из немногих оставшихся в моем распоряжении.

— А постучать не мог?

Он откусил еще кусочек.

— Наверно, постучал бы, если б воспользовался дверью. — Без проблем пробираясь в мою квартиру, Джо избегал прикасаться к холодильнику, оправдываясь тем, что в холоде есть что-то неестественное. По-моему, полная чушь. Просто ему нравится, когда его обслуживают. Я плеснул молока в стакан.

— Налей еще один.

Я скрестил руки на груди и посмотрел на него сверху вниз.

— Зачем?

Джо перестал жевать и растерянно повертел головой. Потом отложил объединенную печеньюшку, поднялся и прошелся по столу, заглядывая за банки с продуктами. Остановившись у кофеварки, он наклонился, негромко что-то сказал и протянул руку.

— Нет-нет, не бойся, все в порядке.

Из-за кофеварки высунулось желтое крылышко. Крохотное личико выглянуло на мгновение и тут же спряталось.

— Ну же, здесь есть молоко, — сказал Джо на корнуоллском.

Крохотный флит выступил опасливо из-за укрытия. Крылья у него были ярко-желтые и довольно большие для существа, вдвое меньшего ростом, чем Джо. Бледно-золотистые волосы свисали до талии, почти полностью скрывая светло-зеленую тунику. Бледная кожа казалась почти прозрачной. Он внимательно посмотрел на меня большими зелеными глазами, но так и остался на месте.

— Это Танси, — сказал Стинкворт.

Услышав свое имя, гостья коротко взглянула на Джо и, протянув руки ладонями вверх, поклонилась мне.

— De da.

— De da, Танси, — ответил я, вернув поклон после того, как Джо представил меня гостье.

— Танси не очень хорошо говорит по-английски, — предупредил Стинкворт.

Я ободряюще улыбнулся малышке.

— Она такая крохотуля. Ты уверен, что не ошибся?

Джо картинно закатил глаза.

— Я весь вечер слушал ее болтовню о достоинствах весенних трав. Поверь мне, я бы не стал тратить время, если бы не был уверен, что она та, кто нам нужен.

— *Ran wreugh why debry?* — произнесла Танси с сильным деревенским акцентом.

— Печенье и молоко, — распорядился Джо, щелкая пальцем.

Я ответил ему холодной улыбкой, налил молока во второй стаканчик, достал из шкафчика пакет с печеньем и поставил угощение на стол. Церемониться Танси не стала и, взяв печеньице, с любопытством огляделась. Потом подошла к кофеварке, обнюхала ее и

наморщила носик.

— Я почти ничего не понимаю из того, что она говорит? Из какого она клана?

Джо с нескрываемым пренебрежением пожал плечами.

— Что-то связанное с плетнем и глиной. Неудивительно, что она тупая как полено.

Я усмехнулся. Не признавая существования иерархического порядка между различными народами фейри, Джо легко пользуется им в отношении соплеменников. Флиты предпочитают умалчивать о своих социальных структурах, но я уже давно понял, что Стинкворт принадлежит к одному из самых влиятельных семейств. Не королевскому — он обязательно похвастал бы этим, — но весьма влиятельному.

— А она меня понимает?

Джо поднял голову от стакана — на носу у него повисла капелька молока.

— Пытается выучить английский. Если у тебя хватит терпения на несколько десятилетий, сможешь общаться с ней напрямую.

— Так ты здесь, чтобы помочь, или просто перекусить?

Джо демонстративно развел руками.

— Ты попросил найти ее, а если она тебе не нравится, то я здесь ни при чем.

— Ладно, ладно. Спроси, знает ли она Гамелина Дананна Сидхе.

При упоминании имени третьей жертвы, Танси выпрямилась и посмотрела на меня.

— Похоже, это поняла, — сухо заметил Джо.

— Спроси, была ли она с ним в прошлый вторник.

— A wrussta gweles Gamelyn war Tuesday.

Танси подняла руку и начала загибать пальцы. Пауза затянулась. Наконец она затрясла головой.

— Me a wrug gweles.

— Она видела человека, с которым ушел Гамелин?

— A wrussta gweles an den gans Gamelyn?

— Me a wrug gweles, — повторила она.

— Как он выглядел?

Выслушав вопрос, Танси задумчиво наморщила личико.

— Bras ha ska ew den, — сказала она и, перейдя на ломаный английский, добавила: — Он... я тошнить... да?.. ef a wrug ow claf vy.

— Она говорит, что он был большой, и ее от него тошнило.

— Иной?

— Ska! — бросила Танси.

Джо от изумления даже взвился над столом.

— Говорит, что он плохой.

— Плохой? Что это значит?

Несколько секунд они препирались: Джо, похоже, требовал от нее что-то, а она повторяла одно и то же. Потом Танси раздраженно замахала ручками и закричала:

— Ska! Ska na ew an den! Ska ew an pysky! Ska ew an aelf! Ska! Me na wra gothvos!

Мы с Джо подались от нее. Я не понял ни слова из ее трескотни. Джо растерянно качал головой.

— Говорит, что он плохой как иной, а не как человек. Дурочка, что с нее взять. Только и твердит, что он плохой.

— Она видела, как он убил Гамелина?

Едва Джо перевел вопрос, как Танси закрыла лицо руками и расплакалась. Речь ее прерывалась всхлипами, и Джо наклонился ближе, чтобы разобрать, что же она говорит.

— Гамелин попросил ее остаться в баре, но она все равно последовала за ним. Когда Танси нашла их в переулке, Гамелин лежал на земле, а незнакомец держал в руке нож. Он увидел ее и отослал.

Я не сразу понял, что она сказала.

— Отослал? То есть с помощью заклинания? — Джо кивнул. — В таком случае

человека можно исключить. — Я прошел в кабинет, взял из папки портрет, сделанный со слов Шая и, вернувшись в кухню, показал его Танси.

— Он?

Она зашипела и отпрянула в страхе, бормоча проклятия и жестикулируя. Джо уставился на нее округлившимися глазами.

— Хватит! Прекрати! — закричал он. Листок вдруг вспыхнул у меня в руках. Я выронил его и затоптал пламя на полу, а когда поднял голову, гости уже исчезли. Правда, Джо почти сразу вернулся.

— Расстроилась, — сказал он, запуская руку в пакет с печеньем.

Я опустил в кресло в гостиной и уставился в потолок.

— По крайней мере теперь мы знаем, что портрет точный.

— Или, может быть, она просто боится бумаги.

Я пропустил эту реплику мимо ушей.

— Ты сможешь, если понадобится, снова ее найти?

— Зачем? У нее же не голова, а пузырь.

— Она свидетель. И, может быть, даст нам побольше информации, чем Шай. — Я коротко пересказал ему то, что узнал от бармена-гнома.

Джо пожал плечами.

— Ну, он же не соврал. Просто утаил кое-что. Это ведь не преступление?

— Нет, — согласился я. — Но можно ли ему верить? К тому же не забывай, чем Шай зарабатывает на жизнь. Это тоже минус.

— А, понятно. С дурочкой в суде будет легче. Веселая страна Америка.

Я закрыл глаза и устало вздохнул.

— Спорить с тобой насчет американской судебной системы я не собираюсь. Так ты сможешь ее найти, если она понадобится Мердоку?

— Конечно. Я ведь уже нашел ее, когда не знал, верно? В следующий раз будет легче.

Я посмотрел на него.

— Ты случайно не знаешь, для чего кому-то может потребоваться сущность фейри?

Он опустил голову. Флиты не любят находиться рядом с теми, кто больше их, но еще меньше им нравятся разговоры о мертвых. Для них, почти бессмертных, тема смерти лишена привычного, например, людям очарования.

— Чести такое никому не делает. Ни один иной на такое не пойдет. Даже наши достойные жалости братья из Неблагого двора не преступят этот закон. Уничтожить врага в честной битве справедливо и почетно, но поработить его дух противно ходу Колеса. Это значило бы уничтожить все.

По телу пробежала легкая дрожь. Таким серьезным Джо бывал редко.

— То есть это возможно? — негромко спросил я.

Он вспорхнул со стола.

— Нет. С миром ведь еще ничего не случилось, так? Мне пора. — Он пропал и снова возник. — Кстати, купи еще печенья. — И опять исчез.

Я убрал разлетевшиеся по полу белые чешуйки золы и, вернувшись в кабинет, остановился перед книжной полкой. Большая часть работ по сущности представляли собой философские изыскания или медицинские теории, а вот книги по ритуалам практически отсутствовали. Я по крайней мере не мог припомнить ни одной, где описывалось бы использование чужой сущности. Правда, сущность животных, камней и растений применялась во многих обрядах, но за все время обучения я ни разу не сталкивался с обсуждением такой темы, как ритуальное употребление сущности иного. Да, в древних обрядах говорилось о принесении в жертву человеческих детей, обычно мужского пола. Но сущность ребенка слаба, а у людей она к тому же не развита.

Я ощутил прилив волнения. Знания у друидов всегда были частью общей устной традиции и не только передавались от учителя ученику, но и добывались путем самопознания. Вверх продвигался только тот, кого считали готовым, или кто самостоятельно

овладел интуитивным знанием в объеме, достаточном для разгадки тайны следующего уровня. Распоряжение могущественным знанием строилось так, чтобы оно использовалось с мудростью, основанной на опыте. Если все просто записать, возникает соблазн побежать, еще не научившись ходить. Молчание по поводу кровавых жертвоприношений с использованием иных означало, что знание это строго охраняется от неподготовленных и неосторожных.

Следовательно, докопаться до причин такого молчания будет непросто. Знания передаются только по цепи доверия от наставника ученику. Просто подойти к кому-то и задать пару вопросов невозможно. Мои бывшие учителя разбрелись по свету, следуя каждый своим путем. Я бы мог отследить их, но на это ушло бы слишком много времени. Оставалось только попытать удачи у Бриаллен.

Я повернул в гостиную, и в этот момент в дверь постучали. Тревога сдавила грудь, как всегда, когда случалось что-то неожиданное. За время работы в Гильдии у меня появилось немало врагов, и каждый из них был бы счастлив найти меня сейчас в состоянии крайней уязвимости, почти беззащитности. Гильдия выделила мне несколько вардов для охраны дома, но они представляли собой не более чем тревожную сигнализацию. Те, что стояли на окнах, могли затруднить проникновение в дом или отвести посланные издалека чары. Ни один из них сейчас не сработал. И в наружную дверь тоже никто не звонил.

Я бесшумно пересек гостиную и остановился, прислушиваясь. Ничего. Только слабый шум взлетающего где-то далеко самолета. Стук повторился. Такой же спокойный, нетребовательный. Может, сосед?

— Кто там?

— Кива, — донеслось из-за двери.

Я покачал головой и повернул ручку. Кива Макнив стояла у противоположной стены, едва заметно улыбаясь краешком рта. Варды не сработали, потому что она сама устанавливала их еще до моего переезда сюда. Замок на входной двери внизу остановить ее, конечно, не мог.

Кива — высокая для фейри женщина, почти одного со мной роста, с роскошными огненно-рыжими волосами, волнами падающими на плечи. Лицо ее с тонкими, точеными чертами было бы по-настоящему красивым, если бы не проглядывающая сквозь них заносчивость, если бы не холодок в зеленых глазах и не излишняя твердость темных губ. Когда-то, в самом начале знакомства, у нас был небольшой флирт, но ничего серьезного. Потом мы узнали друг друга получше — или, правильнее сказать, я узнал ее получше, — и влечение рассеялось. Она заметила перемену и остановилась без лишних вопросов. Будучи в хорошем настроении, я охарактеризовал бы ее как хищницу. Что бы я мог сказать в ее адрес в состоянии крепкого подпития, за то я не отвечаю.

— Привет. — Я выдавил из себя улыбку.

Кива оттолкнулась от стены и позволила себе улыбнуться чуть шире. Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Привет. Не пригласишь войти?

Я отступил и сделал соответствующий жест. Она переступила порог, неся с собой легкий аромат жимолости. Крылья ее скрывал гламур. Большинство фейри пользуются гламуром в публичных местах — им не нравится то внимание, которое привлекают к себе крылья. А вот облегающий черный комбинезон показался мне настоящим. Приглядевшись, я заметил слабое мерцание на спине, у основания крыльев. Кива прошла через комнату, выглянула в окно и лишь затем повернулась ко мне.

— Признаться, Коннор, не такое уж и плохое место, верно?

— О, так ты пришла поболтать? — Я улыбнулся, сделав вид, что укол не достиг цели.

Она усмехнулась и, прежде чем опуститься в кресло, скользнула по нему цепким взглядом.

— Как ты? Изменения есть? — В заданном нейтральным тоном вопросе не прозвучало ни сочувствия, ни даже безразличия.

Не желая показаться грубым, я тоже сел в кресло — напротив нее.

— Нет. Итак, Кива, что привело тебя сюда? Только не говори, что просто проходила мимо и заглянула.

— Хочешь верь, хочешь нет, но я действительно оказалась здесь случайно. Друзья приехали на Иванов день и выразили желание посмотреть Вейрд. Я решила, что было бы интересно прийти сюда пообедать, но для начала надо бы выбрать парочку приличных ресторанов. Что порекомендуешь?

Я колебался. Представить Киву Макнив за ланчем с гостями в Вейрде примерно то же самое, что вообразить английскую королеву потягивающей пиво в пабе.

— «Сумасшедший Краб» — заведение приличное и безопасное. И публика приятная. — Я не стал говорить, что те же рекомендации можно найти в любом путеводителе. Не хватало только, чтобы приятели Кивы повадились захаживать в мои излюбленные места.

Она рассеянно кивнула — эта информация ее явно не интересовала.

— Давно не видела тебя в Гильдии. Ты, наверно, хочешь узнать последние новости. Месяц назад в Баварии пару раз видели Бергена Визе. В районе Черного леса отмечен рост экотеррористической активности.

Я с любопытством посмотрел на нее. По странному совпадению расследовать мой случай поручили именно Киве Макнив. Проявила ли она какую-то инициативу, или так решило начальство, выяснить не удалось. Что касается Визе, то он и был тем психом с кольцом, из-за которого я лишился своих способностей. Время от времени я связывался с Кивой и обычно слышал одно и то же. Иногда его видели в Лондоне, иногда в Германии. Бывая в Штатах, Визе предпочитал Калифорнию и Юго-запад. В Новой Англии не появился ни разу. Я решил подыграть.

— К нему кто-нибудь подобрался?

Кива, разумеется, покачала головой.

— Мы пытаемся, Коннор, но это нелегко. Ты же его знаешь.

Я кивнул.

— Работает по-прежнему на Макдуина?

Щеки ее слегка порозовели — физическая реакция, которую она либо не замечала, либо не могла контролировать. Лоркан Макдуин возглавлял департамент Гильдии, занимавшийся местной преступностью. Будучи партнерами, мы с Кивой одинаково критически оценивали его способности руководителя. Именно Макдуин принимал окончательное решение по поводу вмешательства Гильдии в расследование того или иного инцидента с участием иного.

Во время Второй мировой войны германские эльфы активно поддерживали нацистов, надеясь, что победа держав Оси поможет им воссоздать королевство Фейри в конвергентном мире. Лоркан, как и многие фейри, желавшие вернуться на родину, относился к ним сочувственно, что не снискало ему популярности в высших эшелонах Гильдии. Впрочем, в последнее время, время политического сближения народов, грешки прошлого открыто не обсуждались. Макдуин, однако, знал, что думают люди, и порой проявлял чрезмерное усердие там, где это не требовалось. Кива нервничала и роптала, понимая, что с таким начальником перспективы карьерного роста весьма расплывчаты.

— Да. — Она закинула ногу за ногу. — Макдуин есть Макдуин. Ты и сам знаешь.

Я кивнул. Мало кто отваживается открыто критиковать руководство, опасаясь, что откровенность может вернуться бумерангом. Даже самые плохие отношения иногда служат ступенькой к чему-то лучшему.

— Над чем сейчас работаешь? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Кроме Визе, ничего интересного. Есть один пропавший без вести, но надеюсь, скоро закончу.

— Я могу тебе чем-то помочь?

Кива снисходительно улыбнулась.

— Сама справлюсь.

Она поднялась и прошла по комнате — там провела пальцем по корешку книги, здесь поправила картину — и остановилась у кухонной стойки. Фейри слабо чувствуют сущность, но учитывая, что Джо и Танси были здесь совсем недавно, она вполне могла что-то ощутить.

— Ты бы собрал крошки.

Кива подошла к окну и посмотрела куда-то влево, а я залюбовался ее профилем. Если бы не этот неприятный изгиб губ...

— А как дела у тебя? Слышала, работаешь по серийным убийствам. В каком качестве?

Я ответил не сразу. Так вот ради чего она сюда пришла. Подозрение подтвердилось, когда Кива, не выдержав затянувшейся паузы, повернулась ко мне.

— Кажется, есть ниточка. Возможный свидетель.

Она снова опустилась в кресло.

— Да, читала в отчетах.

А вот это уже сюрприз.

— Гильдия ведет расследование? — спросил я.

Кива небрежно провела ладонью по длинным рыжим локонам.

— Нет, просто готовила для Макдуина сводку и наткнулась на твое имя. Потом уже, разумеется, прочитала файл. Чего нет в отчетах?

Я улыбнулся, и она улыбнулась в ответ.

— Ну, возможно, в этом деле люди не замешаны.

Кива вскинула бровь.

— Возможно — или не замешаны?

— Скорее возможно. Есть свидетель, человек. По его словам, подозреваемый производил странное впечатление. Как будто с ним что-то не в порядке.

— Вот как? Твой свидетель — человек, к тому же проститут — считает, что может почувствовать сущность, и на этом основании ты делаешь вывод, что убийца — иной?

Я пожал плечами.

— Похоже, есть еще один свидетель. Иной. Видел подозреваемого в здешнем баре.

— Я даже не спрашиваю, чем этот твой свидетель зарабатывает на жизнь, — презрительно бросила она.

Я стиснул зубы. В прошлом, в самом начале нашего знакомства, Кива несколько раз ловила меня на нехитрый прием: высмеивала то или иное мое предположение, и я, не подумав, тут же бросался отстаивать свою точку зрения и выкладывал все, что знаю. Ей ничего не стоило выставить идиотом даже партнера по расследованию. Но я уже твердо решил, что Танси ей не выдам.

— Этот иной, может быть, и не самый лучший свидетель, но на данный момент других у нас нет. А почему тебя это так интересует?

Она пожала плечами.

— Профессиональное любопытство. И личное, конечно. Посмотри, на что ты растрачиваешь силы. Это же не твое, Коннор. А ведь стоит только попросить, и я смогу пробить для тебя местечко в исследовательском отделе.

Я принял задумчивый вид, хотя думать было не о чем. С какой стороны ни посмотри, я оказывался в проигрыше. Работать на тех, кто раньше был у тебя в подчинении, и заниматься не тем, что взял сам, а тем, что тебе подбросили, дело нелегкое. Занимая подчиненное положение да еще получив его благодаря Киве, мне никогда не вернуть прежнего уважения, даже если мои способности восстановятся в полной мере. В любом случае меня бы считали бракованным товаром. И, разумеется, меньше всего мне хотелось бы оказаться под каблуком у Кивы. С ней и раньше, когда мы были на равных, приходилось держать ухо востро, а уж выполнять за нее бумажную работу — нет, увольте.

— Спасибо, но я лучше подожду, посмотрю, как дела пойдут дальше.

Она поднялась и развела руками.

— Как хочешь. Только не говори потом, что тебе не предлагали. Мне пора. Если

понадобится помощь, звони.

Я проводил ее до двери.

— Хорошо. Если мое предположение подтвердится, ты узнаешь об этом первой.

Мы поулыбались друг другу, как и положено бывшим напарникам, потом Кива похлопала меня по спине и направилась к лестнице. Я смотрел ей в спину, пока она не скрылась за поворотом на нижней площадке.

Мне вдруг пришло в голову, что Кива, имея широкие связи, возможно, знает кого-то из родственников жертв. Дананн Сидхе у фейри примерно то же, что у американцев Смит. Сидхе указывает на принадлежность к племени, а Дананн — к клану. Иногда кто-нибудь, имеющий отношение к королевской ветви, называет себя, чтобы отличаться от других, Аэс Сидхе, но чаще они все же пользуются фамилией. Полное имя моей бывшей напарницы, например, звучало так — Каоимхе ап Лаоире мак Ниамх Аэс Сидхе. Кива англазировала его для простоты общения, а для престижа оставила фамилию деда. На старой родине у Ниамха были очень большие связи, о чем Кива, нисколько не смущаясь, неустанно всем напоминала.

Я закрыл дверь, вернулся к компьютеру и торопливо прокрутил досье на всех трех жертв. С экрана на меня смотрели безжизненные лица Пача, Рагнелла и Гамелина. Было ли в их биографиях что-то такое, что могло бы заинтересовать Гильдию вообще и Киву в частности. Выбирая жертву, убийца руководствовался такими критериями, как внешность, род занятий, пол и этническая принадлежность. К сожалению, информации было мало. Пач и Рагнелл обосновались в городе достаточно давно и уже успели отметиться в полиции. Сравнив биографии, я обнаружил занятный факт отсутствия у всех троих двух немаловажных деталей: нигде не указывалось, из какого именно района Ирландии они родом и кто их ближайшие родственники.

Связь между тремя жертвами представлялась маловероятной, а если она и существовала, то кто мог о ней знать? Я откинулся на спинку стула. Если бы убитые принадлежали к королевскому роду, Гильдия вмешалась бы уже давно. Хотя бы для того, чтобы оградить семью от назойливых репортеров. С другой стороны, интерес Гильдии к обычным проституткам немедленно привлек бы самое пристальное внимание. Я усмехнулся про себя. Вот было бы забавно, если бы Гильдия попала в собственную ловушку и оказалась зажатой между заносчивостью и безразличием.

Многие фейри, для которых наступили вдруг тяжелые времена, предпочитали держать в тайне свои звучные фамилии. Семейная гордость и все такое. Если королевское звено не промелькнуло в полицейских отчетах, когда Пача и Рагнелла задерживали за проституцию, тогда все понятно. Другое дело Гамелин. Его раньше не арестовывали. И Кива появилась на сцене только после третьего убийства. Может быть, именно он исключение, единственный отпрыск знатной династии, оказавшийся ненароком не в том месте и не в то время? Надо бы пустить по этому следу Мердока.

Ожидая, пока кофеварка приготовит свежий кофе, я жевал последнее печенье, столь любезно оставленное Джо. Перед глазами встало искаженное гримасой отворачивания лицо Танси, когда она увидела полицейский портрет. Тяга к приключениям присуща даже флитам, но в тот раз бедняжка получила больше, чем хотела бы. Наливая кофе, я ощутил запах сгоревшей бумаги. Интересно, почему она назвала убийцу «ска»? Мои познания в корнуоллском оставляли желать лучшего, но словарный запас вряд ли был меньше, чем у деревенского флита. Для обозначения чего-то плохого существует слово «дрог». Со «ска» я не сталкивался, а спросить у Джо не успел.

Составляя планы на следующий день, я решил, что пора бы нанести визит Бриаллен — может быть, она сложит фрагменты головоломки. А заодно неплохо бы расспросить ее о ритуалах. Но чтобы не попасть впросак и не появиться перед Бриаллен неподготовленным, надо бы и самому пополнить копилку знаний по теме. С этой мыслью я и вернулся в кабинет.

Глава 5

Воскресное утро — кофе, газета и томление на углу Ньюбери и Дартмут-стрит, потому что Мердок как всегда опаздывал. Уже на полчаса! Есть люди, которые точно знают, кто именно может разбудить их в полночь. Я знаю, что если телефон звонит в семь утра в воскресенье, то в трубке будет голос Мердока. А ему известно, что только его я не убью за это, потому что в таком случае мне придется иметь дело с его отцом и братьями, не говоря уже о всей бостонской полиции.

Ньюбери-стрит тиха и спокойна даже теплым июньским утром. Бутики откроются не раньше десяти, а парад мод начнется ближе к полудню, когда важные, стильные и богатые продемонстрируют свои обновки, щебеча в последние достижения телефонных технологий. Большинство из тех, кто выходит на улицу утром, это обитатели района Бэк-Бэй, довольствующиеся чашкой готового кофе и «Бостон Санди-Глоуб». Через несколько часов их здесь уже не встретишь.

Напротив меня, через дорогу, старая школа Принса. Некоторое время назад, когда местные жители стали больше думать о новом «БМВ», чем о том, чтобы обзавестись детьми, она пришла в упадок и стала пристанищем скуоттеров, но потом некий предприимчивый застройщик решил перепрофилировать здания в кондоминиумы. Прежде чем хозяева успели сообразить, с кем имеют дело, все цокольные этажи были сданы в аренду иным, которые тут же присвоили своим владениям новое название — «артефакторий». Поговаривают, что обосновавшиеся там торговцы предлагают все, что только разрешено законом, а если вы знаете к кому обратиться, то и кое-что дополнительно. Местные ребятишки приходят сюда поглазеть на диковинных клиентов, но редко кому-то докучают. Попробуйте, и вас быстро убедят, что тарашиться на людей неприлично.

Из-за угла прогулочной походкой появился Мердок. Конечно, куда ему спешить! Увидев меня, он мило улыбнулся.

— Извини, что опоздал. Служба затянулась.

Мердок на самой ранней воскресной службе? Вообразить такое трудно, но для критики у меня нет оснований. Римская католическая церковь пребывает в смятении со времен энциклики об иных. Папа не находит ничего плохого в том, чтобы быть иным, главное — не вести себя как иной. И — да! — стать католиком. И все, никаких проблем. Вот и я решил, что пока Мердок не разыгрывает передо мной ревностного католика, у меня с ним тоже никаких проблем не будет. В большинстве случаев он свои взгляды не навязывает.

Что мне в нем нравится, так это искреннее желание понять иных. Он никогда не довольствуется готовыми ответами и накопил достаточно знаний, чтобы иметь собственное мнение по той или иной ситуации. Вот почему каждое воскресное утро, если только один из нас не страдает от похмелья, мы устраиваем что-то вроде консультации, а классом нередко становится артефакторий.

Перейдя через улицу, мы прошли в здание через боковую дверь и стали спускаться вниз. В нос ударил насыщенный запах курящейся лаванды. Помещения внизу растянулись едва ли не на целый квартал. Люди прохаживались по длинной, ярко освещенной галерее, входили и выходили из магазинчиков, сворачивали в боковые ответвления, освещенные уже не столь ярко, где в стороне от посторонних глаз велись серьезные дела. Запах же шел из расположенной у самого входа лавки травника.

Мы неторопливо зашагали по галерее, поглядывая на разложенные на прилавках товары. Здесь на лотках найти можно все, от по-настоящему ценных вещей до откровенной дешевки. На каждого случайно забредшего туриста приходилась по меньшей мере пара торговцев футболками и один аптекарь. Снадобья и зелья переживали бум покупательского интереса; тут и там предлагались как приворотные средства, так и репелленты, отваживающие нежелательного ухажера. Мне приглянулся эликсир, в пояснении к которому говорилось, что он заставит вашего босса забыть, зачем он заглянул в ваш офис. Портные выполняли срочные заказы по пошиву нарядов к приближающемуся Иванову дню. На вешалках висели уже готовые костюмы. Продавцы камней и украшений перекрикивали друг друга, рекламируя один и тот же товар.

— Как прошло свидание? — спросил я.

Мердок пожал плечами.

— Ничего особенного, мы просто выпили.

— И?..

Он усмехнулся.

— И все. Продолжение либо будет, либо нет.

И ни слова больше. Мердок из тех мужчин, которых в старину называли дамскими угодниками. Дам у него много. Женщины находят его привлекательным, и он этим пользуется. Распространяться об этом аспекте личной жизни он не любит, но, насколько я могу судить, большинство его свиданий проходят в таком же ключе, а большего ему и не надо.

В центре галереи нам попался на глаза лоток с жезлами или, как называют их люди, волшебными палочками. Из ящичка с десятками похожих одна на другую я вытащил сосновую, с рифленой поверхностью, примерно в полтора фута длиной, в четверть дюйма диаметром, скошенную к тупому концу. Потом, чувствуя на себе бдительный взгляд лоточника, шагнул к соседнему прилавку и, перебрав с дюжину образцов, взял другую, старую, покороше, тисовую, с проступающими по всей длине узлами и шишками.

— Ну, какая из них имеет практическую пользу? — спросил я, передавая обе Мердоку.

Он подержал палочки на ладони.

— По-видимому, я должен сказать, что лучше та, которая выглядит лучше, но скрытый смысл вопроса, очевидно, в том, почему она не лучше?

Я улыбнулся.

— Очень хорошо. Ответ — потому что она обработана. В данном случае машинным способом. Но даже если бы это сделали ножом, проку от нее было бы мало. При механической обработке разрушаются природные линии роста дерева, и тем самым прерывается ток энергии. Сами по себе жезлы бессильны. Они, конечно, обладают собственной сущностью, но у них нет воли, чтобы использовать даже этот ограниченный потенциал. Большинство людей используют их как фокальные точки для концентрации энергии и проводники этой энергии.

Я взял тисовую. Удобная, гладкая, приятная на ощупь. Я легонько махнул ею и ощутил отклик на движение руки.

— Этой старушкой пользовались. В процессе использования ей постепенно придали нужную форму. У нее было время приспособить свои токи к изменениям в конфигурации, что невозможно при механической обработке.

Мердок взял палочку и осмотрел ее уже внимательнее. Он даже попытался скопировать мой жест.

— А как же эти шишки? Разве токи не прерываются, когда обламываются боковые ветки?

Я сложил руки на груди и одобритительно кивнул.

— Хороший вопрос. Маленькие ответвления естественным образом нарушают движение энергии в главной ветви. Обламывать их следует вручную, потому что в таком случае они ломаются с наименьшим сопротивлением. Другими словами, обламывая боковые отростки, мы устраняем помехи, и естественная сущность главной ветви возобновляет движение по первоначальному, определенному природой курсу.

Мердок махнул другой палочкой.

— Значит, эта ни на что не годится?

Я пожал плечами.

— Ну, за неимением лучше можно воспользоваться и этой. Лично я предпочитаю делать что-то руками, если, конечно, речь не идет о чем-то особенно деликатном. — Я забрал у него палочку и кинул в ящик. — Можешь купить обе — освоишь китайский обычай. — Продавец бросил в мою сторону недовольный взгляд.

Мердок положил вторую, и мы направились к столу, на котором лежали камни —

полудрагоценные, минералы и самые обычные, отшлифованные временем.

— Вот камни совсем другое дело. Здесь без инструментов не обойтись, а с их помощью можно получить любую форму. Сущности в большинстве камней заключено немного, и распределяется она равномерно. Поэтому из них получаются прекрасные проводники, резонаторы, индукторы и конденсаторы.

— Как с электричеством?

— Именно. Единственное различие в том, что электричество ведет себя предсказуемо. Когда к камню прилагается сущность, за ней стоит воля. Отношение камня к сущности тоже предсказуемо, но эффект зависит от намерения пользователя.

Мердок опустил руку в ящик с плоскими каменными кольцами диаметром в грецкий орех. Я взял кольцо, взглянул через него на торговца, маленького взъерошенного гнома, объяснявшего что-то группе покупателей-эльфов, и, чтобы не смущать его, незаметно направил кольцо на толпу.

— Это так называемые саморасточенные камни. Их специально бросают в реки и ручьи. Встречаются достаточно редко, а здесь их целый ящик. Если камень настоящий, он помогает видеть через гламур.

Я положил свой в ящик. Мердок выбрал другой и поднес к глазу. На лице его появилась улыбка.

— Занятная вещица.

Удивленный, я взял у него камень и посмотрел на ближайших покупателей. И верно, у двоих фейри тут же появились спрятанные крылья, а высокий, худощавый тип в накидке с капюшоном предстал в образе отвратительного огра. Скользя взглядом по проходу, я увидел еще нескольких посетителей, использующих разные уровни гламура. Я рассмеялся, помахал продавцу, а когда он повернулся, бросил ему камень.

— Этот настоящий!

Недоверчиво нахмурившись, гном поймал кольцо одной рукой и поднес к лицу. В следующее мгновение челюсть у бедняги отвисла, и он, благодарно подмигнув нам, опустил камень в карман.

— Берите любой из первого ряда, — предложил гном, указывая на коробки с ничемными безделушками.

— Нам не нужно, — ответил я и повернулся к Мердоку. — Иди за мной. Есть идея.

Мы протиснулись между двумя палатками и свернули в боковую галерею. Народу здесь было поменьше, цены повыше, а товары качественнее. Оглядевшись, я заметил ювелирный киоск со свисающими с жердочки самоцветами разного достоинства и на все вкусы, на цепочках, ленточках и в оправе. На прилавке были представлены в широком ассортименте перстни, кольца, ручные и ножные браслеты и пояса. В затылке зашумело. Я перебрал несколько цепочек и накинул одну на голову.

Мердок вскинул брови.

— О, да ты стал намного больше. Теперь даже можно поверить, что ты и впрямь работал когда-то там, где якобы работал.

— Очень смешно. Это гламурные камни. Я вот думаю, не попробовать ли нам взять убийцу на крючок, а? Выпустим офицера под прикрытием, наденем на него такую вот штуковину, чтобы он соответствовал профилю жертвы.

Мердок задумчиво наклонил голову.

— В таких играх всегда высока степень риска.

— Послушай, до вторника осталось всего два дня. Если поиск по базе данных ничего не даст, у нас будут большие неприятности.

Он перевел взгляд на разложенные на прилавке ожерелья.

— Мне нужно посоветоваться с Руисом. — Руис был непосредственным начальником Мердока. Я встречался с ним пару раз — довольно приятный парень, если учесть, что ему достался едва ли не самый сложный в городе полицейский участок.

Подозвав хозяина киоска, тоже гнома, я спросил на гэльском, есть ли у него гламурные

камни для фейри. Иногда даже несколько слов на родном для партнера языке помогают в переговорах. Гном вытащил из-под прилавка ящичек, порылся в содержимом и показал два камня, создававших образ высокого, светловолосого фейри. Я спросил цену. Он назвал. Я покачал головой, зная, что таких расходов бюджет Мердока не выдержит. Обсуждать варианты кредита гном был не намерен: в случае возврата у камня уже не будет прежнего заряда, да и проблемы с самим возвратом никому не нужны. Я прошелся вдоль рядов, высматривая что-нибудь поскромнее, но, как и следовало ожидать, цены намного превосходили наши возможности.

Расстроенный, я стоял в галерее, пытаюсь не думать о том, чтобы схватить камень с прилавка и убежать.

— У тебя есть на примете высокий, светловолосый офицер, который мог бы сойти за фейри? Думаю, возьмем хотя бы камень-усилитель, вроде того, что я надевал. Он создает иллюзию ауры и крыльев, но его силы недостаточно, чтобы полностью изменить физический облик.

Мердок пожал плечами.

— Пспрашиваю.

Я вернулся к первому продавцу. Пока мы торговались, он был любезен и вежлив и не выказал ни малейшего неудовольствия оттого, что мы хотим вещь подешевле. Такое поведение следует поощрять. В считанные секунды мы получили то, что хотели, причем хозяин даже положил камень в защитный футляр, предотвращающий преждевременную активацию гламура и ослабление сущности. Выйдя из артефактория, мы направились в сторону Копли-сквер.

— Придешь на обед? — спросил Мердок, открывая дверцу машины.

Воскресный обед у Мердоков начинался всегда в одно и то же время, в два часа пополудни. Предложение выглядело соблазнительно, но согласиться означало потерять несколько часов.

— А можно в другой раз? Хочу навестить Бриаллен и еще планирую кое-что почитать.

— Конечно. Так оно, может, и к лучшему, потому что сегодня готовит Бар, — сказал Мердок, имея в виду своего младшего брата Барнарда и не удержавшись от лукавой улыбки. Бар славился тем, что не скупился на специи, которыми щедро приправлял любое блюдо. Жаловались все, но при этом никто не выражал желания заменить незадачливого кулинара и взять на себя внеочередную готовку для небольшой армии воскресных оккупантов.

Сбросив под ноги стопку журналов, я втиснулся на пассажирское сидение. Мердок повернул ключ зажигания и, не оглядываясь, выехал с парковочной стоянки. Что бы там ни говорили, а иметь полицейский жетон не так уж плохо.

— Получается, носить гламурный камень может любой? Даже человек?

— Конечно. Зарядить его должен, конечно, только иной, но после того, как камень заряжен, пользоваться им может каждый.

— А разве не сущность заставляет его работать? — Мердок пересек две полосы, чтобы сделать правый поворот.

— Сущность содержится в гламуре, который взаимодействует с сущностью пользователя.

— А что случится, если камень-усилитель наденет фейри?

— Ничего особенного. Просто мы увидим этого фейри другим, более сильным, более крупным.

— Поэтому и я смог воспользоваться тем каменным кольцом?

— Да. Камни — всего лишь инструменты и работают только тогда, когда к ним приложена сущность. Так же и жезл. Для человека он бесполезен, и сколько бы он им ни размахивал, ничего не произойдет. Так что ношение их совершенно не опасно.

— Хорошо. Руис не слишком большой поклонник иных и не даст разрешения, пока я не смогу убедить его, что опасности нет. — Я подавил вздох. Коп, который не симпатизирует иным. Это уже превращалось в клише. Конечно, иные причиняют беспокойство и

доставляют неприятности, но беспокойство и неприятности исходят от всех, кто оказался по другую сторону закона. И если силы правопорядка станут частью проблемы, расовым отношениям это не поможет.

Мердок высадил меня у дома и, как обычно, уехал, не сказав ни слова. Я позвонил Бриаллен, и ее автоответчик произнес: «Знаю, что ты скажешь, но все равно оставь сообщение». Я оставил сообщение и в ожидании ответа поднялся на крышу, прихватив с собой книжку. Почитать, впрочем, не удалось — под теплым солнышком меня сморил сон.

Порыв прохладного ветра коснулся кожи. Я поежился и проснулся. Прошло должно быть часа два. Грудь и плечи успели обгореть.

Бриаллен так и не перезвонила. Поразмыслив, я решил, что появлюсь у нее без приглашения. В лучшем случае мне обрадуются. В худшем ее не будет дома.

Такси быстро доставило в Бикон-хилл. Я расплатился с водителем и вышел на тротуар перед домом Бриаллен на Луисберг-сквер, в самом центре квартала «старых браминов». Она уже несколько десятков лет жила здесь в пятиэтажном кирпичном здании с классическими эркерами и многостворчатыми окнами с лиловыми стеклами. Большие зеленые двери со старинными — и до сих пор работающими! — газовыми лампами по обе стороны обозначали вход. Побегу молодого плюща медленно прокладывали путь к третьему этажу.

Я нажал кнопку звонка. Подождал немного. Позвонил еще раз. Ответа не было. Я повернул ручку и с удивлением обнаружил, что дверь открыта. За порогом меня встретил тихий и пустой холл. Я редко бывал в доме Бриаллен один. В тишине ощущался запах истории — не затхлый и плесневелый душок старья, а густой, тяжелый аромат вечности. Пол и ступени отливали лаком, защищающим благородное темно-красное дерево, начищенные до блеска медные ручки отдавали золотым блеском. Огромные напольные часы слева от меня отмеряли время неспешным глуховатым тиканьем. Зная, что любимое место Бриаллен гостиная на втором этаже, я повернул к лестнице и стал подниматься, но на площадке, проходя мимо выходящего в сад окна, остановился, привлеченный каким-то движением. Рассмотреть, что там происходит, мешало дерево, но в саду явно кто-то был. Я быстро спустился в холл и прошел через длинную, наполненную манящими ароматами кухню к задней двери.

Открыв ее, я увидел мелькающие в сумерках разноцветные огоньки и услышал приглушенные голоса. Что же это? Ноги мои как будто прилипли к ступенькам. Бриаллен сидела на земле под деревом, а вокруг нее кружило несколько десятков флитов, причем все говорили одновременно, перебивая друг дружку и состязаясь за ее внимание. Никогда раньше мне не приходилось видеть одновременно больше трех-четырёх этих крохотных существ, здесь же собралась целая толпа. Я сделал шаг в сторону, чтобы рассмотреть удивительную картину получше, но наступил на камешек. Флиты замерли на мгновение и растворились. Бриаллен поднялась с земли и повернулась в мою сторону.

— Кто посмел... — Выражение ее лица смягчилось, когда она узнала меня. В тот же миг перед ней материализовался голубокрылый флит и, пристально посмотрев на меня, сказал ей что-то на ухо.

— Коннор! Я думала, что ты сегодня появишься, но не ждала так рано. — Раскинув руки, Бриаллен направилась ко мне через небольшую лужайку. Она была в длинном струящемся платье из белого, расшитого красными и оранжевыми узорами шелка, под которым при движении проступали соблазнительные очертания ее тела. За то время, что мы не виделись, Бриаллен постриглась, и теперь ее короткие каштановые пряди едва закрывали уши. Как всегда, от одного ее вида захватывало дух. Бриаллен Гвилл была моей первой и самой продолжительной любовью. В двенадцать лет меня привели к ней для оценки моих способностей. Первое, что она сделала в ту ночь, это сбросила одежды и обнаженная исполнила ритуал лунного заклинания. Образ так взволновал меня, что я потом на протяжении года скрещивал ноги, когда видел ее.

— Извини, что помешал. Ты знаешь, что оставила дверь открытой? — спросил я, когда мы обнялись.

Она взяла меня под руку и потянула за собой в сад.

— Отвлеклась и забыла. Впрочем, дверь у меня всегда открыта, а против тебя я вард не поставила. Садись же.

Я опустился на низенькую каменную скамеечку, неприветливо холодную и твердую. Не говоря ни слова, Бриаллен положила ладони мне на голову и закрыла глаза. На мгновение я почувствовал легкое сдавливание, как будто надел шляпу меньшего, чем нужно, размера, но потом ощущение прошло. Она делала это каждый раз, когда мы встречались и никого не было рядом.

— Без перемен. — Бриаллен убрала руки и села рядом.

Не знаю как, но она ощущала черную штуку у меня в голове и досадовала из-за нее даже сильнее, чем я, если такое вообще возможно. Досадовала потому, что не понимала. Каждый раз она пыталась «прослушать» ее, прочувствовать, может быть, обнаружить изменения или даже — без всякой, конечно, надежды — узнать, что она исчезла.

— Что ты здесь делала? — поинтересовался я.

Ее карие глаза блеснули лунным светом.

— Представь только, я договорилась с целым семейством валлийских флитов! Они разрешили мне изучать их! Ты когда-нибудь видел сразу тридцать два флита? Чарующее зрелище, правда?

— Да. И что ты хочешь узнать?

— Я бы хотела провести нечто вроде социологического исследования. Получше узнать их антропологию. Может быть, даже биологию, если разрешат. — Она порывисто поднялась. — Идем, хочу показать тебе кое-что.

Бриаллен зашагала к дому, даже не посмотрев, иду ли я следом, как будто такой вариант даже не приходил ей в голову. И, разумеется, была права. Мы прошли через кухню и поднялись по лестнице в ее небольшой кабинет на третьем этаже. Высокие, от потолка до пола, стеллажи, заполненные самыми разнообразными книгами, занимали все стены. На толстенных художественных альбомах пылились хрустальные шары, между старинными кожаными переплетами втискивались коробочки с разноцветными китайскими покрывалами. Из-под нижней полки выступал компьютерный монитор, которым не пользовались, похоже, с незапамятных времен. И повсюду, куда ни посмотри, бумага — от бурых пергаментов до ярко-белых фотокопий. На огромном, занимающем доминирующее место столе — стопки книг и бумаг, треснувшая небесная сфера, чайная чашка, несколько ручек, включая гусиное перо, ящичек с камнями, четырнадцатое издание «Известных цитат» Бартлета и кухонная губка. И в центре, на специально расчищенном месте, стеклянный куб с чем-то напоминающим высохший стручок молочая.

Бриаллен бережно подняла куб и передала мне.

Едва взяв сосуд в руки, я ощутил окружающее его силовое поле. Интересно, что же в нем такое? Я присмотрелся и вдруг почувствовал неприятный холодок. То, что поначалу показалось высохшей скорлупкой стручка, было на самом деле серыми, безжизненными крыльями флита. Неестественно вывернутые вперед, они как бы сжимали сморщенное тельце с едва различимым бесстрастным личиком. Не говоря ни слова, Бриаллен забрала у меня куб и вернула на стол.

Из кабинета мы спустились в кухню, где она стала готовить салат.

— Впервые увидел мертвого флита.

Бриаллен принялась крошить зелень.

— Да, редкое зрелище. Я разговаривала с одним из моих подданных — речь шла о похоронных процессиях флитов, свидетельницей чего мне посчастливилось быть — и упомянула, что ни разу не видела, как избавляются от тела умершего. Сегодня утром он принес мне вот это. Сказал, что они просто оставляют его на подходящем холме, и что оно уходит с первым светом дня.

— Но зачем он отдал его тебе?

Бриаллен наклонилась и, пошарив на полках, достала глиняную миску.

— Он мне его и не отдавал. Просто подумал, что мне захочется на него посмотреть. Я пообещала, что выставлю его наружу до рассвета.

— Но ты же наложила на него охраняющее заклятие.

Она пожала плечами.

— Временная мера. Я заметила, что оно сильно обесцветилось, пока находилось в доме. Вероятно, все дело в свете, и солнце просто справляется быстрее. Полагаю, это имеет какое-то отношение к покидающей тело сущности. Трудно поверить, что существо размеров флита может быть разумным. Я даже думала, что может быть сущности в них больше, чем физической материи.

Я с невинным видом наклонился к салату.

— Кстати, о сущности...

Прежде чем я успел продолжить, Бриаллен подняла руку и с улыбкой покачала головой.

— Нет-нет, сначала мы поболтаем как старые друзья, поедим, а уж потом займемся делами. Бери тарелку.

Я грустно вздохнул. Бриаллен невозможно заставить врасплох. Она вытащила из духовки здоровенный, рассчитанный явно больше чем на двоих ростбиф и расставила тарелки для овощей и картофеля. Мы забрались на высокие стулья и принялись за дело. Я по большей части помалкивал, чтобы не соскользнуть случайно на запретную тему, зато Бриаллен было что рассказать.

Она лишь недавно вернулась после годичного академического отпуска, который провела в Гарварде, где преподавала — по ее собственному выражению — «не столь уж и Темные века». Приступив к изучению флитов, Бриаллен продолжала вести исследовательскую работу, продолжала попытки культивировать в суровом климате Новой Англии кое-какие заморские растения и еще постигала секреты тайской кухни. Последнее увлечение, как мне показалось, вполне могло послужить причиной еще одного путешествия.

Рассказала она и о своем участии на первой стадии переговоров в Таре и о планируемом визите в Германию с целью изучения сложившейся там политической обстановки. Бриаллен была среди тех, при чьем непосредственном участии создавалась Гильдия стражей, и хотя формально не подчинялась королеве, ее симпатии были целиком на стороне Благого двора. В качестве главы колледжа друидов она имела дипломатический статус в большинстве европейских стран и нередко выступала в роли специального советника мировых лидеров. Далеко не сразу, а лишь по прошествии многих лет я осознал, насколько высок ее статус. До этого я всегда воспринимал ее как милую даму, научившую меня заклинаниям.

Бриаллен начала убирать тарелки.

— Ты такой молчаливый сегодня. Расскажи, чем занимаешься помимо работы.

Я знал, что она имеет в виду. Бриаллен понимала, что мне нужно полностью сосредоточиться на возвращении прежних способностей. Предпринятые с моей стороны попытки ее не удовлетворяли. По крайней мере так мне казалось.

— Ну, начну с того, что я сейчас в отличной физической форме...

— Уже неплохо. — Она поставила на стойку два стакана и разлила портвейн. Потом протянула мне один стакан, прихватила бутылку и вышла из кухни. Мы поднялись в гостиную, где уже горел камин. Хотя его топили даже летом, температура никогда не поднималась настолько, чтобы создавать уютную атмосферу. Хотя в ее распоряжении был весь дом, эту комнату — с пухлыми, мягкими креслами, книгами и видом на сад — хозяйка любила больше всего, и я легко мог представить, как она засиживается здесь за чтением, пока рассвет не прогонит ее в постель.

— И?..

Я опустил в кресло поближе к камину.

— Моя телесная защита активизируется, похоже, автоматически. Сенсорные способности работают будто с перегрузкой. С мысленными посылами по-прежнему не получается. О

прочем не приходится и говорить. А заклинания забываются в следующую минуту после того, как я их выучиваю.

Бриаллен поджала губы.

— Все это я знаю. Но что ты делал в последнее время?

— Позавчера попытался зажечь свечу и поджег письменный стол, — сказал я, постаравшись сдержать ухмылку.

Она раздраженно фыркнула.

— А ты хотя бы пытался слушать собственное сердце?

Я нахмурился.

— Послушай, мне прекрасно известно...

Она не дала мне закончить.

— Я начинаю в этом сомневаться. Ты хочешь зажигать бесценный огонь. Хочешь прорицать будущее. Накладывать заклинания. Но даже не пытаешься подготовить себя к этому. Если бы ты сломал обе ноги, то, наверное, сидел бы и хныкал, пока не поднялся бы, чтобы пробежать марафон. С тем же успехом, что и сейчас.

— Это несправедливо, — сердито бросил я, уязвленный упреком.

— Ну и что? Я не твоя мамочка. И не собираюсь гладить тебя по головке. У тебя необыкновенный талант, а ты отказываешься пользоваться им.

— Никакого таланта у меня больше нет! — Никогда раньше я не поднимал голос на Бриаллен, но сейчас это случилось — к немалому моему удивлению.

Она рассмеялась.

— Неужели? И это все? Кто же ты теперь, Коннор? Тело без таланта? Ты должен справиться с тем, что у тебя в голове. Должен научиться жить с этим. Но прежде всего ты должен действовать. Те ответы, что у тебя есть, не решают проблему, и ты ищешь у меня сочувствия. Но ты слишком хорошо знаешь меня, Коннор, и должен понимать — я не питаю жалости к неудачникам.

Я почувствовал, как вспыхнуло, заливаясь краской стыда, лицо.

— Я пришел сюда за помощью.

— И ты ее получишь. — Она посмотрела мне в глаза. — Но главное, чтобы ты сам захотел помочь себе. Я не собираюсь бросать все и выяснять, что с тобой не так. Я помогу тебе. Но сделаю это не ради тебя.

Глядя на огонь, я чувствовал, как уходит злость. Бриаллен права. Резка, но права. Я злился не на нее. Я злился, потому что она права. Слишком долго меня несло по течению. Жизнь сделала неожиданный поворот, и я уступил, отказался от борьбы, притворяясь, что все устроится само собой, что однажды утром я проснусь, и все будет так, как было.

Я сосредоточился на пламени. Нужно убедить Бриаллен, показать, что у меня еще есть и силы, и воля. Она молча наблюдала за мной. В комнате стало тихо. Огонь неохотно поник, унялся, сделавшись бесшумными вспышками света. Я продолжал смотреть в камин из-под полуопущенных век, выдыхая в заполнившую комнату тишину. Я не шевелился, дыхание мое замедлилось, грудь почти не поднималась. Я прислушался к себе. Сначала ничего, потом звуки, мягкие, шелестящие, успокаивающие. Биение сердца. Я задержался на мгновение, вспомнив, как сделал это впервые, вспомнив те далекие обещания юности. Сделал глубокий вдох. Открыл глаза. И словно вынырнул на поверхность из глубокого колодца.

Бриаллен пригубила вино.

— Что, труднее, чем думал?

Я кивнул. На лбу выступили бусинки пота.

— Извини.

— Я не обижаюсь. А теперь расскажи об этих убийствах. То, что еще не рассказывал.

Я рассказал о последних событиях, поделился сомнениями относительно Шая, передал разговор с Танси и даже попытался весьма неуклюже сымитировать ее речь.

— Тебе надо поработать над акцентом, — усмехнулась Бриаллен и ненадолго задумалась, поглаживая пальцем ободок стакана. — Ска... Интересное слово.

— Никогда раньше его не слышал. Джо перевел как «плохой».

Бриаллен медленно качнула головой.

— Слишком упрощенный вариант. Значение его намного шире, и в сельских районах оно означает то, что беспокоит, раздражает, но истинный смысл слова относится к физическому описанию. У флитов наблюдается такое странное явление: они плодятся как кролики, но редко собираются в группы. В выборе партнеров щепетильностью не отличаются, а учитывая клановую гордость, часто вступают в брачные союзы с кровными родственниками. Как результат — мертвый плод. Вот его-то и называют «ска», что буквально означает «то, чему быть не суждено», то, что отвергнуто миром.

Я снова посмотрел на огонь. Все, кто оказывался рядом с Вторничным Убийцей, испытывали дискомфорт. Если предположить, что клиент Бельгора тот же самый тип, то причина дискомфорта в его непонятной, не поддающейся идентификации, вызывающей беспокойство сущности. Может быть, все дело в том, что он и не подпадает ни под одну известную категорию. Может быть, ему нет места в этом мире. Может быть, проституты избраны жертвами потому, что они привычны ко всему. И, может быть, ритуал нужен ему, чтобы удержаться в мире, где для него нет места.

— А не может ли убийца быть *ска*, который остался жить.

— С этимологической точки зрения, в твоём предположении заключено противоречие. Если он выжил, может быть, так было предопределено. Ска означает, что он не должен был остаться в живых, а уж тем более вырасти и убивать.

— Но ведь ска всего лишь одно из близких, но не на сто процентов верных определений. Возможно, он уникален.

— За это стоит выпить. — Бриаллен подняла стакан.

— Я много размышлял над тем, в чем цель этих убийств. — Слушая мою теорию насчет заключенной в сердце сущности, хозяйка притихла, что было ей совершенно несвойственно. — Так что, это мой порог? Дальше ходу нет?

Некоторое время она смотрела в стакан, потом подняла голову.

— В некотором смысле — да. Такое знание существует, но оно открыто только для посвященных. Пользоваться им запрещено.

Я перевел дыхание, чтобы не выдать волнения.

— Стикворт сказал примерно то же самое. Ты сможешь меня научить?

Бриаллен подняла стакан к свету, и рубиновая жидкость вспыхнула крошечными искорками. Потом она поставила стакан на столик возле кресла, поднялась, отошла к окну и посмотрела в ночь.

— Нет.

Меня окатила холодная волна разочарования и изумления. Столь прямого ответа я не ожидал.

Бриаллен повернулась и посмотрела на меня с холодным спокойствием.

— Буду откровенна, Коннор, ты не достоин этого знания. Ты давно сошел с пути друида ради удовлетворения личных нужд.

Я почувствовал, как снова вспыхнули щеки.

— Хочешь сказать, что ты мне не доверяешь?

Она покачала головой.

— Дело не в моих личных чувствах. Речь идет о неизмеримо большем, чем личные отношения. Об опасных вещах и знании, которое должно умереть сразу же после того, как о нем помыслили.

— Ска, — усмехнулся я.

Бриаллен кивнула.

— По сути, да. Если смогу, я скажу тебе то, что нужно знать, чтобы остановить этого маньяка. Если не смогу, я постараюсь сама остановить его. В любом случае я не открою тебе запретное знание. По крайней мере не сейчас, пока ты в таком состоянии.

Я закрыл глаза и попытался вздохнуть, преодолеть гнет легшего на грудь груза.

— Из всех наших вечеров этот, похоже, самый тяжелый.

— Мне не легче. Но большие проблемы никогда легко не решаются.

— Мне пора.

Бриаллен отвернулась от окна и вышла из комнаты. Я последовал за ней. Она уже стояла у открытой двери.

— Ты попробуешь что-нибудь узнать?

— Да. Думаю, в этом что-то есть. — Бриаллен положила руки мне на плечи и поцеловала в лоб. — Мы справимся, Коннор. Вместе.

Я обнял ее.

— На тебя трудно злиться.

— Может быть, ты просто плохо стараешься. — Бриаллен встрепенулась. — О, подожди, у меня есть для тебя кое-что. Она торопливо вышла в кухню и почти сразу вернулась с пластмассовым пузырьком. — Держи, это тебе от солнечных ожогов. Не жалеи.

Я поднес пузырек к свету — сквозь матовый пластик была видна только какая-то гелеобразная субстанция.

— Ты сделала мазь от солнечных ожогов? — Невероятно! Тратить время на такие пустяки!

Бриаллен рассмеялась.

— Нет, милый. Это алоэ вера. Есть вещи, которые прекрасно работают такими, какими их создала природа.

Глава 6

Я проснулся внезапно в хмурых предрассветных сумерках. Бешено стучал пульс. Лоб покрылся испариной. Беспокойные сны терзали меня всю ночь. Я убежал от невидимого ужаса. Падая с крыши. Выплывал, задыхаясь, из глубины. Снова и снова поднимал я руки, дабы отвратить зло, и возвышал голос, чтобы сломать заклятие, но голос срывался, воздух оставлял легкие, и я просыпался под стук собственного сердца.

Я перекатился к окну, сбросил пропитавшиеся потом и сбившиеся к ногам простыни. Далеко за краем бухты одинокий парус плыл сквозь мутно-розовую хмарь горизонта. Лодка шла медленно, лениво, безуспешно стараясь поймать ветер единственным парусом. Пересекая пространство воды тускло мерцающая полоска указывала путь поднимающегося солнца. Вспухали и опадали волны. Я люблю воду, но не люблю лодки, хотя и научился ходить под парусом на реке Чарльз. Наверное, все дело в том, что слишком многое в этом деле зависит от внешних факторов и от случая. Вот и сейчас ветер спал, и парус обмяк. Какой-то бедолага обрек себя на долгое ожидание.

Край солнца прорезал горизонт. И словно по мановению волшебной палочки, проснувшийся бриз шевельнул обмякшее полотнище. Я даже различил крохотную суетящуюся фигурку. Парус ожил, развернулся, вспыхнул белым пламенем под яркими лучами, и лодка уверенно двинулась дальше, разрезая золотящуюся ткань залива.

Я поднялся, отодвинул в сторону матрац и встал, обнаженный, раскинув руки, перед открытым окном, встречая поднимающееся солнце приветственным заклинанием. Утренний свет омыл меня, отвечая на призыв приливом энергии. Простое упражнение принесло свежесть обновления. Я почувствовал себя намного лучше, словно принял солнечный душ, омывший мою сущность живительными лучами. Бриаллен была права. Если возвращение утраченного нужно начинать с нуля, я должен это сделать. Альтернатива — остаться лодкой, ожидающей ветра.

Приняв душ, я позвонил в госпиталь и оставил сообщение для моего целителя, Гиллена Йора, но не успел положить трубку, как телефон уже зазвонил. Это был Гиллен.

Я посмотрел на часы.

— Ты сегодня рано. Я хотел договориться насчет приема.

— Что-то случилось?

— Ничего. Просто подумал, что было бы неплохо пройти еще одно обследование.
— А я уж решил, что что-то случилось. В полдень тебя устроит?
— Если только ты не пропустишь из-за меня ланч.
— Я — целитель, Коннор, а ты появляешься, когда вздумается. — Из трубки донеслись гудки. Упрекать Гиллена за резкость я не мог — несколько наших встреч сорвалось не по его вине.

Утро прошло в составлении плана действий. Гордость не позволяла обратиться за помощью к специалисту; к тому же на первой стадии я вполне мог обойтись и собственными силами. Начать с базовых, простейших уроков, заложить основу, а уже потом двигаться дальше: изучать заклинания, тренировать память и осваивать простейшие ритуалы — укреплять сущность.

Истинный друид никогда не сойдет с пути исканий ради нового знания. Истинный друид может идти дальше, только передавая приобретенные знания. Я достиг ступени учителя, но сошел с пути, прельстившись теми возможностями, что предлагал мир Гильдии. Конечно, можно не сходить с тропы исканий и состоять в Гильдии, но перспективы финансового преуспеяния оказались слишком соблазнительными.

Способности даются нам с рождения, но их подлинный потенциал раскрывается только через усердные занятия. Для этого требуется терпение и выдержка. Большинству недостает стойкости и силы воли, чтобы следовать путем истины до конца. Они отказываются от своих умений или уходят из мира вечного ученичества ради более осязаемых благ, довольствуясь званием прорицателя в какой-нибудь деревушке, где предсказывают погоду и изрекают неясные предупреждения о грядущих бедах. Их уже не считают частью круга, истинными друидами Пути. Чтобы узнать правду о себе, я должен вернуться на Тропу.

Без пяти двенадцать я как примерный пациент уже сидел в приемной Гиллена Йора. В качестве главного целителя мемориального госпиталя Авалон Гиллен занимал большой кабинет на верхнем этаже десятиэтажного здания с видом на реку Чарльз и Кембридж. Кроме меня, вызова ожидали еще несколько человек, пребывавших на разных уровнях беспокойства: от легкого волнения до очевидной тревоги. Все пришли без сопровождающих, за исключением женщины с ребенком, изо лба которого торчал пока еще небольшой загнутый рог. Похоже, кое-кто добрался до снадобий в родительском шкафчике. На столе отсутствующей дежурной сестры неумолчно звенел телефон, а над пустым креслом кружился целый рой светляков.

Ровно в полдень Гиллен Йор вошел в приемную из внутреннего коридора. Это был маленький, сухощавый мужчина с сияющей лысиной на затылке и длинной белой бородой. Под невероятно длинными бровями скрывались пронизательные темно-карие глаза. Под форменным белым халатом Йор носил синие брюки и высокие, до колен, замшевые сапоги.

— Грей, — рявкнул он, не удостоив взглядом никого из притихших пациентов, и исчез за дверью.

Я поднялся и проследовал за ним. Гиллен уже сидел за столом, и когда я опустился на стул, он махнул рукой в сторону двери, и она закрылась. Целитель положил руки на стол и подался вперед.

— В чем дело?

Я постарался расслабиться.

— Обедал вчера вечером с Бриаллен, и она убедила меня провериться еще раз.

Он прищурился.

— Бриаллен тебя лечила.

— Нет! Просто каждый раз, когда я у нее бываю, она осматривает меня, но не лечит.

— Хорошо. Ты и так не следуешь моим инструкциям, а уж если кто-то посторонний начнет вмешиваться и копаться у тебя в голове, будет совсем плохо.

Чем мне нравится Гиллен Йор, так это тем, что с ним никогда не знаешь, злиться на него или смеяться. Из всех моих знакомых он едва ли не самый сварливый и к тому же лучший целитель на северо-востоке, если не во всех Штатах. Говорят, что когда он

несколько десятилетий назад решил податься в Америку, Благой двор потребовал от него остаться в Ирландии или хотя бы на острове Мэн. Гиллен вежливо напомнил королеве, что не имеет чести быть ее подданным, и уехал, послав ей визитную карточку с припиской, в которой говорилось, что прием ведется только по предварительной записи.

Положив ладонь на мой лоб, Гиллен пробормотал что-то себе под нос. В голове у меня запульсировало тепло. Секундой позже он отнял руку, откинулся в кресле и, продолжая приговаривать, повернулся к компьютеру. С того места, где я сидел, был виден только краешек монитора, но я понял, что на экране мой файл. Зазвонил телефон. Гиллен не обратил на него никакого внимания. Прокрутив файл полностью, он снова повернулся ко мне.

— Судя по моим записям, изменений нет. — Снова зазвонил телефон. Он бросил на него сердитый взгляд, но трубку не снял.

— Бриаллен считает, что мне следует пройти курс переобучения и посмотреть, восстановятся способности или нет.

И опять телефон. Гиллен схватил трубку.

— У меня ланч! — Он швырнул трубку на рычаг и уставился на меня. — Неплохая мысль. Мы так и не провели полное исследование на предмет определения степени блокирования и... — Его прервал телефон. Гиллен схватил его и шагнул к двери, открыв ее заранее тычком пальца. У порога его встретил рой светляков, и он попытался отогнать их, как надоедливых мух. На мгновение Гиллен скрылся из виду, и до меня донесся его сердитый рык. Потом в проеме появилась голова. — Сейчас вернусь. Кое-кого надо взгреть. Не уходи.

Я перегнулся через стол, чтобы заглянуть в свой файл. Короткие стандартные записи свидетельствовали об отсутствии изменений. Я огляделся. Обернулся. Посмотрел на дверь. Поднялся и, обойдя стол, подошел к компьютеру.

Щелчок — и на мониторе появилось главное меню. Я перешел к каталогу, набрал в строке поиска слово «ска» и тут же получил определение, немногим отличающееся от того, что дала Бриаллен. В ссылках замелькали указания на инцест, мертворождение и межвидовое потомство. Первая ссылка всего лишь вернула меня к двум другим. Я щелкнул по «межвидовому потомству» и сразу же наткнулся на рекомендацию для целителя при проведении дифференциальной диагностики у пациента с врожденными проявлениями, которые нельзя объяснить физическими причинами, приглашать флита. Судя по всему, флиты обладали уникальной чувствительностью к такого рода особям и могли установить факт нарушения сущности у пациента.

Я торопливо оглянулся на дверь, щелкнул мышкой, убрал собственный файл, снова перескочил на главную страницу и набрал «межвидовое потомство». Четырнадцать совпадений. Я пробежал глазами малопонятные тексты, закачал в себя информацию, вывел на монитор собственный файл и хлопнулся на стул в тот самый момент, когда в кабинет вернулся хозяин.

— Вот что, Коннор, давай установим дату, когда ты придешь для детального обследования, — раздраженно сказал он, усаживаясь за стол. — Я думал, что смогу сделать это сегодня, но не получается. А пока составь план переподготовки и вышли мне электронной почтой. О результатах будешь сообщать регулярно.

— Отлично. Сегодня я на большее и не надеялся. — Я поднялся и направился к двери. За столом в приемной все еще никого не было. — На днях позвоню.

Гиллен недоверчиво посмотрел на меня, потом скосил глаз на компьютер.

— В чем тебе определенно следует потренироваться, так это не оставлять после себя следы. Твоя чертова сущность повсюду. Для твоей работы большой минус.

Я кивнул и отвернулся, чтобы не выдать себя виноватым выражением.

— Ладно, постараюсь.

Гиллен остановил меня уже у двери.

— Кстати, хочу предупредить. Если твой след на моей стороне стола не есть результат твоего состояния, то я сделаю так, что нынешние твои проблемы покажутся мелочью.

Понятно?

Притворяться я уже не мог и только отвел глаза.

— Да, Гиллен. До скорого. Пока.

Покинув госпиталь через запасной выход, я огляделся, надеясь обнаружить машину Мердока, с которым созвонился раньше. Детектив, разумеется, опаздывал. Бостон сравнительно небольшой город, и здесь можно легко обойтись без машины, что многие и делают. Но от госпиталя до моего дома добрых полчаса ходьбы, и если есть возможность подъехать, то почему бы ею не воспользоваться. Я уже собирался повернуть к метро, когда Мердок подкатил к тротуару. Прежде чем сесть, пришлось убрать с сиденья коробку из-под пиццы.

— Что-то не так? — поинтересовался Мердок, выезжая на Сторроу-драйв.

— Ничего. Обычная проверка. Помолчи, не отвлекай. Я пытаюсь кое-что запомнить. — Приятно, что кто-то беспокоится о твоём здоровье, но мне нужно было сохранить то, что осталось в голове. В детстве, когда мои способности едва обнаружились, я прошел стандартный курс обучения. В соответствии с традицией, обучение велось устно, и в результате у меня развились прекрасные навыки запоминания. Кому-то они даже показались бы необыкновенными, но для друида хорошая зрительная память — обычное дело. Так или иначе сейчас они пришлись как нельзя кстати. Мы выехали на эстакаду, потом съехали на Саммер-стрит и через несколько минут остановились у моего дома. Открывая дверь, я заметил сделанную огамическими буквами надпись у замка — кто-то нацарапал свои инициалы и год. Какой славный ребенок. Мог бы просто взломать замок. Или вышибить окно. Скорее всего след оставил студент — они постоянно теряют ключи и ищут простое решение.

Мердок поднялся вместе со мной. Закрыв дверь, я молча указал на холодильник, прошел в кабинет и, включив компьютер, записал все, что видел в файлах у Гиллена. Мердок остановился у меня за спиной со стаканом воды. Закончив, я откинулся на спинку и посмотрел на экран. Если рассказать ему все, отругает, но информацией все равно воспользуется. Я ограничился тем, что поведал о визите к Бриаллен и упомянул о новых данных из источника в госпитале.

— Что раскопал?

Я указал на экран.

— Скрещивание. Два случая гнома с человеком, пять — человека с фейри, два — человека с эльфом и пять — фейри с эльфом.

— Похоже, те, что с гномами, можно вычеркнуть, — заметил он, наклоняясь к монитору. Я кивнул. Дети, родившиеся в результате кросса гнома и человека, сохраняли признаки и черты первого. К тому же следов сущности гнома на месте преступлений я не обнаружил, так что имеющемуся профилю убийцы они не соответствовали.

— Большинство детей не пережили пубертатный период. — Я пробежал глазами по строчкам. — Остается шесть случаев: два — человека и фейри, один — человека и эльфа и три — эльфа и фейри.

— А почему здесь только имена матерей? Отцов разве не записывали?

Я покачал головой.

— Иные редко соблюдают формальности; разве что когда дело касается очень высоких особ или затрагивает вопросы собственности. Девочек женщины обычно воспитывают сами, а мальчиков отдают на усыновление.

Все потомство, как следовало из документов, отличалось отграниченными умственными способностями, да еще и страдало от физических дефектов. Ничего необычного, подумал я, для того, кто потрошит свои жертвы. Каких-либо указаний на склонность к насилию я в материалах не нашел, но это вовсе не означало ее отсутствия. Прочая информация оказалась в лучшем случае схематичной; подробности развития каждого ребенка содержались в архиве, изучить которые не хватило времени.

— О'кей, давай проверим всех, — предложил Мердок, считывая имена с экрана. — Я

возьму Деалле Сидхе и Тери Эспозито — они оба местные. И могу позвонить в Нью-Йорк насчет Энн Коуди.

Я распечатал для него список.

— У меня есть связи в Англии, так что отследить Черил Этуорт труда не составит. А вот Германия может занять побольше времени — Герда и Бритт Эльфхайм звучат довольно заурядно. Ты нашел кого-нибудь для приманки?

Мердок нахмурился и пожал плечами.

— Это же Бостон, Коннор, а не Скандинавия. Большинство парней в полиции ирландцы, итальянцы и латиносы.

— И что, нельзя найти тощего блондинистого копа? У нас двадцать четыре часа. Или у тебя есть запасной вариант?

— Знаю, тебе не нравится, когда я это спрашиваю, но, может быть, ты что-то придумаешь?

Я побарабанил пальцами по краю стола, сдерживая раздражение. Мердок имел полное право задавать такой вопрос, а злился я не потому, что он ждал от меня легких ответов, а потому, что не мог дать их ему.

— Я стараюсь.

— Ты звонил в Гильдию насчет пропавших камней?

— Черт, из головы вылетело. — Я схватил телефон, набрал основной номер и попросил Мирил Диан, старую знакомую, работавшую в архиве Гильдии. Мне, разумеется, предложили подождать. Минуты ожидания скрашивал жалобный плач флейты.

— Грей! Давненько о тебе не слышала, — прозвучал наконец голос Мирил. — Чем занимался?

— Был в отпуске.

— Хмм. А я слышала, что тебя выгнали. — Ошарашенный, я не нашелся, что сказать. — Наверно, хочешь попросить об одолжении. Что на этот раз? Представить к утру полную историю ритуального использования поганок? Нет, подожди, это ты уже спрашивал. Если потерял — с тобой такое случается, — у меня сохранилась копия. Или, может быть, хочешь, чтобы я немного задержалась и нашла для тебя имя последней жрицы Ольстера и ее домашних любимцев? Я, конечно, постараюсь.

Кровь бросилась в лицо. Мердок посмотрел на меня с удивлением, и я понял, что мое состояние для него уже не тайна.

— Мирил, я, кажется, не вовремя и...

— А здесь вовремя и не бывает, Грей. Всегда одно и то же — срочно, без объяснений и никакой благодарности. Что тебе надо?

— Нет, правда, Мирил, если ты предпочитаешь...

— Перестань, Коннор, — перебила она. — Хватит с меня реверсивной психологии. Все это я уже слышала сотни раз. Больше не пройдет. Если я не захочу что-то сделать, то никакая лесь не заставит меня передумать. А теперь выкладывай.

— Я ищу селенитовые камни, которые вам прислали из департамента полиции Бостона. Они исчезли. Камни связаны с убийствами фейри в Вейрде.

— Когда они поступили? — Я открыл файл и назвал даты. На другом конце зашуршала бумага. Потом послышался вздох. — Компьютер вышел из строя, так что заглянуть в журнал я сейчас не могу. Позвони через пару дней.

— Хочу предупредить, что пресса о камнях ничего не знает.

— Как вовремя! А я уже собиралась выступить с заявлением по местному радио.

Я принужденно усмехнулся.

— Ты лучшая, Мирил.

— Знаю, — сказала она и дала отбой.

Я медленно вернул телефон на место и посмотрел на Мердока.

— Я и впрямь был таким хреном, когда служил в Гильдии?

— Не знаю, знаком не был. — Я нахмурился. — В утешение скажу, что ты и сейчас

изрядный хрен. — Мердок усмехнулся в ответ на мой недовольный взгляд. — Ну ладно, не изрядный.

Я махнул рукой и рассмеялся.

— Пусть так. Что было, то было. Хорошего мнения о себе не оставил. Но я исправляюсь.

— Мне пора. — Я проводил его до двери. Мердок никогда не прощается. В самом начале знакомства его манера уходить не прощаясь сильно меня коробила, но со временем я привык. Такая уж у него привычка. Мне же больше по душе завершенность во всем.

Вернувшись в кабинет, я постарался вспомнить, когда и чем обидел Мирил Диан. В Гильдии наши пути пересекались нечасто. Мой офис находился на десятом этаже, она же работала в архиве, что помещается в полуподвале. Общались мы чаще всего по телефону, когда я обращался к ней за информацией, связанной с тем или иным расследованием. Умна, хотя иногда немного мрачновата и замкнута, но дело свое знала отлично. Могла без запинки прочитать лекцию о политической ситуации в Британии в десятом веке и тут же дать подробную консультацию по вопросу разложения тел на поле битвы. Откуда ей было знать, например, какие части тела предпочитают вороны?

Реплика насчет жрицы-друидессы напомнила мне об одном из давних дел, касавшихся серийного убийцы. Маньяк жил на Кейп-Коде и своих жертв, прежде чем разделать их в ванне, держал на положении домашних животных. История же о поганках совершенно выпала из памяти. Чем больше я думал обо всем этом, тем больше убеждался, что отнюдь не всегда был внимателен и учтив по отношению к Мирил. В горячке расследования я обращался со всеми как с подчиненными и, очевидно, не раз и не два обошелся с ней излишне грубовато. Именно по этой причине я и отказался от предложения Кивы. Другое дело поработать с Мирил. Наверно мне это даже понравилось бы. Чего я точно не хотел, так это иметь дело с придурками вроде себя.

Итак, в течение нескольких дней мне несколько раз напомнили о былом самомнении, резкости, бесчувственности и самодовольстве. Но после выхода из госпиталя я уже не был таким, каким был раньше, когда служил в Гильдии. Глядя на прошлое со стороны, видишь жизнь по-другому. Да и себя тоже. Нет, чуда не произошло, и я не стал вдруг образцом благодетели и человеколюбия. Я слишком хорошо знал изнанку жизни и не мог притворяться, что в мире нет темной стороны. Но я уже не чувствовал за собой права распоряжаться другими по своему усмотрению. И понять это, открыть глаза мне помогла Бриаллен.

Я вернулся к компьютеру и снова развернул файлы. Легче всего жалеть себя, но меня всегда беспокоило, что будут думать обо мне потом. В моем распоряжении оставалось меньше суток, чтобы исправить ошибку природы и остановить сеющую смерть уroda.

Глава 7

Проснувшись, я остался лежать в жидком, серовато-белесом свете, глядя в потолок, ощущая едва пробуждающееся и пока еще неясное томление, схожее с тем, что бывает после отказа от наркотиков. За те несколько дней, на протяжении которых я выполнял утренний ритуал, организм успел синхронизироваться с рассветом, привыкнуть к тому приятному ощущению, что дает прикосновение к обнаженному телу солнечных лучей, пробуждающих его и заряжающих бодрящей новой энергией. В детстве, когда я только учился этому ритуалу, прошло несколько недель, прежде чем телесная сущность настроилась на суточный ритм солнца. Теперь же все происходило быстрее, как простая переустановка будильника.

Я поднялся к постели и встал перед окном, опустив голову и сложив руки на груди. Диск солнца прорезал горизонт, и его теплый свет коснулся моего лба. Я глубоко вдохнул и поднял руки. Я не помнил, какое удивительное ощущение легкости приносит этот обряд, пока не начал повторять слова древнего гэльского пеана, сопровождая их простыми, но эффективными упражнениями, пробуждая уснувшие мышцы. Когда и почему я перестал это

делать? Как могло случиться, что выполнение столь элементарной, но действенной процедуры сделалось для меня чем-то неважным и излишним? К тому моменту, когда солнце на мгновение замерло, словно сделав передышку, на краешке горизонта, я завершил песнопение заключительной позой — голова откинута назад, руки опущены и повернуты ладонями вовне, лучи светила сосредоточены на груди, центре моей сущности.

И все же стоя под душем, я не мог не ощущать на плечах тяжести того бремени, что принес с собой наступивший день. Вторник. Слово это снова и снова возникало в мозгу. Вполне обычное и нейтральное для большинства людей, в моем сознании оно отзывалось тревожным эхом притаившейся где-то близко опасности. Прошла неделя с того дня, как я стоял в темном переулке, склонившись над телом с вырванным сердцем. Сегодня кровавый цикл мог повториться. Я вытерся насухо полотенцем, взял чашку с кофе и перешел в кабинет.

Первым делом нужно позвонить Мердоку, узнать, как обстоят дела с кандидатом на роль приманки. В офисе его еще не было — слишком рано. Я не стал звонить ни домой, ни на бипер, а оставил сообщение. Хорошо бы найти Танси и предложить ей, если пожелает, понаблюдать за нашей операцией. Я достал из холодильника светляка, сжал в ладони и тут же почувствовал, как оживает — на удивление быстро! — крошечный замерзший комочек. Его я отправил к Джо с поручением найти Танси и ждать меня в условленном месте.

Следующий пункт — позвонить в Европу, пока еще не поздно. Заграница это почти всегда восток, а значит, на связь нужно выходить до полудня — иначе все просто разойдутся по домам. Плохие парни — народ несознательный и подстраиваться под мой график не станут.

В базе данных Авалона значилась Черил Этуорт, женщина, родившая мальчика по имени Уильям и проживавшая, согласно последним имеющимся данным, в Англии. Отцом был феяри. В Штаты она приезжала в 1960-е, следовательно теперь ей должно быть около шестидесяти пяти. Отделение Гильдии в Лондоне никогда не отличалось большим порядком в том, что касалось бумажной работы, но поскольку иные на Британских островах пользуются в некотором смысле привилегированным положением, скрывать свою связь с бывшим любовником Этуорт вроде бы ни к чему. Исходя из этого предположения, я позвонил Рори Дину, старому приятелю по далеким и смутно запомнившимся пьяным вакханалиям начала девяностых. Должков за ним накопилось немало, и тянули они отнюдь не на кружку пива. После нескольких попыток и долгих блужданий по системе голосовой почты я услышал наконец бодрый баритон Рори, извещавшего, что он ушел на ланч. Я оставил сообщение с изложением просьбы, призывом поторопиться и обещанием нанести визит.

Ситуация с Германией таких перспектив не сулила. Те, кого я там знал, относились к американцам с некоторым презрением, то есть немногим лучше, чем к обитателям Британских островов. В начале века гномы и эльфы образовали так называемый Тевтонский консорциум, ввергший мир в состояние хаоса. В конце Второй мировой войны они заключили сделку с Россией, пообещавшей не чинить препятствий их наступлению на Берлин в обмен на северо-восточную часть Германии. После падения Берлинской стены у границ захваченной консорциумом территории возникла демилитаризованная зона иных. Прошли десятилетия, но и сейчас на саммите в Таре пытаются решить вопрос о положении в прилегающих к границе районах, где продолжают стычки между силами Тевтонского консорциума и солдатами Мэб. Эльфы постоянно угрожают отодвинуть рубежи поближе к Франции. И если люди после крушения Советов хоть как-то урегулировали разногласия, то иные смотрят друг на друга как на врагов и, держа копьё наперевес, всегда готовы возобновить полномасштабные военные действия.

Каких-либо контактов в Германии у меня не было, но я рассчитывал, что Гильдия все же найдет тех, кто мне нужен. Берлин ведет за иными неусыпное наблюдение, а те, что служат в Гильдии, находятся под бдительным правительственным контролем. До последней войны иные вели себя довольно вольно, не обращая внимания на указы и распоряжения, но

после приручения атомной энергии игра вышла на новый уровень, так что им пришлось подчиниться более строгим правилам.

Вся моя информация исчерпывалась именами и датами. Герда после войны находилась в Штатах, где в 1948-м родила сына по имени Гетин. Бритт побывала в Америке в 1972-м и произвела на свет дочь, которую нарекла Уилфри. Фамилия обоих, Эльфхайм, указывала на принадлежность к клану эльфов. Связавшись с информационным центром берлинской Гильдии, я, как и следовало ожидать, услышал привычные жалобы на скудость исходной информации, но, набравшись терпения, постарался в меру вежливо изложить суть просьбы, дипломатично намекнув на срочность и назвав номера двух контактных телефонов, своего сотового и служебного Мердока, дабы подчеркнуть официальный характер запроса.

Оставалось только ждать. Я прогулялся по авеню, рассеянно разглядывая магазины и пабы. Все вроде бы знакомое, но, если присмотреться, можно заметить происходящие чуть ли не ежедневно перемены. Там — новая вывеска, здесь — свежая краска. Одни бывают здесь часто, другие от случая к случаю, третьи приходят впервые и уходят навсегда. Для меня же картина остается неизменной, особенно по утрам, когда улица еще не проснулась и кажется сценой, пустой и только ожидающей вечернего спектакля. Увидев меня, сидящая на тротуаре старуха в рваном свитере, со свисающими из-под черной вязаной шапочки седыми волосами потрясла картонной чашкой. Что-то забренчало.

— Мелочь за истину! Мелочь за истину! — пробубнила она, наблюдая за мной равнодушными глазами.

Порывшись в кармане, я извлек несколько монет. Истина меня не интересовала — просто захотелось дать ей денег. Обычно я не откликаюсь на призывы уличных побирušек. В Вейрде их слишком много, и стоит только начать, хоть раз бросить дайм, как тебя запомнят, и проходу уже не дадут. Но было еще рано, и я, остро переживая свое бессилие в других вопросах, опустил в чашку пару четвертаков. Она посмотрела на меня уже внимательнее и вдруг расщепила в ухмылке беззубый рот.

— Перемена.

— Что?

Старуха сменила позу, прислонившись к ящику из-под газет.

— Тебя ждут перемены, и они уже начались. — Она еще раз усмехнулась и закрыла глаза, сделав вид, что уснула.

Я невольно улыбнулся и побрел дальше. Может быть, старуха и впрямь наделена даром, позволяющим ей время от времени изрекать истину, а может, она всего лишь заурядная попрошайка с парой отработанных фокусов. В любом случае опыт подсказывает, что перемены не всегда к лучшему. Куда важнее знать, как ими правильно распорядиться.

Центральная часть авеню уже принарядилась к праздничному шествию. Старые фонари украсили блестящие целлофановые солнца, соединенные между собой веселенькими зелеными баннерами, призванными символизировать то ли лето, то ли свежую траву. Стены зданий оклеены афишами, рекламами и объявлениями, извещающими о распродажах, концертах и прочих увеселительных мероприятиях с участием местных музыкальных знаменитостей.

В кармане завибрировал сотовый — почти как оживающий в руке светляк. Звонил Мердок.

— Ты кого-нибудь нашел? — спросил я.

— Пока нет. У тебя есть на примете знакомые фейри, с которыми можно было бы договориться?

Что тут ответишь? Дружба слишком часто основывается на деньгах и влиянии, но понимаешь это обычно лишь тогда, когда лишаешься и того, и другого.

— Есть одна идея. Можем встретиться на углу Питсбург-стрит и авеню?

— Через пятнадцать минут, — сказал он и повесил трубку.

Я был почти на месте, так что четверть часа показалась вечностью. Мердок по крайней мере не опоздал.

— Что подсказывает чутье? — спросил я, влезая в машину. — Кого-нибудь найдешь?

Он нахмурился.

— Нет.

— Как насчет Робина?

Мердок покачал головой.

— Нет. Он — гражданский.

— Но подходит идеально.

— Робин — подозреваемый, — заупрямился Мердок.

— Только формально. Это мелочь.

— Сколько раз тебе говорить, что из мелочей вырастают крупные неприятности.

Следующая минута прошла в молчании. Друг на друга мы не смотрели.

— Он подходит идеально, — повторил я.

Мердок повернулся вполоборота.

— А если он убийца? Если мы рискуем погубить все расследование?

— Ничего мы не погубим. И наш случай не первый — подозреваемые часто соглашаются помочь полиции. И вообще, я не верю, что он как-то причастен к этим убийствам. Не забывай, что показания Шая подтвердила Танси.

— ...которая сама общалась с жертвой, о чем знали и Робин, и Шай.

— Ну, это уж слишком. Подумай сам. Послушай, у нас ничего больше нет. Мы в тупике. И если убийца Робин, то не лучше ли задействовать его и держать под наблюдением? Может быть, он даже решит, что мы уже ни в чем его не подозреваем. А если он не убийца, то у нас появляется шанс взять преступника.

— Руис будет против.

— Ему знать необязательно. Оборудование у тебя есть. Если ничего не случится, даже отчет писать не придется. Если же получится, ты — герой.

— Черт, — пробормотал Мердок и, стиснув зубы, несколько раз покачал головой, словно споря с самим собой. Потом вздохнул и повернул ключ. Я облегченно выдохнул. Через пару минут мы свернули на улицу, где жили Робин и Шай, и остановились перед заколоченной дверью.

Как и в прошлый раз, нас встретил полутемный коридор.

— Свет не включать! — крикнул Мердок, переступая порог. У последней двери нас поджидал Робин. Вид у него был сердитый.

В комнате царил беспорядок: повсюду разбросана одежда, одна кровать отодвинута от стены, тумбочка перевернута. Возле кровати, перед кучкой тряпок стоял на коленях Шай в голубом банном халате. Длинные растрепанные волосы почти полностью закрывали лицо со следами макияжа. Увидев нас, он кое-как сгреб одежду и выпрямился, прижимая ее к груди. Робин, в пузырящихся джинсах и бледно-зеленой футболке, прислонился к стене, сложив руки на груди.

Мердок огляделся, неторопливо прошелся по комнате, поправил сбившуюся картину.

— Помешали?

Шай взглянул на нас и тут же опустил голову.

— Весенняя уборка, — буркнул он. Волны злости исходили от него, как тепло от обогревателя. Обнаружить его в комнате не составляло труда даже с закрытыми глазами.

Мердок поднял перевернутый стул и, прислонившись к спинке, посмотрел на Робина.

— Есть предложение.

Робин пожал плечами.

— Предложений у меня хватает.

— Как насчет того, чтобы помочь схватить парня, который убил Гамелина?

Шай, стоявший к нам спиной, замер, но не повернулся.

— В чем мой интерес? — спросил Робин.

— А не хочешь сначала узнать, что нужно сделать? — поинтересовался я.

Его губы растянулись в ухмылке.

- У меня есть выбор?
- Выбор есть у всех.
- В твоём мире, может быть, Коннор Грей, но здесь жизнь немного другая.
- Я тоже здесь живу.

Он медленно, вразвалку подошел ко мне. Краем глаза я заметил, как Мердок переменял позу, приготовившись к нежелательному развитию ситуации. Я не шевельнулся. Робин остановился в нескольких дюймах от меня. Несколько секунд он смотрел мне в глаза, потом поднял руку, вытянул палец и погладил воздух над моей щекой.

— Живешь — да, но коснулся ли он тебя хоть раз?

Я не отвел взгляда — уж очень не хотелось, чтобы мальчишка вообразил, что способен кого-то напугать. Наконец он ухмыльнулся и вернулся на прежнее место, к стене.

- Я думал, его интересуют только феири.
- Так оно и есть. Поэтому ты воспользуешься гламуром.
- Ну а мне что с того? — повторил Робин.

Шай бросил вдруг ком одежды и повернулся к приятелю.

— Нет! Это опасно! Не соглашайся!

— Помолчи! — Робин не отводил глаз от полицейского.

— Мы все время будем рядом. Если что случится, вмешаемся, — сказал Мердок.

Шай обжег его полным ненависти взглядом.

— И что? Этот маньяк будет ждать, пока вы подоспеете?

— Я сказал, помолчи, — бросил Робин, отходя подальше.

Шай отвернулся и снова принялся собирать одежду.

— Нет, я не стану молчать. Я больше так не могу. Эти драки. Риск. Страх. Я приехал сюда, потому что всего этого хватало там. — Он сел на кровать перед развороченным шкафом, спиной к нам.

— Так в чем все-таки моя выгода? — негромко произнес Робин.

— Решим, когда попадешься в следующий раз.

Он поджал губы.

— А если откажусь?

Мердок пожал плечами.

— То же самое.

Робин улыбнулся мне.

— Ты был прав, Коннор, выбор есть. Шиш здесь и шиш там. И никаких гарантий. — Он вскинул бровь, но я не клянул. Парень был слишком умен, чтобы верить пустым обещаниям, и слишком глуп, чтобы понять — в этот угол он загнал себя сам.

— Когда?

— Сегодня вечером, — ответил Мердок.

— Ладно.

Шай издал странный звук — то ли всхлипнул от отчаяния, то ли зарычал от злости, — вскочил и скрылся за занавеской.

Мы вышли на улицу и сели в машину.

— Я отправил сообщение Джо. Может быть, удастся подключить Танси.

Мердок кивнул.

— Как будем ее охранять?

— Она же флит — выпутается из любой неприятности, — заверил я.

— Смотри, Коннор.

Я промолчал. Сомнений хватало, но делиться ими с Мердоком я не собирался — он все еще мог дать задний ход.

— Сможешь присмотреть за Шаем?

— Конечно, мне же больше заняться нечем, — съехидничал он.

— Мне не до шуток. Что-то здесь не так. От него исходят какие-то странные флюиды. Я ощущаю их уже во второй раз. Он определенно человек. С очень сильной сущностью. Я

даже вижу его ауру.

— Что за флюиды?

— Трудно объяснить. Когда мы разговаривали с ними впервые, Шай определенно хотел помочь. Сегодня же я почувствовал, что он не желает принимать в этом никакого участия.

Мердок вздохнул.

— Коннор, ты постоянно забываешь, что мы имеем дело с людьми, стоящими по ту сторону закона. Вот и мечутся туда-сюда.

— Может, ты и прав. Шай под наблюдением?

Мердок остановился перед моим домом.

— С того самого дня, как мы здесь побывали. Странное дело, для человека его рода деятельности он ведет довольно-таки уединенный образ жизни. Всего две подозрительные встречи, обе в отеле. В остальное время уходил домой еще до закрытия баров.

Я вышел из машины.

— Спасибо, что подвез.

— Заеду ближе к вечеру, — сказал он и укатил.

Поднявшись к себе, я приготовил еще одну чашку кофе и, обедая свежим взглядом комнату — после похожего на свинарник салона машины Мердока она выглядела не так уж плохо, — решил, что следующим этапом в программе самосовершенствования будет уборка. По крайней мере в гостиной — кабинет потребовал бы слишком больших усилий. Что мне сейчас требуется, это полная самодисциплина. Я расстелил постель, подобрал с пола журналы, отправил в мусорную машину четыре чашки из-под кофе и прошелся по комнате с мусорной корзиной, подбирая обертки и почтовый мусор. К тому времени, когда дело дошло до запылившихся горизонтальных поверхностей, я уже проникся законной гордостью.

Я упал в кресло, положил ноги на подоконник и взял чашку с остывшим кофе. Меня беспокоил Шай, но что именно? Определенно не его гермафродитизм. Как раз это даже забавляло. Глядя на Шая, я ловил себя на том, что пытаюсь определить гендерную категорию парня, но его лицо и тело не поддаются классификации. Человека не столь способного контролировать эмоции это, возможно, даже рассердило бы, особенно если бы сомнение вызывала его собственная сексуальность. Шай был по-женски красив и одновременно по-мужски привлекателен.

Его кажущаяся образованность ничего не значила. Симпатичных пареньков из среднего класса на улице хватает — не он первый. Может быть, Мердок прав, и жизнь в пригороде, на зеленой лужайке за белым палисадником вовсе не кажется радужной тем, кто не соответствует общепринятой модели Дика и Джейн. Вейрд притягивает многих, особенно подростков, и здесь с ними случается всякое. Большинство просто пропадают. Шай удержался и в конце концов прибил к Робину. Никакой тайны здесь нет. С другом всегда легче, особенно с таким, который больше и сильнее.

Беспокоило меня то, что Шай умолчал о своем разговоре с убийцей. Бармен в «Флиттербаге» упомянул об этом сам, за язык его никто не тянул, так что информацию можно было считать надежной. С другой стороны, паренек не отказался сотрудничать с полицией и помог составить портрет убийцы. Одно не состыковывалось с другим. Либо ты даешь все, либо не даешь ничего. Так или иначе, поведение Шая указывало на то, что он чего-то недоговаривает. Что именно, это я собирался выяснить, независимо от того, настроен парень на откровенность или нет.

Наступили сумерки, и желтоватый, болезненный свет города отразился от подбрюшья нависших над ним облаков. В аэропорту за бухтой зажглись красноватые огни авиамаяков; взлетающие самолеты растворялись в темноте, как металлические насекомые.

Очнувшись от раздумий, я засунул в микроволновку замороженный тако и едва успел налить в стакан воды, как голос за спиной произнес:

— Наливай два.

Едва не выронив стакан, я обернулся и обнаружил в гостиной гостей, Джо и Танси.

— Ты бы все-таки предупреждал как-то.

Танси пролетела мимо меня к микроволновке и с детским интересом прильнула к окошечку, наблюдая за вращением пирожка.

— Зачем? Вторгаться в твою интимную жизнь я не собираюсь, — сказал Джо.

— Кто бы говорил. — Я отпил воды. Микроволновка звякнула, и Танси с испуганным писком отпрянула от нее.

Я достал тако и неловко — он оказался слишком горячим — перебросил на тарелку.

— Сегодня вечером мы собираемся устроить убище ловушку. Надеюсь, Танси не откажется помочь.

Услышав свое имя, Танси подлетела к столу и зависла над пирожком, с удивлением его рассматривая. Я предложил ей кусочек мяса на кончике пальца. Она взяла его, обнюхала и, скривив личико, отлетела на пару шагов. Пока я ел, Джо перевел ей суть моей просьбы.

Танси не обрадовалась — это я понял сразу — и даже, если такое вообще возможно, побледнела. После оживленного обмена репликами, смысла которых я не уловил, Джо повернулся ко мне и сообщил:

— Она согласна, но только если с ней буду я.

— На тебя мы тоже рассчитывали.

— Отлично. Ты так стараешься нас свести, что к концу фильма мы окажемся в постели. — Он задумчиво посмотрел на свою спутницу. — А почему бы и нет? Может, я и покружу малышку на карусели.

— Ты такой грубый.

Джо сердито посмотрел на меня.

— Можно подумать, ты святой. Не забывай, я вхожу без стука.

— Вообще-то ты мне свиданий испортил больше, чем я тебе.

— Не скажу, что мне пришлось так уж стараться.

В дверь постучали.

— Это Мердок, — сказал я.

За то время, что мы не виделись, настроение у него нисколько не улучшилось. Я бы даже сказал, что он выглядел более растрепанным, чем обычно, что в данном случае выражалось в появлении на рубашке нескольких морщинок и ослаблении узла галстука. По дороге все молчали. Стинкворт и Танси, ощущая исходящие от полицейского волны напряжения, беспокойно прыгали на заднем сидении. Я, зная по опыту, что в таком состоянии Мердока лучше не трогать, вопросов не задавал. Мы остановились в переулке, и Танси тут же разразилась пространном монологом, из которого я понял только то, что ей нужно сосредоточиться и попытаться идентифицировать все, что она видит: машины, людей и деревья.

Мы снова вошли в полутемный коридор за заколоченной дверью. В комнату нас впустил Шай, одетый в красную тунуку с множеством бусинок и с собранными пучком волосами, что делало его похожим на взбалмошную гейшу.

— Опаздываете, — подал голос Робин. На нем была уже знакомая мне бледно-зеленая футболка и такие же шорты.

— Давай посадим «жучка», — сказал Мердок. Робин молча задрал футболку, и детектив ловко прилепил ему на грудь крошечное подслушивающее устройство. Робин опустил футболку. Мердок кивнул мне, и я достал деревянную коробочку с гламуром.

Ощущение было такое, словно ореховая шкатулочка вибрирует в руке. Я знал, что дело в данном случае не в камне, а в защитном поле самой коробочки, назначение которой хранить и маскировать содержимое. Я сдвинул крышку и извлек гламур. Это был маленький, примерно в одну восьмую дюйма диаметром, прозрачный кристалл, заключенный в простенькую золотую подвеску на коричневом кожаном шнурке. Передавая камень Робину, я ощущал исходящую от него сущность фейри.

Робин с сомнением взглянул на меня, но промолчал и послушно повесил гламур на шею. Шай тихонько охнул. Перемена и впрямь впечатляла — Робин как будто стал выше,

члены его сделались гибкими, недовольно поджатые губы растянулись в дерзкой ухмылке, в глазах появился стальной блеск, а струящиеся по плечам волосы обрели роскошный шелковистый глянец. Но самый сильный эффект производило едва заметное мерцание серебряных крылышек за спиной.

— Чудесно, чудесно, — восторженно воскликнула, подлетая ближе, Танси.

Шай протянул руку и осторожно провел ладонью по волосам.

— Ты прекрасен, — шепнул он.

— А я ничего не чувствую, — пожал плечами Робин.

— Ты и не должен, — сказал я.

Мердок вопросительно посмотрел на меня.

— Думаешь, сработает?

Я кивнул.

— Человеческая сущность присутствует, но обнаружить ее нелегко, а в прочих отношениях он воспринимается как фейри. В таком месте, как бар, должно сработать.

— Что мне делать, когда выйду из бара? — спросил Робин.

Мердок покачал головой.

— Не выйдешь. Тебе нужно привлечь его внимание, дать нам его описание и уйти в сторону. Все остальное мы сделаем сами.

— А потом? Что, если он последует за Робинем? — встревожился Шай.

— Не думаю, что он за ним последует. Без гламурного камня Робин будет интересоваться его не больше, чем мы с Мердоком, — ответил я. Шай недоверчиво покачал головой, но сомнения оставил при себе.

Мы вышли на улицу. Шай и Робин после долгих препирательств устроились на заднем сидении. Мы медленно объехали вокруг квартала и свернули на авеню. Машин было мало, и Мердок без проблем нашел удобное место для стоянки неподалеку от «Флиттербага».

— А теперь слушай меня, парень, — сказал он, поворачиваясь к Робину. — Я хочу слышать тебя. Не молчи, понятно? Если рядом никого нет, рассказывай, кого видишь, но не привлекай к себе внимания. Если кто-то подойдет, постарайся дать нам его описание. Если оно не соответствует описанию Шая, попытайся отделаться от него побыстрее.

— А что делать мне? — спросил Шай.

— Ничего. Останешься здесь. Будешь слушать голоса. Ты же сказал, что запомнил его голос.

На лице Шая отразился такой ужас, что мне пришлось отвернуться, пряча улыбку.

— Нет! Невозможно! Я же ваш главный свидетель!

— Если ты можешь его опознать, то и он может опознать тебя, и если увидит тебя раньше, то сразу же уйдет. Все, хватит.

Шай сложил руки на груди и с обиженным видом забился в угол.

Робин выбрался из салона и направился к бару в сопровождении Стинкворта и Танси. У входа он замедлил шаг, как будто заколебался — похоже, парень был не настолько самоуверен, как хотел казаться.

— Слышите меня? — Голос звучал немного приглушенно, но вполне разборчиво. Мердок подал короткий сигнал гудком, и Робин кивнул и вошел в бар. Тишина сменилась вдруг громкой музыкой. Только бы не остановился где-нибудь возле динамиков, подумал я. Словно в ответ на мое пожелание, музыка отступила на задний фон.

— Привет, что тут у вас?

— Я тебя знаю? — спросил кто-то, вероятно, бармен.

— Это Бем, тот еще придурок, — прокомментировал с заднего сидения Шай.

— Что будешь? Покрепче?

— Нет, налей мне родниковой воды.

— На родниковой воде не заработаешь, — резонно заметил Бем.

— Так плесни в нее водки.

— Эй, мне на выпивку фондов не выделяли, — пробормотал Мердок.

— Решим эту проблему позже, ладно? — проворчал я. Мердок иногда отвлекается по пустякам.

Некоторое время мы сидели молча, вслушиваясь в тревожную тишину, прерываемую время от времени доносящимся из бара глуховатым шумом. Каждый раз, когда Шай на заднем сидении совершал малейшее движение, бусинки у него на тунике начинали позвякивать. Машины устало кружили по авеню, словно придавленные вечерней духотой. Ночной люд, похоже, осознал наконец, что где-то рядом может орудовать маньяк, и что сегодня его день.

— Эй, красавчик, в тебе сколько? Шесть и два? Или три? — спросил вдруг Робин.

— Сколько? — прозвучал грубый голос.

— Я же сказал, шесть и два или...

— Я не то имел в виду.

— Знаю. Вы, тролли, такие нетерпеливые. Откуда у тебя этот шрам? Врезался головой в мост?

Мердок усмехнулся.

— Чертовы фейри. Слишком много о себе воображаете, — проворчал тролль и рассмеялся. — Но ты-то свое получишь, а?

Затянувшееся молчание прерывали только статические разряды.

— Узнаешь голос? — спросил я.

Сзади звякнули бусинки.

— Нет, это не он. Тот точно не был троллем.

Тролль выругался.

— Черт, от него воняло, как от куска рокфора, — прошептал Робин.

— Наверно, руки давно не мыл, — заметил я, зная, что Робин меня не слышит.

Время тянулось медленно, час за часом. Робин имел успех, а вот потенциальные клиенты оригинальностью подхода не отличались. Я уже забыл, каким томительным может быть ожидание. Единственным положительным моментом были язвительные комментарии Робина, умело отделявавшегося от нежелательных типов и успевавшего давать нам их краткие, но выразительные описания. Чаще всего к нему обращались люди, а из прочих был лишь один эльф, движимый желанием положить конец межплеменной вражде.

— Скучновато, — заметил Шай.

— Ты же вроде бы волновался по другому поводу.

— Я и сейчас волнуюсь. Просто не думал, что ожидание опасности может быть настолько утомительным.

— Я вот подумал... Может быть, ты потому так хорошо запомнил его голос, что он с тобой разговаривал.

— Нет, — ответил Шай после долгой паузы. — Я бы запомнил. Но он обращался только к Гамелину, а я просто оказался неподалеку.

Что-то в тоне его голоса заставило меня обернуться. Шай с тоской смотрел в окно.

— Я бы запомнил, — повторил он едва слышно.

— Эй, посмотри-ка сюда. — Мердок дернул меня за рукав.

По тротуару во всем блеске великолепия шествовала фейри с развернутыми за спиной наподобие серебристых вееров тонкими крыльями. Традиционное для низших классов зеленое платье совершенно не вязалось с той силой, которой явно обладала эта женщина. Пряди роскошных медно-рыжих волос пританцовывали, как живые, а дополнял и усиливал иллюзию рой выющихся над головой флитов. Всем известно, как обожают флиты блестящих, ярких и откровенно вульгарных фейри.

— И куда так вырядилась, — фыркнул на заднем сидении Шай.

Перед входом в «Флиттербаг» фейри остановилась, а когда повернулась, ее лицо оказалось в свете уличного фонаря. Я скрипнул зубами от злости и толкнул дверцу. Кива.

— Что, черт возьми, она здесь делает?

Не обращая внимания на пронзительный вой клаксонов и проклятия водителей, я

перебежал через улицу. Появление Кивы уже возымело эффект. Если она кого и напоминала, то только агента Гильдии или по крайней мере кого-то, кто мог причинить серьезные неприятности. Завсегдатаи спешно покидали бар. Я пробился в дверь и едва не был сметен шквалом ревущей музыки и волной всевозможных существ, окрашенных сексом, злобой, отчаянием и удивлением. Еще несколько посетителей устремились к выходу. Оглядевшись, я увидел Киву у дальней стены и, подойдя, схватил ее за руку. Она повернулась, вырвала руку и полоснула меня обжигающим ненавистью взглядом. Мое защитное поле активировалось так быстро, что боль ударила в лоб тупой рукоятью ножа. В воздухе с треском рассыпались искры. Оказавшиеся рядом в страхе попятнулись.

— Прекрати, — предупредил я.

Она узнала меня, и свет в ее глазах померк, но огоньки злости еще горели.

— Не трогай меня.

В конце бара я заметил Робина в окружении сомнительных типов, явно встревоженных происходящим. За спиной у Кивы появился Стинкворт. Судя по положению руки у талии, он уже был готов пустить в ход кинжал, который носил иногда, прикрывая гламуром.

— Что ты здесь делаешь?

— Работаю. А тебе лучше убраться, пока все не испортил.

— Или что? Я сорвал тайную операцию? И это твоё прикрытие? С таким же успехом могла бы заявиться с сиреной на голове.

— Если не уберешься, я подам официальный рапорт. Ты мешаешь мне исполнять служебные обязанности.

Я наклонился к ней, чтобы никто не слышал.

— Это ты мешаешь. Я здесь работаю.

Она выгнула бровь и бросила взгляд мне за плечо. Стинкворт ответил хмурой ухмылкой. Кива улыбнулась ему и снова посмотрела на меня.

— Поговорим. — Она направилась к двери.

Стинкворт подлетел поближе.

— Все в порядке?

— Да. Спасибо, что прикрыл тыл. — Я бросил взгляд в сторону бара — Робин сидел на стуле, подавшись к какому-то типу. — Что там?

— За него можешь не беспокоиться. Мелет как мельница. Последние минут десять измывается над каким-то придурком.

— Ладно. Побудь у двери, а я пока потолкую с Кивой.

Он пролетел за мой через танцпол и завис над выходом. Я переступил порог. Моя бывшая напарница стояла, подбоченясь, фугах в десяти от двери.

— Хотела всех спугнуть? — спросил я, подходя ближе.

Она улыбнулась.

— Вообще-то да. Я же говорила, что ищу одного пропавшего.

— Ищешь? Странно это у тебя получается. У меня здесь засада, и ты все испортила.

— Что мне делать и как, это тебя не касается. И кстати, официальных уведомлений никто не подавал.

Возразить было нечем. Я знал, что если Кива подаст рапорт и сообщит о нашей операции, Мердок убьет меня голыми руками.

— Что и как я делаю, тебя тоже не касается, — повторил я, отчаянно пытаясь найти выход из ситуации.

Некоторое время мы просто смотрели друг на друга.

— Что ж, похоже, у нас обоих ничего не получилось, — сказал я.

Она ткнула мне кулаком в грудь. Сильно.

— Из-за тебя.

Я сделал глубокий вдох — нужно успокоиться.

— Дело не в том, чья тут вина.

— Ты сорвал операцию, проводимую Гильдией.

— А ты даже не удосужилась заглянуть в утренние полицейские сводки. Могла бы по крайней мере оглядеться, прежде чем входить, — увидела бы меня в машине. — Я блефовал — бостонское управление полиции отнюдь не всегда уведомляло коллег из других служб о проводимых операциях. Впрочем, Кива практически не работала с полицией, и я рассчитывал, что ей о такой практике неизвестно.

Она прищурилась.

— Что предлагаешь?

— Мы оба будем выглядеть не лучшим образом. — Я перевел дыхание, надеясь, что Кива проглотит наживку. Расчет строился на том, что больше всего на свете ей не нравится проигрывать.

— И что? — На каменном лице вспыхнули пятна румянца.

Я медленно выдохнул и развел руками.

— Каждый доложит, что операция не дала результата. Вот и все.

Мне даже показалось, что я слышу, как пришли в движение колесики у нее в голове.

— Сыграем на равных — *quid pro quo*. Ты мне — я тебе.

— Негодяй.

— Мне тоже тебя доставало.

Кива начала что-то говорить, но остановилась, увидев что-то у меня за спиной. Мердок подкатил к тротуару и, перегнувшись через спинку сидения, открыл дверцу. Из машины вылез недовольный Шай.

Мердок помахал мне.

— Садись. Только что прошло сообщение. Кого-то уже взяли. Может быть, нашего парня.

Прежде чем сесть, я переглянулся с Кивой. Мердок включил сирену и развернулся через сплошную линию. В последний момент на зеркало заднего вида вспрыгнул выскочивший из-под колес Стинкворт. Мердок едва успел ударить по тормозам.

— Хорошие рефлексы, — похвалил его флит.

— Извини, Джо.

— А что вообще происходит? — поинтересовался Стинкворт.

— Кого-то арестовали.

— То есть стеречь больше никого не надо?

— Да, скажи Робину и Шаю, что их смена закончилась.

— И убедись, что они пошли домой, — добавил Мердок. — Утром я к ним заскочу.

Джо закатил глаза и исчез.

— Кто его взял? — спросил я, наблюдая, как Мердок лавирует в потоке движения.

— Не знаю, — сдержанно ответил он. Кому понравится, когда от тебя скрывают информацию да еще по твоему же делу?

Мы остановились перед управлением. Тротуар был забит людьми в форме. Мердок припарковался рядом с гидрантом. Мы вышли и взбежали по ступенькам. Полицейские вокруг оживленно переговаривались. Как и все остальные, они горели желанием узнать подробности громкого задержания, пусть даже жертвами убийцы были те, кто при жизни не вызывал у них ничего, кроме презрения.

Едва войдя в вестибюль, Мердок остановился как вкопанный. У внутренней двери его с надменной улыбкой встречала Кива.

— А вы как сюда попали?

— Вы, может быть, не обратили внимания, детектив, но у меня есть крылья.

Мердок вопросительно взглянул на меня. Я кивнул. Крылья фейри кажутся слишком ненадежными для полета и были бы совершенно лишены практической ценности, если бы речь шла только об их динамике и мускульной силе. В действительности же крылья исполняют роль аэродинамических профилей для управления сущностью. Когда им нужно, фейри перемещаются чертовски быстро. Флиты, впрочем, еще быстрее.

Мы вошли в мрачноватое фойе с сидящим за пуленепробиваемой стеклянной

перегородкой дежурным сержантом. Узнав Мердока, он нажал кнопку. Дверь справа от его клетки открылась. Короткий коридор вывел нас к находящимся в глубине здания кабинетам. Сидевшие за столами детективы в штатском создавали иллюзию работы. Судя по направлению взглядов — их целью была закрытая дверь в конце помещения, — настоящую работу делали там. Решительно промаршировав между столами, Мердок коротко постучал и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь.

В узкой затемненной комнате с полдюжины мужчин сгрудились у двусторонней стеклянной перегородки. В другой комнате, за стеклом, у стола со следами от потушенных сигарет, сидел на стуле, раскачиваясь взад-вперед, высокий плотный мужчина растрепанного вида со скованными руками. Голова у него была выбрита, а левую сторону лица украшала темная дорожка из свежих синяков. Еще один человек, в форме, стоял в дальнем от стола углу. Из крохотного громкоговорителя доносились одни и те же, повторявшиеся снова и снова слова: «Я не хотел. Я не хотел. Я не хотел».

Время как будто остановилось, и мною овладело вдруг странное ощущение. Незнакомец за столом все раскачивался и раскачивался, бормоча одно и то же. Взгляд его уперся в одну точку. Я чувствовал его сущность, довольно сильную, но был ли он достаточно силен физически, чтобы справиться с фейри? При наличии нужного оснащения, наверное, мог бы, если бы твердо представлял, что делает, и был сосредоточен и собран. Тот, что сидел за столом, не производил впечатления организованного и волевого человека. Я попытался определить, от кого в комнате исходят вибрации, но в тесных помещениях, когда люди стоят так плотно, сделать это трудно.

— Капитан вас ждет, — произнес кто-то, и ощущение исчезло.

Мердок кивнул, и я последовал за ним. Кива не отставала.

Мы вернулись в комнату, через которую только прошли, и только теперь я заметил сидящего в углу, отдельно от остальных, фейри — с всклокоченными русыми волосами, в красной, продырявленной в нескольких местах тунике. Через густой макияж на лице пролегли оставленные слезами дорожки.

Детективы уже не притворялись, что работают, и пялились на нас; кто-то с любопытством, кто-то с презрением. Что-то было не так. У двери в кабинет капитана меня встретила мощная волна сущности, и я мгновенно понял, в чем дело. Кто-то вышел, мы вошли, и в крохотной комнатке сразу стало тесно.

Капитан Эмилио Руис сделал уже ненужный приглашающий жест. Судя по рассказам Мердока, это был человек, старающийся во всем действовать по инструкции. Поднявшись из низов до капитанской должности, он вовсе не стремился забираться выше, но за кресло держался обеими руками. Руис исполнял свои обязанности, смотрел сквозь пальцы на мелкие нарушения и сторонился политики. Вот почему сейчас мне было искренне жаль его, поскольку по обе стороны от капитана восседали два крупнейших в городе политических игрока.

В человеке, сидящем спиной к нам, я узнал комиссара Скотта Мердока, отца моего напарника. Услышав стук двери, комиссар обернулся, чтобы посмотреть, кто пришел. Это был крупный мужчина примерно одного со мной роста и с такими же темными, как у сына, глазами. Возраст обошелся с ним милостиво, и он все еще мог кружить головы, а подернутые сединой волосы вкупе с выразительными скулами давали ему дополнительный гандикап. В любимчиках я у него не ходил.

Сущность второго я распознал сразу: Лоркан Макдуин, шеф местного департамента Гильдии. Высокий, статный, породистый, как сказали бы о нем на родине. Длинные светлые волосы заплетены в свисающую почти до пояса косичку. Сейчас на нем был приталенный, безукоризненно пошитый черный костюм и черная же водолазка, отчего он казался еще выше и худее. Легкое дрожание воздуха над плечами указывало на скрытые гламуром крылья. Киве Макдуин кивнул, нас же с Мердоком как будто и не заметил. Сомневаться в его чувствах по отношению ко мне не приходилось. Впрочем, я отвечал ему взаимностью.

Комиссар махнул рукой.

— Продолжайте, Лоркан.

Макдуин поднялся, но прежде чем заговорить, пронзил взглядом сначала Мердока, потом меня.

— Как я уже говорил, Гильдия более чем согласна заключить подозреваемого под стражу. Более того, я настаиваю на этом. В данном деле немало неясных аспектов, прояснить которые, несомненно, сумеют наши эксперты.

— Кто-нибудь введет меня в курс дела? — прервал его Мердок.

Наступила пауза, нарушать которую никто не спешил. Я чувствовал себя подростком, вклинившимся в серьезную взрослую компанию. Удостоить нас объяснением решился наконец Руис.

— Директор Макдуин задержал подозреваемого при попытке убийства проститута в переулке неподалеку от Конгресса и доставил его сюда. Сейчас мы уточняем, под чью юрисдикцию он подпадает.

— Прошу прощения, сэр, но поскольку подозреваемый человек, разве могут быть сомнения в том, что он наш?

Руис с некоторым беспокойством взглянул на комиссара.

— С одной стороны, да. С другой... задержал его все же агент Гильдии.

Слегка повернув голову, я посмотрел на пострадавшего, отделенного от нас стеклянной перегородкой. Он сидел неподвижно, разве что поднял руку, чтобы пригладить волосы. Отвернувшись, я успел поймать взгляд Кивы, наблюдавшей за мной исподтишка и теперь безуспешно пытавшейся придать лицу безучастное выражение.

— Обычно Гильдия берется только за те дела, расследованием которых сама же официально и занималась, — напомнил Мердок.

— Как я уже говорил комиссару, детектив, — ответил Макдуин тоном лектора, уставшего объяснять элементарные истины, — ради успокоения общественности и в интересах правосудия Гильдия сама восстановит справедливость в отношении убийцы, виновного в преступлениях против наших людей. — Голос его сочился таким высокомерием, что оно чуть не падало каплями на пол.

Мердок уставился на него с нескрываемым удивлением.

— Так вы полагаете, что фейри убивал тот парень?

Макдуин едва разлепил сжатые в полосочку тонкие губы.

— Да.

Мердок выпятил воинственно подбородок и закивал.

— Вот оно что. Целое управление всю неделю разыскивает преступника, а вы ловите его за руку, просто прогуливаясь по переулку. Ловкий ход.

— Мердок... — предупредил Руис. Я и сам немало удивился. Мердок мог показать зубы или отпустить шпильку, но сейчас, открыто насмехаясь над директором департамента Гильдии да еще в присутствии своего начальства, он ступал на очень тонкий лед.

Мой напарник изобразил покаянную улыбку.

— Извините, сэр. Нервы расшалились.

— Почему вы считаете, что именно этот человек может иметь отношение к убийствам? — спросил я и тут же, с опозданием сообразив, насколько дерзко прозвучал вопрос, поспешно добавил: — Прошу извинения у присутствующих.

Макдуин смерил меня пристальным взглядом, словно решая, прихлопнуть надоедливую мошку сейчас или дать ей еще пожить.

— Именно поэтому Гильдия и должна провести расследование. Мне бы очень хотелось знать, как человек, не наделенный какими-либо способностями, справился с несколькими иными.

— Жертву избивали. Нашему преступнику это не свойственно.

Макдуин кивнул.

— При задержании произошла небольшая потасовка.

— А по-моему, Коннор прав, — сказал Мердок. — Что-то не сходится. Единственный

свидетель — человек совершенно случайный. Преступник, которого мы ищем, знает свое дело и места выбирает подальше от посторонних глаз. Ни для кого не секрет, что мы располагаем его описанием, так что теперь он должен быть еще осторожнее. Думаю, мы столкнулись с имитатором.

Наклонившись вперед, Макдуин взял со стола Руиса прозрачный пластиковый пакетик и аккуратно положил на стопку бумаги. Внутри пакета лежал черный круглый камешек.

— Поправьте, если ошибаюсь, но об этом, за исключением присутствующих здесь, знали очень немногие.

Мы с Мердоком переглянулись. Детектив пожал плечами.

Комиссар негромко откашлялся.

— Судя по вашему молчанию, речь идет именно о таких камнях? — Мердок кивнул. Комиссар потер глаза. — Давайте так договоримся. Лоркан, забирайте пострадавшего, допрашивайте его, делайте что хотите. Но только не потеряйте. А мы до прояснения ситуации оставим себе подозреваемого.

— Я вынужден протестовать, — заявил Макдуин.

Комиссар поднялся и протянул ему руку.

— Знаю, Лоркан. Но сейчас уже поздно, а я устал, и утром мы все будем в другом настроении. Может быть, продолжим дискуссию до нашей завтрашней встречи?

В какой-то момент показалось, что Макдуин не пожмет протянутую руку, но он, подумав, все же ответил на жест примирения.

— Хорошо, поговорим завтра утром. — Директор шагнул к выходу. — Кива, помогите мне эскортировать пострадавшего.

Она открыла дверь, и они вышли вместе. Повернувшись к Мердоку, я заметил, как комиссар хитро подмигнул ему.

— Спасибо за помощь, Коннор, — сказал он, протягивая мне руку и давая понять, что дальнейшее мое присутствие необязательно.

— Рад был повидаться с вами, сэр. — Прежде чем выйти из кабинета, мы с Мердоком успели переброситься взглядами. Выйдя из здания, я догнал направляющихся к машине Макдуина, Киву и пострадавшего.

— Хорошо сработали, Лоркан.

— Спасибо. — Макдуин демонстративно отвернулся.

Я зашагал рядом с ним.

— В том смысле, что, как сказал Мердок, ловко у вас получилось. Оказались в нужном месте в нужное время.

— Да. — Улица интересовала его куда больше, чем я.

— Интересно, Лоркан, а что вы делали в Вейрде в такое позднее время?

Он соизволил наконец одарить меня взглядом.

— Поскольку вы, Коннор, как-никак наш бывший коллега, я удовлетворю ваше любопытство и скажу, что руководил операцией. На сегодня это мой последний ответ.

Кива встала между нами.

— Послушай, Коннор, почему бы нам не созвониться завтра утром?

К тротуару подкатил длинный черный лимузин. Шофер открыл дверцу. Лоркан и Кива устроились сзади. Со стороны они напоминали две статуи. Проститут и водитель неуверенно переглянулись. Я взял пострадавшего за локоть и, легонько подтолкнув к дверце, наклонился, чтобы видеть бывших коллег.

— Интересный у вашей жертвы цвет волос. Когда я работал в Гильдии, у нас это называлось профайлингом. Например, мы отмечали, что у всех жертв волосы одного цвета. В трех предыдущих случаях они были светлые, а не темные.

Макдуин бросил на меня взгляд, от которого, наверно, и молоко бы свернулось.

Шофер обежал лимузин спереди, сел за руль, и черная громадина неуклюже отвалила от тротуара. Я смотрел ей вслед, пока огоньки не исчезли за поворотом, потом вернулся к машине Мердока и забрался на пассажирское сидение. Полицейские меня не потревожили.

Они часто видели нас вместе и, наверно, рассудили, что опасности для транспортного средства их коллеги я не представляю. Будь иначе, угостили бы дубинкой. Я сидел, смотрел в забрызганное грязью ветровое стекло и пытался понять, что же, черт возьми, происходит.

Ждать долго не пришлось. Мердок едва ли не вылетел из управления и, плюхнувшись за руль, сразу повернул ключ и заложил крутой поворот. Пока он выкруливал, я не произнес ни слова. Промчавшись по улицам и продемонстрировав пренебрежение правилами дорожного движения, Мердок резко затормозил у моего дома и выключил мотор. Несколько секунд мы сидели молча, слушая доносящиеся из-под капота свистящие звуки.

— Я заметил, как вы с отцом перемигнулись. Что такое?

Он пожал плечами.

— Это у нас такая игра. Когда нужно прижать кого-то из Гильдии — а ему это не с руки из-за высокого положения, — он спускает с цепи меня.

— Ему не нравятся иные.

Мердок рассмеялся.

— Ему ты не нравишься.

— Спасибо.

Он хмыкнул.

— А ты попробуй представить себя на его месте. Большая часть проблем из-за иных. Гильдия за эти дела братья не желает и сваливает все на полицию. Но стоит только нам подцепить большую рыбу, как они начинают давить авторитетом и забирают лакомый кусочек себе. Так что, да, ты прав, симпатий к иным отец не питает.

Я сел поудобнее.

— Этот парень, может быть, и входит в какую-нибудь банду ксено, но к убийствам не причастен. Один раз у человека еще могло получиться, но после второго и третьего все уже были настороже. Два свидетеля, Танси и бармен из «Флиттербага», упоминали, что у него очень сильная сущность. В отличие от того бедолаги, что раскачивался на стуле. Да и пострадавший меня смущает. Волосы слишком темные. Алкоголя я не почувствовал. И вообще, готов держать пари, что он до сегодняшнего вечера в Вейрде и не бывал ни разу.

— Почему ты так думаешь?

Я пожал плечами.

— Бывает, что проведешь в каком-то месте много времени и начинаешь ощущать сущность среды. В Вейрде столько иных, что определить, кто здесь живет или работает, не так уж трудно.

Мердок устало вздохнул.

— А с чего, по-твоему, Гильдия вдруг так зашевелилась?

Я покачал головой.

— За последнюю неделю мы с Кивой встречаемся уже во второй раз. Это не совпадение. Они что-то скрывают.

— Думаешь, у какого-то агента Гильдии снесло крышу, и он ступил на тропу войны?

— Не исключено, хотя в таком случае какие-то слухи до меня бы определенно докатились. Кива и Макдуин очень заботятся о своей репутации. И пусть даже ненавидят друг друга, но потерпеть неудачу для них обоих равнозначно катастрофе.

Мердок подавил зевок.

— Ладно, на сегодня хватит. На завтра назначена пресс-конференция.

Я выбрался из машины и потянулся. Небо на востоке уже начало бледнеть. Мердоку давно положено лежать в постельке. Он повернул ключ, но прежде чем отъехать, многозначительно посмотрел на меня.

— Во всем этом, Коннор, есть только одна проблема. У нас вторник, а трупа нет. Так где же наш парень?

— Может, мы вынудили его уйти поглубже. Или, может, просто не нашли пока тело.

Сил тащиться по лестнице не было, так что я поднялся на лифте, а закрыв за собой дверь, разделся и упал на кровать.

Я знал, что упустил что-то. И пусть Кива читала полицейские отчеты, но я ведь держал улики в руках, чуть ли не спал с ними. Как случилось, что она появилась в «Флиттербаге» едва ли не раньше нас? И что такое привело Макдуина в тот самый переулок? Не слишком ли много совпадений? Не исключено, что они с Кивой действуют вместе. Что касается так называемого убийцы, то парня очевидно подставили. Размышляя обо всем этом, я пришел к неутешительному выводу, что есть лишь один способ найти ответы, и, глядя в потолок, принялся обдумывать план проникновения в Гильдию.

Глава 8

Я проснулся на рассвете, разбуженный поднимавшимся из-за горизонта солнцем и с ощущением тяжести во всем теле. Вставать не хотелось, и я попытался проигнорировать зов долга, но потребность облегчиться решила исход внутренней борьбы. Мне даже удалось заставить себя встать перед окном, но ритуал не принес свежести. Я снова свалился в постель, закрыл глаза и отдался во власть сна.

Мне снилось, что я лежу, раскинув ноги и руки, на широкой водной глади, глядя в ночное небо, окруженный несущимися со всех сторон криками. Вода плескалась у самых ушей, угрожая покрыть лицо холодным, мокрым полотном. Потом взрыв расколол воздух, и звезды, красные и оранжевые, посыпались с неба, обжигая меня, пронзая кожу, вспарывая плоть, обнажая живое, бьющееся сердце. Я проснулся, обливаясь потом.

Было уже за полдень, когда я вышел из-под душа и устроился за столом с чашкой кофе. Моя собственная суггестивность подтвердилась, когда монитор представил фото с места преступления — распростертый на земле обнаженный фейри с зияющей дырой в груди и вокруг картонные пакеты, свечные огарки и кучки гниющего мусора. Должно быть именно этот отпечатавшийся в памяти образ всплыл из подсознания, когда я уснул.

Заметив мигающий на углу стола автоответчик, я нажал кнопку воспроизведения, и комнату заполнил треск статических разрядов. Их сменил глухой удар. Кто-то выругался вполголоса. И лишь затем на меня обрушился гремящий голос Рори Дина.

— Черт возьми, Коннор! Я звоню тебе в самое непотребное время суток, а тебя нет на месте! Ладно, если уж так, изложу коротко и ясно. Я позвонил этой женщине, Этуорт, причем нашел ее довольно легко и уверил, что все в порядке, как оно, надеюсь, и есть на самом деле. Приятная, милая женщина, немного глуховата и весьма педантична. Сказала, что сын ее умер лет десять назад по причине какого-то осложнения после перенесенной болезни. Не знаю, плохо это для тебя или хорошо, но в любом случае можешь его вычеркнуть. Ты стал чертовски скрытен. Жду звонка с объяснением, как и кого ты теперь отправляешь в нокаут под стол.

Аппарат запищал и известил, что звонок поступил в половине четвертого утра. А я и не проверил. Впрочем, теперь уже не важно. Тем не менее я занес информацию в файл. В любом случае понадобится Мердоку для отчета. Он уже отыскал Тери Эспозито, но ее дочь умерла. Из Нью-Йорка пришла такая же информация. А вот из Германии новостей пока не поступало. Уилфри, дочь Бритт Эльфхайм, я не считал — убийца был мужчиной. Оставались двое — Гетин Эльфхайм, сын Герды Эльфхайм, и Коркан, сын Деалле Сидхе.

Вспомнив Мердока, я снял трубку и позвонил. Связаться удалось только с секретаршей, которая коротко сообщила, что детектива сейчас нет. Вытянуть из нее какие-либо подробности не удалось. Оставалось лишь мысленно посочувствовать бедняге — горы бумажной работы и бесконечные совещания каждый раз, когда случается что-то, привлекающее внимание средств массовой информации.

Включив телевизор в ожидании новостей с пресс-конференции, я снова принялся просматривать файлы. Встреча на высшем уровне все еще продолжалась — фейри и эльфы никак не могли договориться и выработать приемлемые для обеих сторон правила поведения. Посланные освещать саммит репортеры стояли за окружающей Тару стеной из тумана — Мэб не любила фотографироваться, — служившей своего рода

сюрреалистическим фоном при отсутствии какого-либо переднего плана. Перспектива соглашения между эльфами и фейри радовала далеко не всех. В Лондоне и Берлине прошли бурные демонстрации протеста.

Обещанная пресс-конференция началась далеко за полдень и транслировалась в прямом эфире, став главной темой дня. Комиссар Мердок вышел к подиуму спокойный и уверенный в себе, словно вел это дело с самого начала. Детектив Мердок занял место за спиной отца, внимательно наблюдая за залом, словно высматривая притаившегося в толпе преступника. Чуть в стороне от представителей полиции стоял Лоркан Макдуин. Неподвижный и молчаливый. О его участии в задержании подозреваемого не было сказано ни слова. Вкус организаторов проявился и в том, что они провели через сцену все еще растерянного и, похоже, не понимающего, что к чему, арестованного, которого тут же препроводили в полицейский фургон и отправили в городскую тюрьму. Миру и демократии ничто не угрожало, и я мог бы поверить в это, если бы был понаивнее. Я выключил телевизор. Что ж, по крайней мере Мердока искать не надо.

Натянув бейсболку, я вышел на улицу. День выдался не под стать настроению. Над головой, от горизонта до горизонта, раскинулось ясное лазурное небо. Вода в бухте едва колыхалась, и, глядя на нее, можно было легко убедить себя, что она и на самом деле — а не потому что отражает небо — такая чистая и голубая.

Поездка на такси до районного управления полиции занимает несколько минут. Вдоль тротуара в нарушении правил парковки вытянулись машины прессы и телевидения. Пока репортеры сворачивались, я постоял в сторонке, раздумывая, стоит ли разыскивать Мердока. Сомнения разрешились сами собой, когда он, выйдя из здания и протиснувшись мимо все еще толпящихся газетчиков, заметил меня и кивнул в сторону своей машины. Прежде чем сесть, Мердок смахнул засунутый под дворники листок.

— Как все прошло? — спросил я, занимая привычное место.

— Нормально. — Он коротко взглянул на листок, бросил его на пол и, выехав со стоянки, повернул в сторону Вейрда.

— Какие новости?

— Похоже, мы его потеряем. — Мердок раздраженно покачал головой. — Отец собирается отдать парня Гильдии.

— Почему?

— Ты и сам знаешь ответ. — Он взглянул на меня из-под нахмуренных бровей.

Я промолчал. Все ясно — полиции он не нужен. Точнее, не нужен окружному прокурору. Большинство людей опасаются иных, чувствуя за ними силу и власть. Расследование и суд за счет налогоплательщиков плюс профессия жертв симпатий не добавят. Передача дела Гильдии — беспроигрышный вариант: государство снимает себя ответственность за обвинение человека в преступлениях против представителей ненавистного меньшинства, а Гильдия предстает в глазах всех организацией, подбирающей дерьмо за своими.

Мы остановились перед домом Шая и Робина.

— Кстати, ты уволен.

Я рассмеялся.

— Так и думал, что к этому идет.

Мердок вышел из машины.

— Не успел утром забрать оборудование. Ты со мной?

— Я сейчас не в том настроении, чтобы веселиться.

Он пожал плечами и исчез за дверью.

Я подобрал листок. Посредине страницы красовался огамический знак, внизу — ряд цифр. Огамическое письмо представляет собой длинную вертикальную линию с разнообразными точками и штрихами для обозначения звуков. Значки на данной линии примерно соответствовали буквам А, Q, G, F. Старогэльский довольно труден как для языка, так и для уха, но эти буквы не соответствовали ни одному из знакомых мне слов.

Цифры внизу составляли число 12432. Что-то знакомое. Что-то похожее я видел недавно. Может быть, на какой-то афише. Я положил листок на место.

Ждать долго не пришлось.

— Их нет, — хмуро сообщил Мердок.

— Ты же сказал, что зайдешь утром.

Он поморщился.

— Не успел. Был занят. Где тебя посадить?

Я взглянул на часы.

— Отвези домой. Самое время предаться депрессии.

Ехали молча, скользя глазами по тротуарам. Иногда ночь можно почувствовать, наблюдая за теми, кто в нее выходит. Слишком много сомнительных типов — жди неприятностей. Обычная мешанина из завсегдатаев и плохих ребят — все пройдет нормально, ограничившись парой потасовок. Никого вокруг — верный признак, что где-то вот-вот разверзнется ад. Сегодняшний вечер, если судить по публике, не сулил ничего экстраординарного. Мы остановились у моего дома.

— Послушай, Коннор, не считай, что это выпад против тебя лично. Хочешь быть в игре, играй по правилам. Мы неплохо поработали. Просто эта игра — не наша.

— Не морочь мне голову.

Он криво усмехнулся.

— Это тоже часть игры. Мы все еще на поле. Только правила изменились. Надо выяснить почему.

Я вылез из машины.

— Пойду дуться.

Он покачал укоризненно головой.

— А я — спать.

Машина скрылась за углом. Мердоку меня не одурачить. Его тоже задело, хотя виду старался и не подавать. Все признаки налицо: показное безразличие — мол, забрали дело и ладно, — рассуждения на тему «кто-то теряет, кто-то находит». Не позавидуешь тому, кто попадет сейчас под его горячую руку. Рано или поздно сдерживаемое разочарование прорвется, и тогда... В такой момент лучше оказаться подальше. Что его спасает, так это полицейский жетон — иначе бы давно впаяли статью за оскорбление действием.

Я вставил ключ и уже начал его поворачивать, как вдруг заметил кое-что и замер. Знаки на листке в машине Мердока показались знакомыми не потому, что я видел их на афише. Сейчас, как и пару дней назад, они смотрели на меня с входной двери, процарапанные чем-то, может быть, ключом, возле замочной скважины. Я приложил руку, надеясь уловить хотя бы эхо сущности, но различил лишь следы соседей и ничего такого, что было связано с надписью. Слишком много времени прошло.

Я быстро взбежал по лестнице, включил компьютер и открыл словарь. Ничего. Поиск в онлайн-ресурсах принес тот же результат. Я знал, что это не слово, но хотел убедиться окончательно. Надо бы показать Мердоку. Что-то же это означало. И, конечно, интересно было бы узнать автора.

Из гостиной донесся громкий стук. Кто-то барабанил в дверь. Верный привычкам старого параноика, я посмотрел в «глазок». Никого. И снова стук. Я отпрянул от двери. Постоял. Поразмыслил. Звук шел откуда-то снизу, почти от пола. Я распахнул дверь. В холле, самодовольно ухмыляясь, стоял Стинкворт.

— Дверь разворишь! — проворчал я.

— Тебе не угодить! — вздохнул он и, подлетев к кухонной стойке, открыл шкафчик, пошуршал чем-то и вытащил коробку с изюмом.

Я опустился в кресло.

— Пришел подбодрить?

Устроившись поудобнее на стойке, гость принялся поедать изюмину, размером чуть ли не в половину его головы.

— А тебе это надо?
— Ты что же, ничего не слышал? Взяли подозреваемого.
Стинкворт на мгновение остановился с набитым ртом.
— Что-то не пойму. Разве это плохо?
— Плохо, потому что взяли не того.
Он принялся за вторую изюмину.
— Уверен?
— Конечно. Во-первых, это человек...
От удивления Стинкворт даже выронил изюмину.
— Что? И кому же пришло в голову, что человек способен справиться с тремя Дананнами?
— Лоркану Макдуину.
Он рассмеялся.
— Перестань, Коннор. Не выдумывай.
Я покачал головой.
— Макдуин сам взял парня. Якобы на месте преступления.
Стинкворт пожал плечами.
— Ну и пусть себе. Ты же постоянно твердишь, что они ничего не делают.
— Я и сейчас готов это сказать. У тебя есть там контакты?
Он рассмеялся и перелетел в гостиную.
— Никаких. Флиты своих берегут. Давай напьемся. Я уже и забыл, когда мы в последний раз гуляли вместе.
Он подлетел к окну, а я, наблюдая за ним, подумал, что не самое это хорошее дело, делить с другом плохое настроение. В том, что Джо пребывает в прекрасном расположении духа, сомнений уже не оставалось. Он даже напевал себе под нос!
— Эй, да ты с кем-то переспал!
Он снова рассмеялся и сделал кувырок в воздухе.
— Как и обещал.
— Танси?
Он со смехом спикировал под диван и вынырнул оттуда с дурацкой, до ушей, ухмылкой.
— Удивительно, какое впечатление на этих сельских простушек можно произвести, если всего лишь показать им свой меч.
— Я твой меч видел. Ничего особенного.
Он приставил палец к подбородку.
— Хмм, посмотрим... Скажи-ка мне, а когда в последний раз кто-то пожелал посмотреть на твой?
— Ладно, ладно, если я пойду с тобой выпить, то давай обойдемся без двусмысленностей.
— То есть мне придется рассказывать все как было? Со всеми непристойными деталями?
— Только после того, как напьемся. — Я и сам не заметил, как согласился. Стинкворта, когда он разоидется, не остановишь. Сказать по правде, рассказать ему есть о чем. В отличие от меня. Даже с учетом моей бурной юности. Секс для флитов отнюдь не закрытая тема, занимаются они им легко и беззаботно и так же легко и беззаботно делятся впечатлениями. Я бы не удивился, узнав, что и Танси уже обсуждает достоинства и недостатки своего партнера в кругу подружек со всеми положенными ахами и охами.
Мы отправились по барам. Публики хватало. Новость о задержании уже распространилась по всему району, и фейри, многие из которых в последние недели старались не высовываться из дому, шумно отмечали возвращение к привычной ночной жизни. Неофициальное празднование Иванова дня началось еще накануне. Стинкворт пребывал в прекрасном расположении духа, и его настроение постепенно передавалось и

мне.

Слегка пошатываясь, мы выбрались из очередного безымянного заведения на Стиллингс-стрит. Стинкворт летел впереди по не вполне прямой траектории.

— Минутку, Джо! — воскликнул я в момент алкогольного озарения. — А что, если Лоркан сам замешан в этом деле?

— Да ты уже набрался. Лоркан слишком труслив, чтобы пойти на такое. — Отклонившись от курса, Стинкворт врезался в дорожный знак и, потеряв равновесие, едва не свалился на тротуар.

— Ну, не знаю... До меня доходили кое-какие слухи о его поведении во время войны. Говорят, он был на стороне эльфов. Нынешние переговоры в Таре ему вряд ли по душе.

— Разговоры разговорами, но крови под ногтями у него нет.

— Верно, но вот что любопытно. Поначалу это дело его как будто и вовсе не интересовало. Теперь же он явно хочет обрубить все концы. В Гильдии Лоркан не так уж давно, всего последних лет двадцать. Кто знает, может, он до сих пор на стороне плохих парней.

— А может, твой Лоркан просто псих. Ты же сам говорил, что он и раньше под тебя копал.

— Секундочку. — Я отошел к стене какого-то склада и с облегчением пустил струю, поправ как распоряжение городских властей, так и собственную стыдливость.

Стинкворт завис чуть в стороне, терпеливо ожидая, пока я закончу с делами. Подойдя ближе, я заметил, что края его крылышек непривычно сильно вибрируют, производя едва слышное жужжание, голова склонена чуть-чуть вбок, а на лице застыло напряженное выражение, как будто он пытается что-то услышать.

— Джо?

Он медленно повернулся, словно сканируя улицу, и вдруг побледнел. Глаза его округлились и полезли на лоб.

Таким Стинкворта я еще не видел.

— Эй, не молчи!

Он бросил на меня испуганно-растерянный взгляд, и в следующую секунду крохотную фигурку окружил нимб призрачного белесого света. Волосы встали венчиком. Рот распахнулся во всю ширину, а из горла вырвался жуткий, оглушающий, душераздирающий вой. Я закрыл уши руками, чувствуя, как меня накрывает волна горя и отчаяния. Звук поднимался все выше, нарастал и доносился уже со всех сторон — к Стинкворту присоединились и другие оказавшиеся поблизости флиты.

Эхо крика еще отзывалось в переулках, когда в руке моего друга материализовался меч, сверкающий, словно выкованный из белого пламени клинок, окруженным холодным голубым сиянием. Джо вытянул руку, указывая в конец улицы, пролетел несколько футов и пропал. Из заведений уже высыпали растерянные посетители.

Я сделал глубокий вдох, приводя себя в чувство, и побежал в направлении, указанном Джо. Поступивший в кровь адреналин уже пожирал скопившийся в ней алкоголь. Я бежал, не зная куда и зачем, но повинаясь желанию двигаться. Мимо, распугивая публику гудками, проносились машины. Разбегаясь во все стороны, люди запрудили авеню, где образовалась огромная пробка.

Прямо передо мной возник вдруг Стинкворт, и я заметил на его мече темные пятна.

— В переулок! — крикнул он и снова исчез.

Я свернул влево и влетел в узкий проход между двумя зданиями. Кто-то промчался мимо, ударив меня в плечо, и я испытал странное ощущение, что-то вроде разряда негативной энергии. И еще я почувствовал кровь. Ближе к концу прохода запах крови стал сильнее, перекрывая все прочие ощущения. Я повернул за угол и остановился.

Передо мной лежал на спине человек с подвернутыми неестественно ногами и свалившейся вбок головой. Рядом с ним, держа что-то на руках и тихонько постанывая, сидел на земле Стинкворт. Я посмотрел на человека. В том, что он мертв, сомнений быть не

могло. Зеленая туника разорвана, грудь залита кровью. Судя по количеству ран, колотых и резаных, убийца наносил удары в состоянии маниакальной горячки. Брызги крови разлетелись на несколько ярдов в нескольких направлениях. Ни о каком методичном вскрытии не было и речи. В волосах жертвы запуталось небольшое ожерелье, и я, узнав его, с трудом подавил рвотный позыв. Я убрал упавшие на лицо волосы и стиснул зубы.

— Черт. — Передо мной был Робин.

Обойдя его, я подошел к Стинкворту и лишь тогда понял, что мой друг держит в объятиях маленького флита с желтовато-белыми крылышками. По спине пробежал холодок. Танси. Свет ее сущности мигнул и погас. Секунду-другую он еще держал ее на руках, поглаживая бледно-пепельные волосы, потом бережно опустил на землю и поднял меч. Глаза его полыхнули красным светом.

— Взял след, — сказал он и пропал.

Я обернулся и посмотрел в переулок. Я тоже взял след. Возбуждение обострило остроту восприятия, и ускользнувшая с места преступления сущность предстала передо мной почти реальным впечатком. Такой же отпечаток остался и на моем плече. Стинкворт на мгновение появился в поле зрения и растворился в темноте улицы. Я побежал за ним.

След вел в направлении авеню. Понятно. Все больше и больше людей, справившись со страхом после крика флита, выходили из баров и ресторанов, и сущность убийцы смешивалась с другими. Я протолкался через небольшую толпу зевак, высказывавших свои предположения о случившемся. На другой стороне авеню след проступил явственнее. Я нырнул в какой-то переулок и остановился в нерешительности. След пропал.

Успокоиться и сосредоточиться. Я сделал глубокий вдох, собирая сущность в голове, там, где еще оставались кое-какие способности. Во лбу мгновенно запульсировала боль, и дыхание сущности убийцы коснулось лица. След никуда не исчез. Просто убийца передвигался очень быстро, так быстро, как умеют только иные. Я отпустил сущность, позволив ей расплыться по телу, и снова побежал. Запах проступил отчетливее у полуразвалившегося склада. Здесь он притормозил. Чтобы быстро перемещаться, требуется много энергии, а преступник и без того потратил ее немало, когда убивал Танси. Справиться с Робинсом было легче, но какие-то силы тоже ушли. Сейчас он старался беречь то, что осталось. Я последовал за ним. Боль в голове ненадолго поутихла, но теперь снова напоминала о себе.

Я протискивался между огромными транспортными контейнерами, обходил погрузочное оборудование. След то ощущался сильнее, когда убийца останавливался в скрытых местах, то ослабевал на открытых пространствах. Он не прятался от меня и похоже даже не догадывался, что его преследуют. Он как будто охотился. Дважды я наткнулся на след Стинкворта, но флит все еще опережал меня на несколько десятков ярдов. Хорошо, когда у тебя есть крылья и способность телепортироваться.

Поднявшийся над бухтой ветер всколыхнул сонные воды, погнав к берегу ленивые волны. След слабел, и я прибавил ходу. Он ушел еще в один переулок и привел к закрытой двери старого склада. Я протянул руку, чтобы открыть ее, и в этот момент ощутил нечто странное, как будто на лицо опустилась мягкая сухая паутина. Защитное поле активировалось само, о чем напомнило легкое покалывание. Неприятное ощущение ослабло, но не пропало полностью. Я толкнул дверь и переступил порог.

И тут же почувствовал сильнейшее желание лечь. Оберегающее заклинание пульсировало, и я не мог противостоять ему. На укрепление защиты пришлось направить часть сущности. Остановить заклинание не удалось, но желание покориться сну ослабло. Зато боль в голове сделалась почти невыносимой.

Я стоял в просторном, напоминающем офис помещении. Просачивающийся сквозь замызганные окна жидкий лунный свет позволял рассмотреть ряды письменных столов. Каждый шаг давался с трудом — пульсация заклинания ощущалась все сильнее. Обойдя первый стол, я обнаружил скрючившегося на полу темноволосого фейри с тускло мерцающими крыльями. Я наклонился и тронул его за плечо. Фейри тяжело перевернулся на

спину. Он был еще жив.

Я осторожно двинулся дальше. Сущность убийцы окружала меня со всех сторон. У третьего стола проступил след Стинкворта. Две сущности соединились на середине комнаты. Несколько столов было сдвинуто, на полу валялись бумаги, карандаши и что-то еще. Стинкворт схватился с убийцей.

Я ощутил присутствие третьей сущности, еще одного фейри. След Стинкворта потерялся, остались только двое: убийца и новый фейри. Но даже запах крови не помогал стряхнуть вызванную заклинанием сонливость. Едва переставляя ноги, я перешел в следующую комнату, в конце которой на полу за копировальным аппаратом и нашел жертву.

Молодой, светловолосый, хорошо одетый — если не считать разрезанной спереди рубашки, под которой зияла глубокая рана, — он как и остальные лежал на спине. Раскинутые крылья удерживали два дешевых варда, один из которых уже почти разрядился. Я опустился на пол рядом с телом, тупо глядя на черную дыру в груди парня и отчаянно стараясь не уснуть.

Два варда работали вместе. Чем больше камней, тем сильнее их эффект, но, с другой стороны тем легче разорвать узы заклятия. Непосредственный контакт с камнями грозил, однако, таким энергетическим ударом, который мог не только отправить меня в нокаут, но и причинить серьезный физический вред.

Я огляделся. Поднял с пола бумагосшиватель. Подумал. Отложил. Его металлическое основание вполне могло послужить проводником. После недолгих поисков на глаза попала деревянная линейка. Поблагодарив откликнувшихся на призыв богов, я подполз поближе к телу, выплеснул в линейку часть сущности и ткнул ею в камень. В следующий момент в голове у меня что-то лопнуло, и я вскрикнул от боли и зажмурился.

Чары разрушились. Спать больше не хотелось, но боль в голове отнюдь не уменьшилась. К тому же часть энергии успела просочиться через линейку, так что рука немного онемела, но я мог шевелить пальцами.

Я открыл глаза и посмотрел на тело. Возбужденные нервы ощущали слабое, как легкое прикосновение, присутствие старых сущностей. Что удивляло, так это пульсация эльфийской сущности. Рассмотреть как следует рану не получалось из-за темноты. Сдерживая позыв к рвоте, я наклонился и просунул руку во влажное, скользкое углубление в груди. Пальцы наткнулись на что-то твердое. Меня накрыла сильнейшая волна зла. Я отдернул руку. То, что находилось там, обладало мощным зарядом, но теперь он уже ослабел. Не ощутив иного эффекта, я повторил попытку. Сначала пальцы нащупали нечто шершавое, потом коснулись камня, уже ставшего визитной карточкой убийцы. Только на этот раз в нем остался заряд. В ране хлопнуло. Я поморщился и поднял руку.

В лунном свете камень выглядел серым и ничем не отличался от других. Что смущало, так это исходящая от него сущность. Она как будто менялась. Я ощутил эльфа, потом фейри, потом снова эльфа. Примерно то же самое я чувствовал, когда смотрел на красавчика Шая, решая, мужчина он или женщина.

Раненый фейри застонал, и я вернулся к нему. Увидев незнакомца, он сжался от страха и попытался отползти.

— Не бойся, все в порядке. — Получилось не очень убедительно. Я достал сотовый и набрал 911. Оператор записал адрес и попросил не отключаться. Камень слабо замерцал, теряя остатки энергии. Я посмотрел на затаившегося под столом раненого — выглядел он неважно. Парень еще не понимал, что от смерти его спасли сегодня только темные волосы.

Поразмыслив, я принял решение и выключил телефон. Хуже уже не будет, а след вот-вот исчезнет. Оставалось только надеяться, что Мердок не станет срывать на мне злость, когда узнает, кто похозяничал на месте преступления и забрал камень.

— «Скорая» уже в пути, — сказал я дрожащему от страха бедолаге. — Оставайся здесь. И ничего не трогай.

Выйдя в переулок, я пробежал пару кварталов до авеню и в конце концов оказался на самой окраине Вейрда. Справа на меня надвигался, гудя и ослепляя фарами, поток машин;

автомобили слева во избежание затора сворачивали на Истерн-сервис-роуд.

Из-за угла медленно выползло такси. Пока водитель разбирался в ситуации, решая, что делать, я распахнул дверцу и вскочил на заднее сидение. Пожалуй, только в Вейрде таксист примет пассажира с кровью на руках. Услышав адрес, он мгновенно развернулся через сплошную полосу и дал газу. Камень, которым я держал двумя пальцами, большим и средним, быстро терял силу. Через десять минут мы выскочили на Луисберг-сквер, и я с удивлением обнаружил, что в окнах горит свет, передняя дверь открыта настежь, а сама Бриаллен стоит на крыльце. Торопливо расплатившись с таксистом, я побежал к дому.

— Как ты узнала?

— Вообще-то я ничего не узнала, — ответила она, закрывая за мной дверь. — Все произошло как-то странно: я вдруг почувствовала, что нужна тебе. В чем дело? И что это? — Бриаллен указала на камень.

— Пройдем в кабинет. — Не дожидаясь ответа, я взбежал по ступенькам. Она последовала за мной с удивительной для ее возраста быстротой и грацией. Войдя в комнату, я положил камень на середину стола. — Скорее! Что здесь за сущность?

Внимательно рассмотрев камень, Бриаллен взяла его и тут же выронила.

— На нем кровь фейри!

— Извини, забыл предупредить.

— Кровь убийства, — пробормотала она, поднимая камень и медленно перекатывая его на ладони. — Я ощущаю сущность эльфа, но с ней что-то не так, как будто... хмм... теперь пахнуло фейри, но только чуть-чуть.

— Мне тоже так показалось. Но что это значит?

Бриаллен с видимым облегчением положила камень на стол.

— Не знаю, но что-то не так. Сущность как будто испорчена. Но еще более странно, что камень словно умышленно заряжен ею. Кто-то воспользовался сущностью как заклятием. Сейчас чары уже почти исчезли.

— Думаю, с другими камнями было то же самое, но они попадали ко мне слишком поздно.

— Тип камня тот же?

Я кивнул.

— Один белый, один черный и один серый, как этот. Все — селенит, но тестирование провести не успели — камни пропали.

Бриаллен улыбнулась и кивнула.

— Насчет селенита ты прав. А еще он очень древний, доконвергентный.

Вот оно что. Я посмотрел на кристалл уже другими глазами. Когда после Смещения иные оказались в этом мире, вместе с ними перенеслись немногочисленные физические фрагменты Фейри, в некоторых случаях дома, но чаще что-то поменьше. Мест этих немного, и все они тщательно охраняются. За органическими и неорганическими материалами из них ведется настоящая охота, поскольку считается, что они многократно усиливают магические способности иных. Настоящие, доконвергентные вещи из Фейри встречаются крайне редко.

— Он должно быть стоит целое состояние.

Бриаллен повернулась, но вместо ответа охнула.

— Коннор, ты же истекаешь кровью!

Я уже и сам почувствовал — из носа стекала струйка крови. Она подала салфетки и приложила ладонь ко лбу.

— Так что все-таки случилось?

— Наверно я немного переусердствовал.

— Садись. Быстро!

Я не протестовал. Адреналиновая горячка миновала, и на меня свалилась жуткая усталость. Да еще и голова раскалывалась от боли. Несмотря на летний зной, в камине уютно потрескивал огонь. Обессиленный, я рухнул в кресло.

Бриаллен принесла из кухни чашку и молча вручила мне. Я без вопросов выпил

землистый, густой как мед настой, и в груди раскатилось приятное тепло. Бриаллен, закрыв глаза, положила руки мне на лицо, и я ощутил исходящую из них нежную силу ее сущности. Веки мои опустились. Приятная, хотя и слегка болезненная вибрация пронизала от головы до паха. Через несколько мгновений ощущение прошло, как будто с лица сняли теплый компресс.

Я открыл глаза. Бриаллен стояла надо мной, скрестив руки, бледная, с угасающими глазами.

— Ты едва не погубил себя.

— Я лишь пытался предотвратить убийство.

— Ценой собственной жизни? У тебя ведь, наверно, и оружия с собой не было?

— У меня есть нож, — чуть слышно пробормотал я. Боль в голове почти прошла, отступив к основанию черепа, где напоминала о себе глухой пульсацией.

Она фыркнула и опустилась в кресло.

— Очень бы он тебе помог. Так что именно случилось?

Я рассказал о событиях вечера, начиная с появления Кивы в баре «Флиттербаг», так что Бриаллен получила полное представление о катастрофе.

— Не понимаю только, что именно я упустил. Убийца действует по семидневному циклу, здесь мы ошибиться не могли. Но тогда почему он убил сегодня, а не вчера?

Бриаллен откинулась на спинку кресла и посмотрела задумчиво в потолок.

— Я проштудировала десятки книг. И вот... — Она умолкла на полуслове и вдруг вскочила. — Ну конечно! Какая же я дура! Это же лунный цикл, Коннор!

— Уверена?

— Абсолютно. Наш календарь сориентирован на луну, а не наоборот. Первое убийство произошло в новолуние, три недели назад от вчерашнего дня, второе — неделю спустя, в первую четверть, третье — в полнолуние, еще через неделю, и вот сегодня, через восемь дней, в последней четверти — четвертое.

Я попытался мысленно сопоставить даты.

— Ты уверена?

— Что ты спрашиваешь одно и то же? — раздраженно бросила она. — Поверь, малыш, я не ошибаюсь. Не забывай, что я не только друидесса, но и женщина и уж лунные циклы знаю. Но мне только сейчас пришло в голову, что убийства происходят именно в тот вечер, когда я провожу в саду обряд лунного заклинания. А ведь проследить взаимосвязь было так легко.

Мы оба вздрогнули — в холле как будто что-то упало. Тишину нарушил громкий, протяжный стон. К тому времени, как я добрался до лестничной площадки, Бриаллен была уже на середине лестницы. На полу в холле лежал, постанывая, флит. Я сразу узнал розоватые крылышки.

— Стинкворт!

Бриаллен склонилась над ним. Стинкворт кое-как сел, опираясь на одну руку и прижимая вторую к животу.

— Сколько тебе говорить, черт возьми, зови меня Джо! — пробормотал он и, стрельнув глазами в Бриаллен, добавил: — Извините, миледи.

— Ничего, Джо, — мягко сказала она и протянула руку. Удивительно, но Стинкворт сел ей на ладонь, чего обычно не делает, заявляя, что сидеть у кого-то на ладони ниже его достоинства. Мало того, он даже повернул руку, показав глубокую рану, протянувшуюся от предплечья до кисти.

— Проклятая ночь, — пробормотала Бриаллен и, бережно держа флита на ладонях, направилась к лестнице. Я последовал за ней. В кабинете она осторожно положила раненого на стол и стала рыться в ящиках.

— Он убил еще одного, — прохрипел сквозь стиснутые зубы Стинкворт. — Я настиг его в районе складов, но было уже поздно. Потом гнался за ублюдком до самого Чарльзтауна. И там мы схватились. Я почти одолел его, но чертов урод воспользовался

каким-то редким заклинанием и достал меня ножом.

Бриаллен полила тряпицу какой-то отвратительно пахнущей жидкостью и поднесла к ране.

— Будет щипать, — предупредила она.

По-другому и не бывает, подумал я. Она вытерла кровь и быстро наложила повязку. Стинкворт вскрикнул, но Бриаллен удержала его. Руки ее сделались бледными и наполнились мерцающим, как свеча в тумане, белесым светом. Розовая аура окружила Стинкворта. Свет становился все сильнее и сильнее, а потом закружился над рукой, втягиваясь в рану. Флит зарычал от боли.

Бриаллен наклонилась и свободной рукой сжала мое запястье.

— Извини, Коннор, но мне понадобится твоя помощь.

Грудь сдавило, словно из нее вытягивали что-то. Голова закружилась. Через какое-то время она разжала пальцы, и я, пошатываясь, поднялся. Стинкворт все еще лежал на столе, стиснув зубы и зажмурившись. Руку его окружало яркое белое сияние. Потом свет вдруг погас, как будто его выключили. Стинкворт тяжело вздохнул и сел, опустив руку на колени. Рана затянулась, и на ее месте образовался безобразный свежий рубец.

Чувствуя себя так, словно несколько часов пролежал связанным, я на деревянных ногах вышел из кабинета в гостиную и свалился в кресло. Немного погодя ко мне присоединилась Бриаллен. Бледная и молчаливая, она села перед камином и уставилась на догорающее пламя.

— Как он? — спросил я.

Бриаллен качнула головой.

— Жить будет. Он едва не умер. Его сущность уже не могла компенсировать потерю крови, поэтому мне и пришлось подключиться к тебе.

— Что ж, по крайней мере на моей совести одной смертью меньше.

— Не говори так, Коннор. Ты никого не убивал.

— Не убивал? Из-за меня погибли Робин и Танси. Я использовал их в качестве наживки. Самоуверенного мальчишку и деревенскую простушку.

— Перестань думать только о себе. Хватит. Проблема в другом.

— Как ты можешь быть такой равнодушной, — пробормотал я, пытаюсь потушить вспыхнувшую злость.

— Дело не в равнодушии. Просто я не воспринимаю все происходящее как нечто личное. Думать нужно не о том, что под сомнением твои способности и возможности, а о том, что существует реальная угроза твоему сердцу. Ты не должен упускать из виду перспективу.

Я развел беспомощно руками.

— Каждый раз, когда ты меня бесишь, у меня почему-то возникает желание попросить прощения. Как тебе это удастся?

Она улыбнулась.

— Просто я всегда права. Как ты себя чувствуешь? Не против немного прогуляться?

— Слабость есть, но если приглашаешь...

— Приглашение — это наполовину честь и наполовину обязанность. — Она поднялась и взяла меня за руку. Я заставил себя встать, испытал легкое головокружение, которое тут же прошло. Мы вышли на улицу.

— Куда пойдем?

— Отдать долг.

Предрассветный воздух был прохладен. В такое время тишину этой части города почти ничто не нарушает. Небо на востоке уже светлело, когда мы достигли Бикон-стрит и, пройдя через старые железные ворота, зашагали по мостовой. Пустой бетонный водоем в конце аллеи казался кремово-серым под тусклыми уличными фонарями. Под ногами похрустывали камешки и битое стекло. Мы перешли на другую сторону, к холму. Бриаллен взяла меня за руку и повела вверх по склону. Небольшую полянку на вершине окружали редкие деревья.

Мы остановились на краю ее.

Утреннее затишье нарушало негромкое пение. Печальная мелодия то нарастала, возносясь ввысь, то стихала, опускаясь к земле. Из невысокого кустарника на другой стороне поляны вышли шесть или семь флитов. Крылья их зыбко мерцали в серых сумерках. В одном из них я узнал Стинкворта. На головах у них были красные шапочки, в руке каждый держал букетик зеленых листьев мирта. Они несли сплетенные из травы и зеленых побегов похоронные носилки, на которых лежала Танси. На обращенном к небу лице застыло выражение покоя, хрупкие серые крылышки обвивали тело подобно савану.

Поднявшись на самую вершину, процессия остановилась. Носилки опустили на землю, и флиты двинулись вокруг них медленным хороводом, обкладывая тело букетами листьев. Завершив церемонию, они исчезли, словно растворились в воздухе, и на вершине остался один Стинкворт. Из рукава туники он достал маленькую чайную розу, положил цветок на грудь Танси и тоже исчез.

Не говоря ни слова, Бриаллен тронула меня за руку, и мы спустились с холма. Возвращались молча. Что бы ни говорила Бриаллен, я не мог не чувствовать себя виновником только что завершившейся церемонии. Мы уже подошли к дому, когда перед нами появился Стинкворт.

— Спасибо, что почтили, — произнес он с легким поклоном.

Бриаллен поклонилась в ответ.

— Мне очень жаль, Джо, — сказал я. — Понимаю, как тебе нелегко.

Он вяло пожал плечами.

— Я сделал что положено, не больше. Такого не должно было случиться. Флиты умирают нечасто и определенно не в результате бессмысленного убийства. Тот, кто это сделал, преступил черту.

Никогда раньше я не видел Стинкворта серьезным и церемонным. Он совсем не походил на того капризного, чудаковатого шутника, каким я привык видеть его за долгие годы. Стало немного не по себе. Не зная, как вести себя с ним, я неловко переминался с ноги на ногу, пока не решился наконец задать главный вопрос.

— Ты хорошо его рассмотрел?

— Да, — бесстрастно ответил Стинкворт. — Подходит под то описание, что есть у тебя. И еще он очень силен.

— Идем с нами, Джо, — предложила Бриаллен. — Тебе нужно отдохнуть.

Глаза его вспыхнули вдруг белым светом, крылья забились, крохотное тельце задрожало, словно через него пропустили заряд энергии. Отлетев на пару футов, Стинкворт выхватил и вскинул меч. Лицо его застыло в гримасе решимости.

— Нет, госпожа. Отдыха не будет. Этот выродок — мой.

И он исчез.

Глава 9

Меня обожгло злостью.

— Верни его. Верни его сейчас же.

В какой-то момент, когда взгляд ее ушел в светлеющее небо, я решил, что она призывает Стинкворта, но потом Бриаллен взяла меня за руку и решительно втянула за собой в дом.

— Пусть летит. Нам всем необходимо успокоиться. Для одной ночи волнений вполне достаточно.

Я шагнул в сторону.

— Он обнажил меч на твоем пороге!

Она посмотрела мне в лицо. Тонкие морщинки у глаз стали заметнее, черты обострились сильнее обычного.

— Коннор, у меня нет ни малейшего желания спорить из-за каких-то древних правил.

Ему больно. Он злится. У него на глазах погибла соплеменница. Зачем ставить его в неудобное положение бессмысленными придирками?

— Придирками? Он нанес тебе оскорбление. Нарушил закон гостеприимства, вынул оружие в твоём доме!

Бриаллен покачала головой.

— Во-первых, он не переступил порог и, строго говоря, не был в доме. Во-вторых, он ещё раньше отклонил мое приглашение войти. И в-третьих, я тоже не находилась в доме, когда это случилось, так что с формальной точки зрения никакого нарушения закона гостеприимства не произошло. Оставь его в покое.

— Ты просто пытаешься его оправдать.

Она вздохнула и прошла мимо меня.

— Послушай, я не для того спасала Стинкворта и исцеляла тебя, чтобы ты теперь утомил меня до смерти. Думаю, тебе отдых нужен даже больше, чем ему. А у меня есть дела поважнее, чем беспокоиться по поводу нарушения этикета.

Я сложил руки на груди.

— Ха! Ты сама назвала это нарушением!

Реплика ещё не достигла её ушей, а я уже почувствовал себя полным идиотом. Бриаллен даже не сочла нужным ответить и лишь раздражённо фыркнула.

— Идем скорее, пока солнце не поднялось.

Смущенный и пристыженный, я покорно проследовал за ней через кухню в задний дворик. Даже в утренних сумерках место это не утратило своего очарования. Неподалеку от двери стоял неказистый кривой дуб, выросший в кирпичную стену, отделяющую сад Бриаллен от соседнего. Короткая, посыпанная мелкой галькой тропинка вилась между цветами и другими насаждениями, казавшимися в этот предрассветный час одинаково серыми. В дальней стороне сада крохотный полумесяц невысокой травы огибал мелкий пруд, служивший задней границей участка.

Встав по одну сторону от фонтана, Бриаллен жестом предложила мне расположиться напротив.

— Прямых солнечных лучей здесь по утрам не бывает, но для заклинания света все же вполне достаточно. — Она подняла руки, принимая исходное положение, и я сделал то же самое. Солнце уже вставало, и мы чувствовали его живительную энергию. — Не беспокойся, я не стану приносить тебя в жертву, — обронила Бриаллен прежде чем начать ритуал.

К тому времени, когда мы закончили, сад уже ожил и наполнился светом. Между листьями лаванды и вереска появились лиловые цветки наперстянки. Каменные бордюры клумб прятались под разросшимся клевером и примулой. Белая степная роза превратила северную стену в искусно расшитый занавес. Воздух наполнился экзотическими ароматами. Я чувствовал себя намного лучше — как физически, так и эмоционально. Тело ещё ныло, но пронзительный звонок в голове больше не звенел. От недавней злости не осталось и следа, хотя я и решил, что обязательно поговорю со Стинквортом при встрече, даже если Бриаллен этого и не хочет.

Вернувшись в кухню, Бриаллен наполнила и поставила на плиту чайник.

— Тебе нужно поспать. — Она и сама едва держалась на ногах.

— Знаю. Я совершенно вымотался.

Чайник сначала заворчал, потом загудел и наконец засвистел. Бриаллен разлила напиток по чашкам и подала одну мне. Я сделал осторожный глоток. Бриаллен всегда засыпала в заварочные пакетики смеси собственного приготовления. Та, что была в моей чашке, отдавала мятой, чем-то ещё и имела лишь слабый привкус чая. В первый момент я испытал внезапный прилив эйфории, но ему на смену тут же пришло приятное ощущение тепла. Интересно, что сказали бы по поводу этого напитка специалисты из УКПЛ.

— У тебя найдется пластиковый пакет? Вроде того, в который кладут сэндвичи.

— А такой тебя устроит? — Она открыла шкафчик и достала пластиковый мешочек. — Держи.

Я отставил чашку и вернулся в кабинет. Хотя камень уже разрядился, прикоснуться к нему голыми руками не хотелось. Натянув пакет наподобие перчатки, я осторожно взял трофей со стола. Странная сущность уже рассеялась, оставив лишь слабый, как затихающее эхо, след. На дне пакета остались какие-то крошки. Я вспомнил, как засунув руку в рану, ощутил нечто шероховатое. На свету крошки напоминали песчинки. На стенке грудной полости первой жертвы, если память мне изменяет, тоже обнаружили некие крошки. Я присмотрелся — что угодно, но только не песок.

— Если хочешь, ложись здесь, — предложила Бриаллен, когда я вернулся в кухню. Она уже успела залить чайник еще раз.

— Спасибо, но мне нужно домой.

Я потянулся за сотовым, и в этот момент он зазвонил. Звонить мне на рассвете мог разве что сумасшедший. Или Мердок.

— Где ты? — спросил он.

— У Бриаллен. Нужно поговорить.

— Да уж. Оставайся на месте.

Бриаллен сложила руки на груди и покачала головой.

— Тебе действительно необходимо отдохнуть.

— Обязательно, — сказал я, зная, что никто из нас в это уже не верит.

Звякнул звонок. Я проглотил остатки чая. Бриаллен проводила меня в холл и сама открыла дверь. Мердок стоял на пороге, свежий, бодрый, в отутюженной рубашке.

— Бодрое утро, мисс Гвилл, — поздоровался он.

— Доброе утро, Леонард. Как приятно, что сегодня вы воспользовались моим звонком. — Она улыбнулась. Я тоже усмехнулся. В прошлый раз, заехав за мной сюда, Мердок остался в машине и просто посигналил. На Луисберг-сквер такое не позволено, а уж у дома Бриаллен тем более. Гудок потом не умолкал целый час, хотя Мердок и оборвал все проводки.

— Извините, что так рано. — Он посмотрел на меня. — Не возражаете, если я заберу Коннора?

— Нисколько. У него, знаете ли, есть привычка злоупотреблять гостеприимством, а потом еще и просить мелочь на такси. — Она забрала мою чашку и подтолкнула меня к двери. Мердок вежливо усмехнулся и посторонился.

— Ну и ночка выдалась, — сказал я, когда мы направились к машине, которую детектив оставил у пожарного гидранта. — Ты не поверишь.

— День будет не лучше, — пообещал он.

Прежде чем сесть, я сбросил на пол несколько журналов.

— Что ты имеешь в виду?

Мердок дал задний ход, а потом повернул на Вернон-стрит.

— Прикинь сам — два трупа и один подозреваемый, описание которого у нас уже есть.

— Три трупа, — поправил я и рассказал о Танси.

— Черт. Два иных и один человек. Тебя ожидают большие неприятности.

— Меня?

— Да, тебя. А я, по-твоему, о ком говорю?

— О подозреваемом! Том, чей портрет есть у полиции. Парне с нехорошей сущностью.

— Да? А вот у меня описание немного другое, и составлено оно на основании показаний многочисленных свидетелей, в том числе таксиста, получившего деньги от пассажира с окровавленными руками. Понимаешь, о ком речь?

— Шутишь. — Мне стало не по себе.

— Нет, не шучу. — Мердок припарковал машину в переулке. — А теперь расскажи мне обо всем, что вчера случилось.

Пришлось рассказать. Узнав, что я вытащил камень из груди убитого фейри, Мердок застонал от отчаяния. Я протянул ему пакет. Он коротко посмотрел на камень и сунул пакет в карман. Потом откинулся на спинку, заложил руки за голову и молча уставился в потолок.

Выслушав меня, он вздохнул, повернул ключ зажигания и выехал из переулочка.

— Ладно, мне, возможно, удастся снять обвинение в сокрытии улики, но это будет не так-то легко. Самое главное — и самое трудное, — оставить тебя на свободе, потому что ты уже считаешься подозреваемым.

— Что за чушь! Я же работаю по этому делу.

— Не работаешь. Тебя, если помнишь, отстранили.

Мне ничего не оставалось, как развести руками. Мы пересекли Бродвей-бридж и оказались на территории южного Бостона. Мердок сбросил скорость. Машины у здания управления полиции парковались уже в два ряда. Среди них мелькали и фургончики телевизионщиков с задранными в небо огромными антеннами. Мы свернули в боковую улочку и заехали на небольшую стоянку, где арестованных сажают в автобусы для отправки в городскую тюрьму. Мердок даже отыскал место в уголке, где его машина никому бы не мешала. По-моему, единственные в городе места, где полицейские соблюдают правила движения, это стоянки возле управления. Вспомнить о параллельной парковке заставляет страх — а вдруг ты блокируешь выезд начальнику, от которого зависит дальнейшее продвижение по службе.

Выйдя из машины, я заметил черный седан комиссара Мердока. Ничего удивительного, учитывая ситуацию, но не в семь же часов утра!

Мердок провел меня через служебный вход и уже в коридоре бросил через плечо:

— Забыл сказать. Тот парень на складе, убитый... Оказывается, его отец большая шишка в Нью-Йорке.

— Почему бы просто не пустить пулю мне в голову?

Поднявшись по лестнице, мы оказались в той же комнате, где побывали накануне. Сейчас народу здесь было куда больше — помимо прочего, шла еще и пересменка. Мердок прошел к кабинету Руиса, постучал и, выждав немного, толкнул дверь, которая тут же и захлопнулась у меня перед носом. Я все же успел кое-что уловить, только вот лучше от этого не стало — Макдуин уже был там. Мердок не шутил, когда обещал тяжелый денек.

Придав лицу по возможности безмятежное выражение, я повернулся — большинство присутствующих тут же отвернулись, но не все, причем, некоторые даже не потрудились спрятать злорадные ухмылки. Несколько минут показались часами. Наконец из кабинета вышел Мердок.

— Изъясняйся попроще и постарайся никого не задевать, — предупредил он.

Я настолько устал, что уже не смог даже обидеться.

На этот раз меня встретили по-другому. Честно говоря, такого внимания лучше не привлекать. Комиссар сидел на том же стуле, Макдуин стоял слева, а бедняга Руис замер за столом в напряженной позе, будто готовый сорваться в любой момент с места. Мердок встал сбоку, рядом с Руисом, и мне ничего не оставалось, как расположиться между ним и его отцом. Должен признаться, стоять между двумя недовольными Мердоками не самое лучшее времяпрепровождение. Что касается Макдуина, он то и дело бросал свирепые взгляды и вообще изо всех сил старался придать себе грозный вид.

Комиссар долго буравил меня своими темными глазами, и я, поставив себя на место его сына, подумал, что не хотел бы отвечать перед таким отцом за разбитое окно.

— Детектив Мердок говорит, что у вас была довольно-таки бурная ночь, Коннор.

— Могу объяснить, сэр, — сдержанно ответил я.

Он молча кивнул, продолжая смотреть на меня в упор.

— Да уж, расскажите, как это вам удалось наткнуться на целых два убийства, — сказал Макдуин.

— Вообще-то, сэр, говорить следует о трех убийствах, — заговорил я, обращаясь к комиссару. — Со мной был друг, флит по имени Джо. Вы, возможно, еще не знаете, что прошлой ночью была убита его подруга. Ее имя Танси. Почувствовав, что она умирает, Джо и привел меня на место преступления.

— Что значит «почувствовав»? — спросил комиссар.

— Очевидно, у флитов есть такая способность. Ее смерть ощутили многие флиты, и все они закричали.

— Я слышал об этом, — подтвердил Руис, — только не думал, что есть какая-то связь.

— Самая непосредственная, капитан. Когда я приблизился к месту преступления, преступник пробежал мимо, оставив след своей сущности, благодаря чему мне и удалось найти вторую жертву. К сожалению, я опоздал.

— Понятно, — кивнул капитан. — Детектив Мердок рассказал мне об этой вашей способности.

— Вот уж не думал, что у вас еще есть какие-то способности, — заметил Макдуин.

Я ответил ему с холодной вежливостью.

— У меня их много, Лоркан.

— Странно, что никто вашего так называемого убийцу в глаза не видел. Все видели только вас.

— Убийца двигался очень быстро, и я в своем нынешнем состоянии угнаться за ним не мог.

— Вас ведь отстранили от расследования, не так ли? — осведомился комиссар.

— Да, сэр, но позвольте заметить, что я просто гулял и оказался вблизи места преступления совершенно случайно.

Макдуин с улыбкой покачал головой.

— Нисколько не сомневаюсь, что для вас это и был самый обычный вечер, мистер Грей. Комиссар, этот человек в период службы в Гильдии получил серьезное повреждение головного мозга, из-за которого и был отправлен в отставку. Лечение, насколько я понимаю, положительных результатов не дало, а последствия ранения уже сказываются на его умственных способностях и психическом состоянии.

— К чему вы клоните? — спросил я.

Он взглянул на меня с притворным сочувствием.

— Коннор, у нас есть подозреваемый. Знаю, мы не во всем согласны, но вы заходите слишком далеко.

Я подался вперед.

— Вы на что намекаете?

Макдуин пожал плечами.

— Я ни на что не намекаю. Я лишь хочу сказать, что вчера вы совершили три убийства с единственной целью не допустить закрытия дела и поддержать иллюзию того, что у вас еще сохранились какие-то способности.

Если я не прыгнул через стол и не схватил негодя за горло, то лишь потому, что Мердок успел положить руку мне на плечо.

— Я никого не убивал. — Внешнее спокойствие далось отнюдь не легко.

Макдуин повернулся к комиссару.

— Вы, сэр, наверняка уже обратили внимание на тот факт, что у нас нет ни одного свидетеля, который видел бы загадочного преступника, несомненно, придуманного Греем. Где этот флит, который якобы помогал ему? И где третье тело?

— Вы не хуже меня знаете, что флиты сами распоряжаются телами умерших соплеменников, — возразил я. Макдуин бесстрастно смотрел на меня, словно ожидая, когда я сам попаду в расставленную им ловушку. Нужно успокоиться. Голова работала не так хорошо, как хотелось бы, — сказывалась усталость.

Молчание нарушил комиссар.

— Почему вы сбежали с места преступления?

— Я не сбежал, а ушел, чтобы сохранить улику.

Мердок достал из кармана и положил на стол камень. Теперь я знал, что чувствовал Макдуин двумя днями раньше, когда проделал тот же самый трюк. Выражение его лица говорило само за себя. Он очевидно уже знал, что никакого камня на жертве не нашли, и собирался использовать этот факт против меня.

— Я обнаружил этот камень на убитом и забрал его с собой, чтобы успеть изучить оставшуюся на нем сущность, пока она не рассеялась.

Комиссар наклонился вперед, взял пакет и поднял к свету, чтобы рассмотреть получше.

— Не многовато ли камней попадает на ваш стол, а, капитан?

— Э... мм... да, сэр, — пробормотал Руис, по лбу которого уже катились крупные капли пота. Бедняга изо всех сил старался сохранить лицо, но получалось плохо. Я впервые видел, чтобы капитан полиции чувствовал себя настолько неуютно в собственном кабинете. Впрочем, другие наверное еще и не попадали в ситуацию, где откровенная враждебность присутствующих соответствовала столь высокому уровню их положения.

Комиссар отдал пакет Макдуину, который взял камень так, словно ему предложили подержать дохлую крысу. Пока он с напускным вниманием рассматривал улику, в кармане у Мердока пискнул бипер. Детектив тут же отключил его. Макдуин бросил пакет на стол.

— Еще одно весьма удобное совпадение. На месте преступления этот предмет никто не видел.

— Может быть, желаете обсудить это совпадение с Бриаллен аб Гвилл? Я показывал камень ей.

Надо отдать должное, Макдуин почти не побледнел и перенес удар довольно хладнокровно, хотя было заметно, что такого хода с моей стороны он никак не ожидал. Комиссар усмехнулся.

— Все страньше и страньше, как кто-то сказал. Думаю, Лоркан, нам следует наградить этого молодого человека. Давненько не видел, чтобы кто-то столь ловко выскользнул из вашей паутины.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду, что дело обстоит именно так, как он и говорит. Если только, конечно, вы не пожелаете обсудить это со старой ведьмой.

Мердок легонько сжал пальцы, предостерегая меня от необдуманных слов. Старался он зря — о Бриаллен в свое время отзывались и похуже. К тому же в тоне комиссара прозвучало некоторое даже уважение.

Глаза Макдуина полыхнули холодным светом, а за спиной у него проступили размытые контуры крыльев — гламур работал на пределе.

— Допустим на минуту, что ваша история соответствует действительности. Что же вы обнаружили?

— Трудно сказать. Думаю, результат подтверждает правильность предположения о том, что у убийцы есть некий врожденный дефект. Возможно, совершенные убийства имеют к этому какое-то отношение.

— Другими словами, у вас ничего нет, — заключил Макдуин.

Я покачал головой и постучал пальцем по носу.

— У меня есть его запах. Я могу его найти. Нужно только вычислить, где он будет в следующий раз. В тюрьме такую задачу не решить.

Комиссар нахмурился и раздраженно махнул рукой.

— Никто вас не арестовывает.

— Сэр, я вынужден настоятельно... — начал Макдуин, но Мердок-старший решительно его оборвал.

— Перестаньте, Лоркан. Мы зря теряем время. Вы не единственный, кому приходится думать о политике. Представьте, в каком положении я окажусь, если арестую еще одного подозреваемого, а убийства не прекратятся. Пресса и без того прохаживается на мой счет. Мне нужны весомые, убедительные улики, и они нужны мне вчера. — Он посмотрел на сына. — Я ясно выразился, детектив?

— Да, сэр.

— А раз так, то шевелитесь.

Повторять дважды не пришлось. Я открыл дверь и выскочил из кабинета прежде, чем кто-либо успел сказать что-то еще. Мердок вышел за мной. Мы спустились вниз, прошли по

коридору и вернулись к машине.

— Не хочу показаться неблагодарным, но почему твой отец помог мне?

Мердок уже выезжал на западный Бруклин.

— Может быть, Макдуин нравится ему еще меньше, чем ты.

Он повернул влево из правой полосы, проехал по Питсбург-стрит и, сбросив газ, вкатился в безлюдный переулок. Рядом с мусорным контейнером стояла выдавшая виды «хонда». Мы остановились рядом. Грязное стекло с левой стороны опустилось, и передо мной появилось улыбающееся лицо Барнарда Мердока.

— Привет, Бар, — сказал я. Барнард выглядел именно так, как и должен выглядеть младший брат: такие же темные волосы, такие же темные глаза, такой же крючковатый нос, но только все немного уменьшенное. Знакомые называли его Баром, и никто — Барни.

— Коннор! Человек дня! Или твой звездный час еще не пробил?

Я скромно улыбнулся.

— Рад тебя видеть, Бар.

Он слегка вытянул шею, чтобы посмотреть на брата.

— Почему не ответил? Я же звонил тебе на бипер.

— Вот и отвечаю. Он здесь?

— Да. Помочь?

— Не надо. Сами справимся.

Бар пожал плечами.

— Поступай, как знаешь. Придешь на обед в воскресенье?

Последний вопрос адресовался уже мне.

— Думаю, я последний, кого ваш отец хотел бы видеть за семейным столом.

Бар рассмеялся.

— Да уж. Я только что связывался кое с кем, так что в курсе последних новостей. После того, как вы ушли, парень из Гильдии бушевал еще минут пять. Молодцы.

Мы проехали еще немного и остановились уже у дома, где жил Шай. Выйдя из машины, я потянулся. Болело все. Ужасно хотелось спать. Мердок, подойдя к двери, вытащил пистолет.

— Так уж необходимо? — спросил я.

— Прошлой ночью мы потеряли Робина. Я уберу оружие, если ты сознаешься в убийствах.

Я поднял руки.

— Ладно, ладно, не кипятись. Просто уж больно внушительно получается. Не напугать бы...

— Отлично. Иди первым.

Я заколебался, и Мердок, отодвинув меня плечом, с ухмылкой победителя прошел мимо. Ну и что? Да, я не верил в то, что Шай способен на убийство, но это же еще не показатель глупости. Мердок распахнул дверь. В коридоре горел свет. Мы медленно, держась поближе к стене, но не дотрагиваясь до нее, двинулись вперед. У второй двери Мердок остановился и прислушался. Из комнаты доносились какие-то звуки.

— Шай? — Нам ответила тишина. — Шай, открывай. Это полиция. — Ответа не было. — Мердок взглянул на меня. Я кивнул. Он навел пистолет на дверь. Я отступил, приготовившись выбить ногой замок. Защита активировалась машинально, и по телу как будто разбежались сотни мурашек.

И тут дверь открылась.

На пороге стоял Шай. Увидев направленное в грудь дуло пистолета, он как будто окаменел. Мердок отвел оружие и покачал укоризненно головой.

— Господи, Шай. Мог бы и отозваться.

— Извините. — Юноша отвернулся и отошел вглубь комнаты. Мы последовали за ним. На первый взгляд, за время после нашего прошлого визита здесь ничего не изменилось: повсюду разбросаны вещи, одежда кучками лежит на кроватях. Потом я заметил на полу

раскрытый чемодан. — Что вам теперь нужно? — Шай подобрал джинсы и начал аккуратно их складывать.

— Собрался куда-то? — спросил Мердок, все еще держа наготове пистолет.

— Я уже говорил. С меня хватит. Уезжаю. — Он положил джинсы в чемодан и подобрал рубашку.

— Думаю, тебе придется задержаться.

Шай выпрямился и посмотрел на него с недоумением.

— Почему? Из-за того рисунка? Если вам нужен свидетель, обратитесь к Робину. Он соврал тогда. Робин тоже его видел.

— Где ты был прошлой ночью?

Шай покраснел и нервно отбросил с лица прядь волос.

— Работал.

— Ты был с Робинем? — спросил я.

— Да, некоторое время. Потом мы поругались из-за того камня, что вы ему дали. Вы про него, наверно, забыли, а Робину захотелось еще поиграться. Я сказал, что притворяться иным глупо и опасно.

— Почему опасно? Подозреваемого ведь уже арестовали, — сказал Мердок.

Шай пожал плечами.

— Я слышал, что арестовали человека. Не знаю, кем был тот, кого я видел, но точно не человеком.

— Когда ты в последний раз видел Робина?

Парнишка вскинул голову.

— А что?

— Отвечай.

— Около полуночи. — Медленно, не спуская с нас глаз, Шай опустил на кровать. — Я оставил его в какой-то дыре возле Конгресса. А почему вы спрашиваете о Робине? Где он? — Голос его звучал неестественно спокойно, но глаза выдавали волнение. Никто из нас не ответил. Он побледнел. Полностью контролировать себя ему не удавалось, но он еще удерживался от истерики, отказываясь верить в то, что подсказывал здравый смысл. Все признаки нарастающей паники были налицо, и я видел их достаточно часто, чтобы не пропустить. Мы с Мердоком переглянулись, и детектив кивнул.

— Его нашли вчера ночью. В переулке.

Шай закрыл глаза и, наклонившись вперед, обхватил себя руками. Мы услышали приглушенные рыдания. Вряд ли он притворялся. Я подошел и положил руку ему на плечо. Мердок насупился и покачал головой. На тумбочке лежали салфетки, и я протянул пару штук Шаю. Он вытер лицо и только потом поднял голову.

— Его убили. И Танси тоже.

Он моргнул, словно от боли.

— И, конечно, вы никого не взяли?

Это прозвучало как обвинение. Я кивнул.

— Почему ты не остался с ним? — спросил Мердок.

— У меня была встреча.

— С кем?

— Он не показал удостоверение.

— Другими словами, ты его не узнаешь.

— Мердок... — вмешался я.

— Даже если бы я знал его имя, неужели вы думаете, что он признался бы, что был со мной? — Шай сердито, как на тупицу, посмотрел на Мердока. В данном случае я готов был с ним согласиться.

— Ты видел ночью того парня с портрета?

— Нет. — Легкая заминка перед ответом заставила меня насторожиться. Шай определенно утаивал что-то, причем уже не в первый раз. Почему? Его встречи с убийцей

могли быть только случайными, а если так, то какой смысл их скрывать? Парень не был иным. Не обладал той силой, что привлекала преступника. Да и от сотрудничества не отказывался. Странно.

— Где мое оборудование? — спросил Мердок.

Шай поднялся, порылся в кучке тряпок на кровати, нашел штуковину с проводами и протянул детективу.

— Не уезжай пока, Шай. Понял?

Юноша кивнул.

Мердок вышел первым, я за ним. Закрывая дверь, я оглянулся — Шай сидел на кровати с несчастным видом, уставившись в пол. Там, куда занесла парня судьба, продержаться на плаву трудно, и мне почему-то показалось, что Шай исчерпал свой срок. Но такова участь всех мальчишек в Вейрде.

— Мне очень жаль, Шай.

Он криво усмехнулся.

— Спасибо, Коннор. Приятно сознавать, что ты не одинок.

Когда я вышел, Мердок уже сидел в машине. Проезжая мимо Бара, он помахали ему рукой.

— Уж больно сурово ты с ним обошелся.

— А ты ожидал чего-то другого? Он наша единственная ниточка, и алиби у него нет.

— Ты же вроде бы говорил, что держишь его под наблюдением.

— Держали. Но вчера он выскользнул из бара через запасной выход, о котором мы не знали.

— Послушай, Шай не имеет к убийству никакого отношения. И на месте преступления его не было.

— А ты откуда знаешь?

— Я не почувствовал его сущности.

Мердок остановил машину перед моим домом.

— А почему ты так думаешь? — Он повернулся ко мне.

Я удивленно взглянул на него.

— То есть как это?

— Коннор, ты говорил, что, находясь рядом с ним, ощущаешь какую-то необычную вибрацию.

Я молчал.

— Убийца тоже оставляет после себя след необычной сущности. Так может быть...

— Ха! — воскликнул я.

— Вот именно. Спасибо.

— Подожди. Дай сообразить. — Что же получается? Шай определенно обладает сильной сущностью, но он так же определенно человек. В комнате у него часто бывают иные. Кто-то что-то забывает. Возможно, он наткнулся на нечто такое, что изменило его сущность и даже наделило силой, несопоставимой с его действительными способностями. Но если так, то это должно быть нечто по-настоящему могучее. По плечу ли человеку выдержать такую силу? Я сильно в этом сомневался.

— Зачем ему убивать Робина?

— А если Робин что-то узнал?

— Предположим — хотя я в это не верю, — что убийства совершил Шай. Мотив?

Мердок пожал плечами.

— Месть? Зависть? Тяга к новым ощущениям? Выбирай любой.

Я вздохнул.

— Версия неубедительная, но спорить с тобой я не стану. Устал. Мысли путаются. — Я вылез из машины.

— Выглядишь ты безобразно. — Он улыбнулся и уехал. Что мне нравится в Мердоке, так это искренность.

Я посмотрел на затянутое белой дымкой небо. В воздухе уже пахло грозой. Принять душ и завалиться в постель. Я широко зевнул и нажал кнопку лифта.

Может быть, Бриаллен права. Может быть, я действительно принимаю все слишком близко к сердцу. Робин скорее всего рано или поздно закончил бы так, как закончил. А наивная Танси так и не научилась бы держаться подальше от разного рода темных личностей. И может быть, подумал я, входя в квартиру, может быть, Бриаллен ошибается.

Глава 10

Странное дело, но когда я просыпаюсь утром в той же одежде, что и ложился, она пахнет хуже, чем вечером. На этот раз я провалялся пятнадцать часов и очнулся в четыре утра. Не в силах вынести собственный аромат, я выбрался из гнездышка сбившихся простыней и отправился в душ. Засохший пот и кровь сползали с тела, как отмершая кожа. Душ взбодрил и прогнал остатки сна, так что возвращаться в постель уже не хотелось. Я приготовил кофе, натянул шорты и поднялся на крышу.

Хотя утро еще не наступило, ночной свежести не ощущалось. Влажный воздух не успел остыть, так что наступающий день обещал еще большую духоту. Устроившись в плетеном кресле, я неспешно попивал кофе. Этот мой ритуал не в состоянии отменить никакая погода. День без кофеина — день, прожитый впустую.

Туманная дымка за каналом повисла над доками грязной юбкой. Желтоватые пятнышки окон выдавали скрытые темнотой офисные многоэтажки, замершие в ожидании очередного рабочего утра. Огоньки такси, таинственных ночных порученцев, бесшумно появлялись и исчезали из виду. Единственными звуками были глуховатый белый шум города да редкие гудки автомобилей. Бары давно закрылись, и даже пьяные разбрелись по домам, но сам город все еще ворочался, словно страдая от бессонницы. Полное затишье наступит только перед рассветом, но тогда для отдыха времени уже почти не останется. Город не спит, но видит сны. В этих снах — сожаления и обещания.

В этом мы с ним похожи. После того несчастного случая на атомной электростанции я пребываю в подвешенном состоянии — между будущими надеждами и прошлой славой, — а хуже неизвестности и неопределенности ничего и быть не может. Если ко мне не вернутся прежние способности, кем я стану? Слова Бриаллен снова и снова звучали в ушах. Каково это, быть телом без таланта? Я понимаю, что она имела в виду другое, но это же не ответ на вопрос.

Долго, слишком долго я корил себя за самоуверенность, заносчивость и высокомерие. За неспособность ценить то, что имел. За то, что смотрел свысока на тех, кто не мог со мной тягаться. Пришло время покончить с самобичеванием. Пришло время вернуться на Тропу, а сделать это можно только через действие. В противном случае все мое существование сведется к ожиданию пособия по инвалидности да чашке кофе на крыше среди ночи.

С первыми проблесками зари я уже сидел перед компьютером, занося в его память все, что случилось за последние сорок восемь часов. Запись получилась длинная. Самое трудное для следователя — стать частью собственного дела. И Бриаллен, и Мердок — хотя и видели ситуацию с разных точек — советовали одно и то же: не принимай дело как личное. Они, конечно, правы, но оставаться в стороне слишком трудно.

Перво-наперво я отказался от употребления клички Вторичный Убийца. Отчасти из-за нее я настроился на определенный шаблон и оказался неподготовленным к тому, что случилось. А ведь нужно помнить, что бритва Оккама есть процесс, но не решение. Сосредоточившись на очевидном, недельном цикле, я даже не попытался расширить зону поиска, хотя одного лишь взгляда на самый обычный календарь было бы достаточно, чтобы вспомнить о фазах луны.

Я слишком берег себя, слишком боялся перенапрячься, чтобы исследовать иные возможности. После реплики Мердока в машине, вся эта история со ска предстала в несколько ином свете. Что, если Танси при ее ограниченном словарном запасе просто

употребила единственное подходящее по смыслу слово для характеристики непонятной сущности? Или она случайно попала в точку? Не слишком ли поспешно и без достаточных на то оснований ухватился я за информацию из файлов Гиллена? Госпиталь Авалон единственное лечебное заведение для иных на всем северо-востоке, не считая Нью-Йорка. Было бы удивительно, если бы его база данных не содержала информации о нескольких довольно необычных случаях. Да и связал эти случаи не я сам, а компьютер. Поисковые системы славятся тем, что устанавливают связи между несопоставимым — просто потому, что разработчики программ думают не совсем так, как обычный пользователь. Удивительно, что я еще не наткнулся на какую-нибудь порнографию, которая обычно выскакивает всегда, независимо от того, что вы ищете.

Я открыл материалы по Шаю. Насколько можно судить по имеющимся данным, родителями его были люди. Единственными выходцами из Волшебной страны, появившимися после Смещения, были иные — друиды, фейри, эльфы и гномы, — но никак не обычные люди с так называемыми фантастическими способностями. Из многочисленных источников следовало, что люди определенно присутствовали в Фейри, но, похоже, никто из них не прошел в объединившийся мир после внезапного и необъяснимого слияния разделенных его половинок. Втиснуть же Шая в профиль убийцы без четко установленной связи с Волшебной страной было невозможно.

Все упиралось в сущность. Как и энергией, манипулировать сущностью можно по-разному. В частности поэтому племена иных столь разнообразны. Друиды способны соединять собственную сущность с сущностью тех, с кем работают. Результаты это дает хорошие, но и сил отнимает немало. А вот фейри идти на жертвы ни к чему. Они запросто забирают чужую сущность, не тратя при этом свою. Вот почему фейри столь могущественны. Но за все нужно платить, и их плата — невысокий уровень практических умений. Другие — к примеру, эльфы — умеют управлять сущностью только посредством заклинаний. Контролировать чужую сущность напрямую они не способны, а своей пользуются только в крайних случаях. Что касается людей, то они могут активировать сущность исключительно с помощью иных. Сам по себе Шай никогда бы ничего не сделал.

Я вздрогнул от громкого сигнала автоответчика, извещавшего, что его память заполнена до отказа, и протянул руку, чтобы включить звук.

— ...идиот, — раздраженно сказал Мердок перед тем, как положить трубку.

Сообщений набралось много. В первом детектив сообщил, что посылает последние материалы по делу. Четыре следующих тоже поступили от Мердока — все с требованием позвонить. Последнее пришло только что. Полностью оно звучало так: «Позвони. Ты отключил сотовый, идиот».

Я набрал номер, и он сразу же взял трубку.

— Расследованием занялась Гильдия. — Старина Мердок в своем стиле — работа прежде всего. Я чувствовал себя выжатым лимоном. — Папаша последней жертвы поднял шум. Я говорил, что он большая шишка в Нью-Йорке. У Макдуина и выбора-то не было.

— Уж больно просто получается. Макдуин что-то знает. По-моему, он с самого начала старался не дать делу хода.

— Так или иначе, оно теперь у него. Собери свои записки и отправь мне электронной почтой. У меня приказ — передать все материалы в Гильдию сегодня до конца рабочего дня.

Судя по тону, он думал уже о чем-то другом.

— Вот, значит, как? И ты все отдаешь?

Мердок сухо усмехнулся.

— А у тебя что, только сегодня глаза открылись? Добро пожаловать в управление полиции Бостона. Как только Гильдия доказала, что преступление подпадает под ее юрисдикцию, нам осталось лишь поднять руки и отойти в сторонку. Ты ведь и сам в подобной ситуации церемониться бы не стал.

Он был прав. Таковы правила игры, и не нам их менять. Если в дело замешаны иные, расследование ведет Гильдия. Я неоднократно выражал недовольство тем, что мы беремся

только за случаи, сулящие политическую выгоду, и вот теперь получил еще одно подтверждение собственной правоты.

— Приходи на обед в воскресенье, — добавил, не услышав ответа, Мердок.

— Подумаю. — Только вот захочет ли комиссар видеть меня за своим обеденным столом? Вряд ли. Я вернул на место телефон и уставился в окно. С наступлением дня город вернулся в обычное состояние: по эстакадам устремились потоки автомобилей, взлетали и садились самолеты, улицы заполнились сонными пешеходами. Гильдия забрала дело себе, и мир не остановился, жизнь шла своим чередом. Я даже удивился.

Случись нечто подобное раньше, я наверняка воспользовался бы удобным случаем, чтобы смахнуть что-нибудь со стола или швырнуть в стену пару книг. Но теперь у меня не было служанки, которая подобрала бы осколки и расставила по местам разбросанные тома. Я ограничился тем, что вцепился в край стола и посчитал до десяти. Не совсем то, но зато и прибраться не надо.

Если отец последней жертвы смог потянуть за нужные ниточки, на Макдуина скорее всего оказали давление и заставили взяться за дело официально. В это я мог поверить. Поверить в то, что справедливость будет восстановлена и в отношении других жертв, в то, что правосудие восторжествует, было куда труднее. Те другие никому не нужны, кроме самих себя и, может быть, узкого круга друзей. Макдуину нужно всего лишь найти убийцу последнего фейри или просто кого-то, на кого можно списать хотя бы это преступление. Гильдия бросит на расследование все свои силы, а на остальное просто махнет рукой. Обитатели Вейрда ее не интересуют. Как не интересуется и все то, что попытается похоронить Макдуин, подбросив общественности подставного убийцу.

Я проверил почту и отметил еще не отправленные Мердоку файлы. Помогать Макдуину у меня не было ни малейшего желания, но и подводить Мердока не хотелось. Для следователя нет ничего хуже, чем оставлять дело незавершенным. Я перебросил последние файлы в «Исходящие» и отослал их Мердоку — не огорчать же напарника.

Не зная, чем себя занять, я поболтался по квартире. Оставалось только надеяться, что Мердоку поручат новое дело. Странное это чувство — уповать на чье-то несчастье, чтобы получить работу. Разочарование и неудовлетворенность — вот что остается, когда не остается ничего. Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, я прибегнул к ванной и взялся за кухню. Выбросил из холодильника почти пустой пакет с китайским завтраком. Больше там ничего не было. Кроме коробки со светляками. Отогреть одного и отправить с сообщением к Стинкворту? Будет на ком сорвать злость — накричать, отчитать за безобразное поведение у Бриаллен. Только вот когда он отзовется на мой призыв?

Опустившись на пол, я заглянул под диван.

— Ну уж нет. Так дело не пойдет. — Есть под диваном пыльные банни или нет — мне не было до них никакого дела. Я вытер руки, взял ключи и вышел из дому. Сидеть сложа руки не по мне. Нужно пойти в Гильдию и выяснить, что задумал Макдуин.

Мне нравилось в Вейрде, но жизнь здесь имела один существенный недостаток — неудобную систему общественного транспорта. В середине дня все идет только в центр города, и если вы хотите добраться куда-то еще, там надо делать пересадку. Вот и получается, что город небольшой, а времени на разъезды тратится много. Поэтому обычно я предпочитаю ходить пешком. На сей раз мне посчастливилось поймать «семерку» на Конгресс-стрит, так что уже через пятнадцать минут я сошел на остановке Орандж-лайн, а остаток пути до Вашингтон-стрит прогулялся, отказавшись от поездки в переполненном метро.

Когда-то Вашингтон-стрит пролежала через боевую зону, воплощенную в реальность идею какого-то безумца о человеческом отстойнике. Сейчас здесь заколоченные дома да офисы кое-каких социальных служб. По ночам район патрулируют проститутки, что сильно не нравится обитателям соседнего чайнатауна. Единственное их утешение — старенький кинотеатр, где еще крутят приличные восточные боевики. Два других привлекают любителей дешевой порнушки. Днем, во время ланча, сюда заходят бизнесмены из

финансового квартала, охотники до быстрых удовольствий, жадно и вместе с тем осторожно — чтобы не запачкать костюм — прилипающие к глазкам в кабинках пип-шоу. Что-то вроде Вейрда, только для людей. Провырнуться здесь интересно, если только не слишком задумываться над увиденным.

Я повернул в сторону Парк-сквер и остановился на углу Чарльз-стрит. Мимо проносился привычный для полудня поток машин. Солнце резало глаза — не спасали даже темные очки. Пятнадцать часов сна помогли прийти в норму, но я все еще чувствовал себя так, словно побывал под колесами грузовика. А если бы не снадобье Бриаллен?

На другой стороне площади марку старинного оплота бостонских браминов поддерживал отель «Парк Плаза» — классическое сооружение, облицованное тщательно подобранными гранитными плитами и снабженное чопорным карнизом. Как и многие здания в городе, расположенные на пересечении шести или семи улиц, отель врезается в площадь, как входящий в порт корабль. Машины замедлили ход на желтый сигнал светофора, и я посмотрел на другую достопримечательность.

Строение, в котором разместилось местное отделение Гильдии, никак не назовешь образчиком старого бостонского стиля. Выложенные в форме зубчатых башен глыбы бетона поднимаются на неслыханную для Волшебной страны высоту. Все это — результат совмещения современных строительных и инженерных технологий и специфических знаний иных. Повсюду где только можно громоздятся горгульи. В оригинальном проекте их присутствие не предусматривалось, и они собирались сюда сами, привлеченные мощью исходящей от здания магической силы.

Я направился к арке главного входа. Над громадной стеклянной дверью зависла опускающаяся решетка с острыми зубцами. Действующая она или просто служит архитектурным дополнением, я не знал. Дальше, непосредственно над входом, из стены высунулась голова каменного дракона с разинутой пастью и длинным змеиным языком между острыми как иглы зубами. В отличие от горгулий дракон занимал определенное проектом место, но духом здания так и не проникся — наверное, из-за неудачного месторасположения.

Что прошло через меня. Что-то вроде прохладного дуновения сухого ветерка. Ощущение знакомое, но как же давно я его не испытывал. Ветерок в голове прошелестел снова, на этот раз сопровождаемый звуком, какой возникает, если потереть камнем о песок.

Вернулся, прошептал у меня в голове сухой, глуховатый голос. Я остановился и прошелся взглядом по верхнему своду. В углублениях арки за долгие годы собрались сотни горгулий — демонов, зверей, рептилий, — и все они тарасились сейчас на меня.

Сюда, сказал голос. Я отступил на пару шагов, осмотрел колонны у фронтона и заметил его — маленького, приземистого человечка, не больше домашнего кота, устроившегося среди листьев аканта в капители. Круглолицый, обнаженный, с единственным глазом посреди лба, прямо под закрученным спиралью небольшим рогом, и совершенно непроницаемым выражением. На фоне прочих горгулий очень даже приятный парень.

Привет, Вергилий, мысленно ответил я. Это не было мыслительным сообщением в прямом смысле. Пересылать мысли чудикам невозможно. Они просто слушают. Если пожелают. Вергилий был, если можно так сказать, моим старым другом. Одно время он сидел на выступе за окном моего офиса на верхнем этаже Гильдии. Когда он заговорил со мной в первый раз, я перечитывал Данте — отсюда и имя. Как его зовут по-настоящему, и есть ли у него вообще имя, этого я не знал. Что меня немного удивило, так это то, что он появился на столь заметном месте.

Ждал.

Меня?

Да.

Горгульи — проклятушие твари. Сами они считают, что пришли из Европы, но найти их можно едва ли не повсюду. Не совсем ясно, когда появились анимированные, до или

после конвергенции, но двигаться они определенно начали в то время. Здания Гильдии привлекают их более других. Первое, построенное в Нью-Йорке, рухнуло под тяжестью чудовищ, так что более поздние проектировались с учетом дополнительной нагрузки в пару тонн.

Разговаривают они крайне редко. Не знаю, обладают ли речью все, но те, что умеют говорить, пользуются этим даром в редчайших случаях. Передвигаются только по ночам, очень медленно — если не считать ситуаций экстремального напряжения — и лишь тогда, когда на них никто не смотрит. Однажды мне довелось наблюдать перемещение крылатой лягушки с выступа под моим окном на этаж ниже. Путешествие заняло полтора месяца. Лягушка провела там день или полтора, а потом исчезла по неизвестной причине.

Я могу тебе чем-то помочь ?

Это невозможно объяснить, но у меня возникло ощущение, что одухотворенный кусок камня рассмеялся. По крайней мере именно так я интерпретировал скрежещущий звук в своей голове.

И действительно, трудно представить, чем я мог бы помочь глыбе, пролежавшей здесь уже несколько веков. Горгульи в заботе не нуждаются.

Не твоя луна.

Не понимаю.

Поймешь.

Пойму? Когда? Я старался думать как можно громче и яснее. Никто не шевельнулся, но я почувствовал на себе внимание еще нескольких горгулий. Вергилий не отвечал. Я терпеливо ожидал, что он скажет что-нибудь еще, но каменный монстр только смотрел бесстрастно на меня. Когда стало ясно, что ответа не будет, я вежливо кивнул.

Спасибо.

В животе у меня затянулся холодный узел. Не сделал ли я еще один шаг в неверном направлении? Что, если лунный цикл есть всего лишь очередная удобная теория? Я так и не понял, почему Вергилий заговорил со мной и что хотел сказать. Обычно смысл его послания прояснялся постфактум и указывал на нечто совершенно очевидное и, может быть в силу этого, оставшееся незамеченным. Я знал только, что когда все пойму, мне ничего не останется, как только дать наградить себя увесистым подзатыльником.

Впервые за последние несколько месяцев я вошел в здание Гильдии. Отделанное мрамором сводчатое фойе поднималось на два этажа и освещалось похожими на факелы бра. У дальней стены столпилась группа туристов, с открытыми ртами слушающая своего гида. Гильдия — рабочее место, а не музей, но желающих переступить ее порог все равно хоть отбавляй. Впрочем, дальше фойе в любом случае никого не пускают.

Слева от входа вытянулась длинная очередь из иных и людей с лицами, на которых отразились отчаяние, страх и надежда. Раньше я называл таких просителями. Некоторые разыскивали пропавших любимых, другие пришли с жалобой на какого-нибудь иного, третьи просто не знали, куда еще им обратиться в сложившейся ситуации. Они приходили каждый день и стояли в очереди, чтобы заполнить бланк с просьбой о приеме, но лишь немногие удостоивались аудиенции. Мало кто сознает, что попасть в кабинет члена Гильдии куда сложнее, чем, к примеру, поступить в Гарвард. Раньше, когда я замечал их, они меня раздражали. Я был таким же, как и все прочие, кто работал наверху, и меня не интересовали те, кто не мог содействовать моей карьере. Сейчас я видел просто несчастных.

Обойдя очередь, я подошел к главному окошечку. За столом сидели две эльфийки. Обе незнакомые. Я обратился к одной из них — с хвостиком мышиного цвета волос и голубыми тенями под глазами.

— Заполните бланк заявления и бросьте в ящик.

— Коннор Грей. К Киве Макнив.

— Вам назначено? Талон есть?

— Нет.

— Без талона, сэр, мы никого не вызываем. Если хотите, заполните соответствующую

форму. — Она уткнулась в бумаги.

Я посмотрел на стоящих в очереди. Нарушение заведенного порядка вызвало определенный интерес — кое-кто бросал на меня отнюдь не доброжелательные взгляды. Я склонился над столом, взял ручку и написал на бланке номер телефона Кивы. Если бы его узнал посторонний, она бы меня убила.

— Это телефон прямой линии. Человек с улицы его не знает. Пожалуйста, позвоните ей.

Она с сомнением посмотрела на номер и, обнаружив внутренний код, подняла трубку и набрала номер.

— Принимает голосовая почта. Хотите оставить сообщение?

— Нет. Я могу подняться и посмотреть, на месте ли она?

— Нельзя. — Она положила трубку и пододвинула бумаги, давая понять, что разговор окончен. Когда-то у меня был прекрасный кабинет с прекрасным видом. Теперь меня не пропускали даже на первый этаж.

Пока я подбирал аргументы для нового наступления, дверь открылась, и в фойе появилась знакомая фигура с двумя кусками пиццы. Проходя мимо, она наградила кого-то из просителей недовольным взглядом, словно предупреждая, что приближаться к ней не рекомендуется. На ней было летнее платье и высокие военные ботинки, одно плечо прикрывала черная кружевная шаль. Бледная кожа выдавала особу, редко бывающую на свежем воздухе. Настоящим цветом могли похвастать только ее волосы. Я видел их черными, красными, сливовыми, а однажды целую неделю синими. Сегодня они были рыжими.

Увидев меня, Мирил остановилась. Глаза под челкой настороженно прошлись по мне сверху вниз.

— Грей? — Она откусила сразу от двух кусков пиццы. — Еще услуга понадобилась?

Я почувствовал, что краснею.

— Вообще-то... Здесь теперь все так строго. Меня не пускают.

Мирил еще раз прошлась по мне взглядом.

— Оружие есть?

— Нож.

— Хорошо. Если придется тебя убить, спишу на самозащиту. — Она кивнула и, слегка повернувшись к дежурным, бросила через плечо: — Он со мной.

— Предъявите пропуск.

Мирил посмотрела на защитницу правопорядка внимательнее.

— Я прохожу здесь в среднем четыре раза в день. По-моему, вы тупица. По-вашему, я — дрянь. Узнаете? — Она прошла мимо. Я последовал за ней.

— Нашел те камни, что потерял?

Ждать не пришлось — двери кабинки лифта предупредительно открылись.

— Я их не терял. Они здесь пропали.

Лифт пошел вниз.

— Не важно, — пробормотала Мирил, пережевывая пиццу. — Камни приняли. Оформили за отделом Макдуина. После этого их никто не видел.

Опустившись на три уровня, лифт остановился, и кабинка открылась в длинный, выложенный кирпичом сводчатый коридор, по обе стороны которого на равном расстоянии одна от другой располагались закрытые двери. Освещения хватало ровно на то, чтобы ориентироваться. В воздухе висел густой, тяжелый запах.

Мирил вышла из лифта и оглянулась.

— Ты со мной?

— Мне бы нужно с тобой поговорить.

Мы остановились у старинных дубовых дверей с красивыми железными петлями и громадным древним замком.

— Неужели? А я думала, ты хочешь просто побродить свободно по зданию. Знаешь,

если закричишь, здесь тебя никто не услышит.

Она закричала.

На голове у меня встали волосы. Замок щелкнул и открылся. Я огляделся — никто не спешил на помощь. Мирил довольно хихикнула и толкнула дверь.

— Увлелась звуковыми заклинаниями. Все бы хорошо, но на прошлой неделе немного простудилась и в результате простояла минут двадцать, прежде чем смогла взять нужную высоту.

Переступив порог, я невольно зажмурился от яркого света, слепящего после сумерек коридора. Всю правую стену занимали голубые картотечные ящики, у левой же грудились картонные коробки самых разных размеров. Посередине комнаты стоял огромный серый стол армейского образца, на котором покоился допотопный компьютер со снятой боковой стенкой и обнаженными внутренностями. Проводки и шнуры соединяли его с другим компьютером, закрепленным на стене. Кто-то говорил мне, что Мирил имеет неограниченный доступ к главной системе Гильдии.

— Садись и ничего не трогай. — Обойдя стол, она опустилась на стул, попутно швырнув в мусорную корзину пустую тарелку из-под пиццы.

Я освободил от старых газет второй стул и, уже откинувшись на спинку, увидел на стене над головой Мирил доску объявлений, почти полностью заклеенную фотографиями из журналов и газетными вырезками. Но самым удивительным было то, что все их сопровождали пояснительные приписки, сделанные огамическим письмом. Мало того, несколько листочков валялись на полу.

— Черт, что это такое?

Она раздраженно взглянула на меня.

— Знал бы, если бы время от времени спускался сюда сам, а не присылал своих подручных.

Я ответил шутливой улыбкой.

— Не забывай, у меня есть нож.

Она усмехнулась.

— А под твоим стулом заряд динамита. К тому же у меня защита работает.

— Удар ниже пояса. — Я укоризненно покачал головой.

Мирил покачала головой.

— Все дело в каталожной системе. Десятичная система Дьюи в таких местах не работает — поставишь рядом несовместимое, и вырастут волосы, где не надо. Приходится многое учитывать, уравнивать энергии, направлять потоки. Я даже пыталась поделиться опытом с другими отделениями Гильдии, но они, похоже, будут готовы принять новое только после полной хтонической катастрофы.

Я схватил со стола карандаш и воспроизвел надпись с листовки в машине Мердока.

— Что это значит?

Она посмотрела на бумажку, потом на меня.

— Что? Собираешься стать минералогом? Не поздновато ли в твоём-то возрасте? Те камни пропали еще прошлой зимой.

— Какие камни?

Мирил бросила бумажку на стол и постучала по ней пальцем.

— Вот эти. Пять штук. Высококачественный селенит. Доконвергентный. Конфискованы несколько лет назад при попытке нелегального ввоза.

— И ты узнала все это, едва взглянув на значок?

Она кивнула.

— Это их каталожное обозначение. Пропажу я обнаружила сама. Проводила небольшой опыт с вардами. Однажды вошла в комнату и услышала что-то вроде жужжание. Раз жужжание, значит, варды не работают. Проверила. Камни исчезли. Пришлось известить стопку бумаги на объяснительные. Полагаешь, ты их нашел и снова потерял?

— Я их не терял.

— Не важно.

— Можешь показать?

Мы вышли в коридор, спустились по спиральной лестнице на еще один уровень и двинулись вглубь здания. Воздух, казалось, гудел от носящихся в нем сущностей. В голове у меня зазвенело.

— Черт, да что тут у вас такое?

— Практически все: оружие, кристаллы, книги. Щелкни пальцем — и получи. Что-то еще значит как вещественное доказательство по незавершенному расследованию, что-то передано в архив и изучается. Многое просто мусор. Как я уже сказала, ты бы и сам это знал, если бы хоть иногда спускался в наши глубины и проводил исследования самостоятельно.

— Не слышу сожаления в твоем голосе.

Она развела руками.

— Ох, какие мы обидчивые. Извини, что упомянула.

Мы остановились перед еще одной дверью, и Мирил приложила ладонь к стене возле замка и пробормотала что-то на среднеанглийском. Рука словно вспыхнула бледным светом, и на стене появилась панель с кнопками. Я по привычке повернулся спиной и так же по привычке запомнил мелодию из нескольких тонов.

— Не напрягайся, — предупредила Мирил, — я все равно сменю код сразу после того, как ты уйдешь.

Мы вошли в просторное, но плохо освещенное хранилище, и я даже свистнул от изумления. Справа и слева от двери высились шеренги стальных стеллажей. На нижних полках стояли ящики и коробки. Общая площадь зала, судя по многочисленным проходам с боковыми ответвлениями, составляла никак не меньше акра, и, следовательно, само хранилище находилось на приличной глубине под уровнем метро.

В голове снова зашумело. Интересно, сколько же нужно вардов, чтобы защитить такое помещение от влаги?

Я покачал головой.

— Теперь понятно, почему тебе так нравится здесь работать.

Она усмехнулась.

— Мне не работа нравится, а место.

Я осторожно двинулся вслед за ней по проходу между снабженных аккуратно приклеенными ярлычками коробок и ящиков. В какой-то момент нога зацепила что-то, и это что-то покатило по полу. Я наклонился и поднял маленькую круглую чашу, вырезанную из цельного куска дерева. Чаша прекрасно легла на ладонь.

— Какая прелесть. Это ведь масличное дерево, верно?

Мирил громко вздохнула.

— Чертов Паркер. Это наш новенький. Полный болван. А уж мог бы быть поосторожнее, учитывая...

— Учитывая что?

Мирил кивком указала на чашу.

— Это Святой Грааль.

Шокированный, я машинально отпрянул, словно держал в руке ядовитую змею.

— Святой Грааль!

Она рассмеялась, забрала у меня чашу и сунула в ящик, где уже лежало несколько таких же.

— И эти тоже. Можешь представить, что какой-то придурок ухитрился продать с полдюжины, выдавая их за подлинные! И никто даже не обратил внимания, что дереву никак не больше двухсот лет. Когда в следующий раз устроят распродажу, обязательно возьму парочку — готовить салаты. — Она задвинула бедром ящик и двинулась дальше, мурлыча под нос. Я же поймал себя на том, что начинаю проникаться ее настроением.

Через минуту Мирил остановилась перед каталожной секцией, вытащила ящичек и тут же отскочила и с удивлением посмотрела на меня.

— Ты почувствовал? Что-то вышло.

Я покачал головой.

— Я и наверху не на многое способен, а у тебя тут все охраняется вардами.

Мы заглянули в ящик. Дно его было выстлано черным бархатом с пятью чашеобразными углублениями. Три пустовали, а в двух лежали белый и черный камни. Я сразу же узнал оба.

— Те, что пропали в прошлом году?

Мирил кивнула.

— Да, видела их на фотографиях.

— Я тоже.

— Но зачем их возвращать?

Я улыбнулся.

— Прятать вещь лучше всего там, откуда она исчезла. На своем месте ее никто искать не станет.

— Если ты такой умный, может, скажешь, где остальные?

— Серый у Макдуина — для подставного убийцы, еще один серый в управлении полиции, и, может быть, уже едет сюда. А последний у убийцы.

— Черный.

— Знаю. Раньше я думал, что в основе ритуала убийств лежит недельный цикл, но, похоже, они связаны с лунными фазами. Белый камень — полнолуние, серые — четверти, черный — новолуние.

— Две ночи назад луна перешла во вторую четверть.

— И я нашел серый камень в груди убитого фейри.

Мирил покачала головой.

— Ну и ну! Кто бы мог подумать, что мои камушки всплывут таким вот образом.

Едва она успела произнести это, как я отчетливо услышал звук закрывающейся двери. Мирил, судя по ее реакции, тоже его услышала. Я прижал палец к губам.

Она нахмурилась.

— Боб? Паркер, это ты?

— Тссс! Молчи!

— Сам молчи. Я здесь на своем месте. Не двигайся и жди. — Она быстро прошла по проходу и скрылась из виду. Через несколько секунд Мирил снова позвала Паркера, и ей снова никто не ответил. Шаги стихли где-то вдалеке. Открылась и закрылась дверь. Голос становился все слабее и слабее и наконец пропал. Через какое-то время я понял, что уже давно ничего не слышу.

Возможно, открыв ящик, Мирил нарушила охранное заклинание, и тот, кто его наложил, рано или поздно появится здесь и обнаружит меня. Я огляделся, но спрятаться было совершенно негде. Стараясь не шуметь, я задвинул ящик с камнями, выдвинул другой и, встав на его край, подтянулся и забрался на полку. Через минуту восхождение закончилось на самой верхней, где я и вытянулся в густой пыли.

Секунды складывались в минуты, минуты — в вечность. Я слышал, как стучит мое собственное сердце. Наконец на меня пахнуло прохладным воздухом. Заработала вентиляционная система? Или... Я замер, услышав тихие шаги. Кто-то уверенно, решительно шагал по проходу. Шаги остановились прямо подо мной.

— Может, слезешь, а? — прошептал голос у самого уха.

Я оглянулся — Мирил стояла внизу, подбоченясь, и с удивлением смотрела на меня. Я неуклюже сел, спустился на пару полок, прыгнул и предстал перед ней покрытый пылью и паутиной.

— Ничего. Не знаю, кто тут был, но кто-то определенно был. Только разобраться в сущностях здесь совершенно невозможно. — Она постояла немного молча, потом кивнула. — Боб. Наверняка Боб. Больше некому.

— Почему же он не отозвался?

— Потому что он временный и считает, что его обязанность — спать в хранилище, когда за ним никто не присматривает.

— Тот, кто хотел привести меня к этому ящику, оставил огамические руны и наложил сигнальное заклинание, чтобы знать, что я нашел камни.

— К ящику тебя привела я. А подсказку подбросил тот, кто знал об их исчезновении, но не хотел вмешиваться. Как видишь, расчет оправдался.

Я взял камни, и Мирил тут же протянула руку. Пришлось положить их ей на ладонь. У меня не было никаких законных оснований держать камни при себе, и без разрешения Мирил я не ушел бы с ними дальше лифта.

— Мы могли бы никому ничего не говорить.

— Шутишь? Представляешь, что будет, если меня поймают с ними на выходе?

— Мирил, кто-то не хотел, чтобы камни нашли, а кто-то хотел. Мы ничего не узнаем, пока я не вычислю, кто и почему.

Она задумалась.

— Ладно, можешь взять, но только до понедельника.

— Только если найду убийцу, а иначе они понадобятся мне до новолуния в следующую среду.

Она вздохнула.

— Неужели ты так ничего и не понял? Лунные фазы не связаны с календарем. Новолуние в следующий четверг.

На спине у меня выступил холодный пот. Следующий четверг? Но ведь в следующий четверг канун Иванова дня! На празднества в Вейрд придут тысячи людей.

Мирил проводила меня до лифта.

— Пока не ушел, хочу рассказать сон. Сон о тебе.

Отлично, подумал я. Занимательно. Хотя и не совсем к месту.

— Ты видишь сны с моим участием?

— Ну, это не совсем сон. Я — Сновидица. На мне *геас* — я обязана делиться с другими Откровениями.

Вот так сюрприз. *Геас* лежит на многих иных. Это обязательство, игнорировать которое невозможно. Того, кто не выполняет *геас*, ожидают неприятности. Заканчивается тем, что обязательств становится все больше и больше. Одним *геас* приносит кто-то, присутствующий при рождении. Другим он достается как проклятие за причиненное кому-то зло. Избавиться от этой ноши трудно. *Геас* — в некотором смысле рок. Меня удивила откровенность Мирил. Большинство предпочитает молчать о своем *геасе*, чтобы секрет не использовали враги. На мне тоже кое-что висит, но о некоторых знают немногие, а обо всех — никто.

— Даже не верится, что ты мне это рассказала.

Мирил пожала плечами.

— Разве это секрет, если мой долг — делиться снами? — Она ухмыльнулась. — А вот о тайных ты не узнаешь никогда.

— Так что тебе приснилось?

— Мои сны — это метафоры. Я видела тебя в цепях, но ты вырвался из оков. Я видела, как ты тонешь в озере огамических рун — эту загадку мы вроде бы разгадали. Я видела тебя в окружении ножей, звезд и сердец. Тыходишь в Гильдию через черную дыру и блуждаешь по пустым коридорам. Я видела тебя сломленного и одинокого, среди мертвых тел. И вот что я тебе скажу: с тех пор я не Видела ничего другого. Каждое Видение заканчивается тем, что ты падаешь на землю, сокрушенный.

— Вот дерьмо.

Звякнул звоночек. Двери лифта открылись.

Мирил улыбнулась.

— Да. Приятно было повидаться.

Глава 11

Я бежал, обливаясь потом. Надежда на утреннюю прохладу не оправдалась. Встретив солнце, я решил не тянуть с пробежкой, чтобы избежать дневной духоты. И просчитался. За все приходится платить, в том числе и за пропущенные занятия в спортзале. Конечно, один забег за мной числился — погоня за убийцей, в результате которой я едва не попал в кому, — но тогда на мне была не та обувь.

И наплевать, что официально я отстранен от расследования. Для меня это слово больше ничего не значило. Им было не остановить меня теперь, после смерти Робина и Танси. Я просто не мог отойти в сторону. За мной безупречный послужной список. Если не считать дела Бергена Визе, все остальные закрыты. Да и по Визе расследование еще не прекращено. После стычки со мной зловредный эльф залег на дно и по крайней мере отказался от активной экстремистской деятельности. Теперь у меня появилась возможность добраться до него. Но только после того, как я закрою другое дело.

Через пять дней улицы Вейрда заполняют толпы гуляющих, как местных, так и гостей. Обычно по праздникам Гильдия и управление полиции бросают в бой все силы. Теперь, когда Гильдия взяла дело себе, полицейское начальство с удовольствием распустит оперативные группы и усилит за их счет уличное патрулирование. Что же касается моих бывших коллег, то о создании оперативной группы не было и речи. Может быть, Макдуин рассчитывал задержать убийцу в одиночку.

Над головой прогрехотал гром. За ночь небо затянула серая дымка, в которой то и дело проскакивали разряды молний. Все указывало на то, что ситуация в атмосфере не изменится на протяжении всего дня. Дождь мог начаться через минуту, и я прибавил ходу. Разумеется, на землю не упало ни капли. Возле дома я перешел на шаг и уже повернул к подъезду, когда из-за угла появился знакомый «шеви», на котором не хватало только надписи «коп под прикрытием».

— А ты сегодня рано, — сказал Мердок, опуская стекло. Из салона приятно дохнуло прохладой. Детектив был как обычно подтянут и свеж, но стрессы последней недели все же проглядывали в морщинках возле глаз. Заниматься нераскрытым делом все равно, что томиться в скороварке, но видеть, как это дело забирают у тебя и передают другому, еще хуже.

— Сгоняю напряжение.

Мердок вскинул брови.

— Поделиться есть чем?

Я с равнодушным видом пожал плечами.

— Как сказать. Если я получу информацию, которая может заинтересовать Макдуина, обязан ли ты в силу служебного положения передавать ее дальше?

Мердок ответил сдержанным взглядом, за которым проступало явное любопытство.

— Ну, я, разумеется, держу открытым канал связи с другими правоохранительными органами, хотя должен признаться, когда ситуация обостряется, канал этот часто выходит из строя.

Я задумчиво посмотрел на него. Мердок — парень правильный, из тех, кто все делает по инструкции, но он еще и друг и ни разу не давал мне повода сомневаться в нем.

— А сейчас как раз такая ситуация?

Он ухмыльнулся.

— Точно. И в ближайшее время улучшения не предвидится.

— Камни нашлись. — Я рассказал ему, как это случилось, но умолчал о Мирил. Делясь со мной информацией, она не была платным информатором, что понимал даже Мердок. У каждого есть источник, о котором лучше не распространяться. Тот же, кто слишком вольно обходится с именами, вскоре обнаруживает, что источник пересох. Кроме того, если бы я без разрешения Мирил раскрыл ее Мердоку, она скорее всего просто выпотрошила бы меня.

— Зачем тебе это надо? — спросил после долгого молчания Мердок.

— Просто надо.

— Разговаривать с открытым окном слишком душно. Садись.

Я открыл дверцу, сбросил на пол пакет из «Макдоналдса» и сел. Кондиционер тут же охладил влажную футболку, и я поежился.

— Коннор, будь реалистом. Даже если ты расследуешь это дело, тебе никто ничего не заплатит.

— Эй, офицер, а как же истина, правосудие, американские ценности?

Мердок закатил глаза.

— Капитализм — вот американский образ жизни. Анализ выгоды затрат — вот американские ценности.

— Звучит цинично, тем более от такого консерватора, как ты.

— Ты не хуже меня знаешь, Коннор, что в любой работе на первое место нужно ставить именно работу. Как только появляется личный интерес, можно заканчивать. А иначе плохо кончишь.

— Может быть. Мы ведь не впервые с тобой работаем, но прежние дела меня напрямую не касались. Это мое первое настоящее расследование после выхода из госпиталя. Оно для меня важно. Оно мне нужно. Убиты те, до кого никому нет дела. Ни полиции, ни Гильдии. Посмотри сам, Гильдия получила расследование, и об этом лишь мимоходом сообщили в новостях. У тебя отобрали расследование, и ты готов заняться другим делом. И еще одно. Мне не нравится, когда те, кто должен, не делают то, что в их силах. Мне не нравится, что мерзавец, совершивший уже не одно убийство, еще и уходит от меня. Такое не по мне. И больше я ничего такого не допущу. Хватит.

Мердок медленно кивнул.

— Ты только не увлекайся.

Я пожал плечами.

— А чем мне еще заниматься?

Он задумчиво посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей.

— Что думаешь о камнях? — спросил я.

Мердок тяжело вздохнул и постучал пальцем по рулевому колесу.

— Кому-то в Гильдии есть что скрывать. Камни ведут к этой темной тайне. Разгадай загадку камней, и ты поймешь, что это за тайна.

— Мы лишь знаем, что камни используются в ритуальных целях. Я занимался этим с первого дня.

Мердок покачал головой.

— Это не тайна. Ты уперся в угол, выйди из него. Камни украли задолго до убийств.

Я вздохнул.

— Значит, займусь камнями. Бельгор говорил о незнакомце, интересовавшемся селенитом как раз прошлой осенью. В совпадения мне не верится. — Я толкнул дверцу и вылез из машины. — Ты зачем приехал?

— Во-первых, хотел убедиться, что ты отправил все файлы. Во-вторых, сообщаю, что возвращаюсь к старому расследованию. Тому, которое приостановил, когда началась заварушка с этими серийными убийствами.

— Понятно. Файлы я отправил. Если могу помочь в новом деле, всегда к твоим услугам. — Вот так, фактически напросился на работу.

— Сейчас не получится. Речь идет о мертвом наркодилере, и никакого движения фактически нет. Понадобится помощь, звони. — Я кивнул, и он захлопнул дверцу и укатил. Провожая Мердока взглядом, я понял вдруг, что мы с ним поменялись ролями, и его дело стало моим. Что ж, по крайней мере мне за его помощь платить не придется.

Вернувшись в квартиру, я просмотрел последние материалы, присланные Мердоком перед тем, как у него забрали дело. Касались они в основном четвертой жертвы, молодого Дананна по имени Галвин Мактиарнах, приехавшего в Бостон на празднование Иванова дня. В самом начале службы в Гильдии, еще в Нью-Йорке, я знал его отца, приятного во всех

отношениях парня, Тиарнаха Руадана. Тогда детей у него не было. Глядя на фотографии с места преступления, я думал о том, как глупо все получилось для старика: ждать веками ребенка и потерять его так бессмысленно. Что ж, по крайней мере можно рассчитывать, что спуску Макдуину Тиарнах не даст.

Кроме этого, файл содержал кое-какую рутинную информацию по телефонным звонкам и контактам убитого, проверенным и не давшим ничего интересного, и описание минувшего дня, составленное самим Мердоком. Занимательное чтение — перечень событий, с которыми ты хорошо знаком, в изложении другого человека. Мердок не скрывал, что подозревает Шая. Обвинениям Макдуина в мой адрес он уделил куда меньше внимания.

В конце страницы нашлось место для короткого примечания. Мердок отследил-таки двух женщин из того списка. Дети у обеих умерли вследствие естественных причин. Третью женщину Мердок тоже отыскал, фейри по имени Деалле Сидхе. Напротив имени значился адрес в южном Бостоне. В приписке говорилось: «Телефона нет. Дома снова не застал». Полистав отчет, я обнаружил, что Мердок уже заезжал к ней несколько раз. Пожалуй, стоит попросить Мирил поискать в архивах Гильдии информацию по этой Деалле Сидхе.

А не пора ли позвонить в Германию? Звонка оттуда я так и не дождался. Немцы привыкли делать все так, как удобно им, и на давление не поддаются, особенно если давить пытается тот, кто просил об одолжении. Если я позвоню им еще раз, меня могут запросто занести в разряд докучливых зануд и отказать в нужной информации просто по злобе. Пожалуй, лучше всего проявить терпение и осторожность, тем более что сегодня суббота.

Остаток дня я провел безвылазно в кабинете, просматривая известные и неизвестные ритуалы с камнями. Большинство друидов можно разделить на две части: тех, кто предпочитает дерево, и тех, кто выбирает камни. Дерево обладает рядом прекрасных характеристик, но, на мой вкус, слишком активно реагирует на того, кто им пользуется. Поскольку оно сохраняет некоторую собственную, природную сущность, взаимодействие с ним нередко становится чем-то вроде партнерства. Наилучших результатов в работе с палочками и жезлами достигают те, кто хорошо понимает природу, ориентирован на нее и обладает высокой чувствительностью к органической энергии.

Меня же больше прельщает работа с камнями. Они послушны и делают то и тогда, что и когда вы от них хотите, не обращая внимания, устали вы или нет, и идет ли дождь или светит солнце. Вы всегда получаете от камня то, что в него вложили. К тому же камень — в отличие от дерева — может довести до конца начатую работу и без вашего непосредственного участия.

Раньше, до стычки с Бергенном Визе, я старался не полагаться ни на камень, ни на дерево. Дело здесь не в гордыне — чем сильнее твои способности, тем меньше нужны для достижения цели вспомогательные средства. Самое трудное друид делает голосом, руками или головой. С другой стороны, чем большей силой обладаешь, тем чаще используешь варды и жезлы как дополнительные орудия. Вот здесь уже проявляется то самое честолюбие. Нет другого столь эффектного способа продемонстрировать собственную мощь, как употребить мимоходом попавший под руку предмет. Прибирая накануне в квартире, я заметил, что варды на окнах и крыше зарядили, и сделала это скорее всего Кива во время краткого визита и может быть даже незаметно для себя самой.

Камни полезны для тех, кто не обладает никакими способностями. Камень можно купить и отдать кому-то для зарядки. Цена такой операции будет, разумеется, зависеть от качества камня и силы заряжающего. Великое множество иных неплохо зарабатывает, обслуживая потребности людей в защите. Неплохое занятие для тех, кто обделен иными талантами и испытывает нелюбовь к физическому труду. Никакого начальства, а все, что требуется для пополнения потраченной сущности, это несколько часов хорошего сна.

Обычно камни заряжают с какой-то целью. У меня в квартире, например, они исполняют роль охранной сигнализации, но могут также поддерживать человека в бодрствующем состоянии или, наоборот, склонять ко сну. Камни способны даже подтолкнуть к убийству, хотя такого рода практика является однозначно противозаконной и

требует большого искусства. Положенные на крылья жертвы, заряженные камни просто обездвиживают ее. Насколько я мог судить, в наших случаях они использовались исключительно с этой целью.

Вот почему я никак не мог понять, зачем понадобилось заряжать селенит. Зачем тратить сущность, заряжая дорогой камень, если никакой иной цели, кроме обездвижения, он не достигает? Катализатором убийства селенит тоже не служил, по крайней мере в общепринятом смысле. Причина смерти не имела никакого отношения к особым талантам иных. Для того, чтобы вырезать сердце, требуется только нож, физическая сила да психическое расстройство, толкающее одно разумное существо на убийство другого.

Ответить на вопрос, почему убийцу привлекали именно сердца жертв, было проще. Сердце — важнейший орган, средоточие сущности. Забрать сердце — значит, забрать его силу. Заключенную в сердце сущность можно стабилизировать и сохранять некоторое время, как это делала Бриаллен с телом умершего флита. Сам я сделать что-либо подобное не мог, но это вовсе не означало, что на свете нет тех, кому по плечу эта операция.

Я выпрямился так резко, что стул подо мной протестующе пискнул. Сущность — вот связь. Сущность есть как в камнях, так и в сердцах. Убийца не просто оставлял камни как знаки замещения. Он менял одни сосуды сущности на другие: камни на сердца.

Стоп, сказал я себе. Не торопись. Идея интересная, но ее нужно изучить последовательно. Итак, обмен, но обмен неравноценный. Он забирал больше, чем отдавал. Ему и нужно было больше. Но для чего? Все прочие ска — из тех, о ком нам удалось узнать, — уже умерли. Может быть, он тоже умирает? Может быть, убийства есть своего рода мечь живым? Или он обнаружил способ продлить собственное существование? В отчаянии я тряхнул головой. Забрать чужую сущность может тот, кто имеет доступ к тайным знаниям и желание использовать ее, как поступила Бриаллен, когда взяла у меня часть сущности, чтобы спасти умирающего Стинкворта. Но она же отказалась преподнести мне это знание на серебряной тарелочке и дала понять, что я должен найти к нему собственный путь.

Я прошелся по гостиной. Мысли ходили по кругу, и мозг уже онемел от этого бесплодного кружения. Солнце опускалось за горизонт, и на затянутом белесой дымкой небе медленно меркли последние пятна оранжевого света. На западе еще вспыхивали молнии, вслед им устало ворчал гром. Ему вторил мой пустой живот. Надо поесть. Выйти или заказать что-нибудь с доставкой? Второй вариант отпал после того, как выяснилось, что мелочи в карманах не хватит на приличные чаевые. Мердок все еще изучал представленный мной финансовый отчет, а пособие по инвалидности должно было поступить только через неделю. Я сунул ноги в старые башмаки и вышел из квартиры.

На полу в вестибюле валялась почта. Едва наклонившись, я ощутил знакомое покалывание у основания шеи. Природный механизм защиты сработал автоматически. Выронив газеты, но не выпрямляясь, я резко повернулся в сторону двери. Кто-то оставил ее открытой, прикрыв замок сложенным журналом. Я встал, прижался спиной к стене и, вытянув ногу, приоткрыл дверь пошире. Темно и пусто. Вкатившаяся в фойе волна влажного воздуха принесла запах канала. Уличный фонарь снова не горел, что уже никого не удивляло. Я никого не чувствовал, хотя над тротуаром и висели запахи сущностей. Некоторые отдавали угрозой, некоторые уже проникли в здание.

За спиной, где-то вверху, открылась и тут же закрылась дверь, выпустив всплеск грохочущей музыки и громкие голоса. Я немного расслабился. В доме вечеринка, а какой-то идиот просто забыл закрыть дверь. Я покачал головой и, выйдя на улицу, исправил ошибку неосторожного юнца.

Дойдя до угла, я повернул налево. Еще минута, и на тротуар выплеснулась лужа света — заведение под названием «Безымянный деликатес» выглядело оазисом активности на фоне затихшего квартала. Я остановился у входа. Друиды ощущают сущность, как люди парфюм. Тот, кто оставил след у моего дома, отирался некоторое время и здесь, возле «Безымянного». Ничего примечательного. Странно только, что след не связывал два места — исчезнув в одном, он просто появился в другом. Совпадение? Я посмотрел влево, потом

вправо и, никого не обнаружив, толкнул дверь.

В глаза ударил резкий флуоресцентный свет. Он всегда был здесь такой яркий, что каждый входящий — даже в солнечный день — невольно зажмурился. В три часа ночи неосторожный клиент мог ослепнуть на несколько секунд. Лишь немногие знают, что это побочный эффект защитного заклинания, действие которого направлено на снижение агрессивности. Старый трюк, но действует неплохо. По крайней мере грабят «Безымянный» куда реже, чем соседние заведения, а если такое и случается, можете не сомневаться — преступник набрался дури под завязку и на выходе его уже ждут парни с наручниками.

За барной стойкой одинокий Дмитрий читал автомобильный журнал. Это смуглый грек с волосами цвета меда, красавчик, с двенадцати лет умеющий находить путь в любую постель. Бар принадлежал его дедушке, и Дмитрий работал здесь уже много лет, правда, теперь только по выходным, когда был свободен от занятий в Массачусетском университете. Увидев меня, он улыбнулся и, отложив журнал, подошел принять заказ. Я попросил «саб» со всем прилагающимся.

Над дверью звякнул звонок. Я напрягся, почувствовав в вошедшем эльфа. Того самого, что околачивался возле моего дома. Эльф бросил на прилавок пакетик жевательной резинки. Дмитрий вернулся за кассу, вытер руки полотенцем и пробил покупку.

Я неторопливо повернулся. Эльф был чуть пониже меня, приличного сложения, в старых джинсах и белой футболке. В мочке правого уха — два крохотных колечка, половину лица закрывают солнцезащитные очки. Не люблю тех, кто носит ночью темные очки. Эльф мельком взглянул на меня, забрал пакетик и сдачу и вышел.

Дмитрий вернулся ко мне, закончил с сэндвичем, завернул его в плотную бумагу, и мы отошли к кассе. Я протянул бумажку.

— Ты раньше его видел?

Дмитрий покачал головой и протянул сдачу.

— Только сегодня. Заходил около часа назад.

— Спасибо.

Он уже закрылся журналом.

Выйдя, я с минуту постоял за дверью. Улица снова выглядела пустынной, но след эльфа уходил вправо, к моему дому. Я огляделся, покачал головой, ругая себя за необоснованную подозрительность, и зашагал в том же направлении. Эльф скорее всего приходил на вечеринку, и не мужское дело поддаваться параною и прятаться в кусты при первом же подозрении на опасность. Свернув за угол, я невольно усмехнулся — типичная для фильма сцена, когда зрители, наблюдая за героем, думают: и какого черта этот придурок свернул за угол?

Слипер-стрит была тиха. Слишком тиха, подумал я, вживаясь в роль туповатого, но упрямого героя, и усмехнулся — Слипер-стрит тиха всегда, поэтому она мне и нравится. У тротуара приткнулось несколько автомобилей, рядом старый холодильник, разваливающиеся от сырости коробки и битые бутылки. На противоположной стороне, у складов, не парковался никто — развозчики появляются слишком рано, и никому не хочется вставать чуть свет и отгонять машину, чтобы освободить проезд.

Вглядываясь в темноту у дома, я обнаружил признаки сомнительной активности. В следующую секунду молния на секунду осветила улицу и стоящего у угла дома эльфа с короткой, военного образца стрижкой, в обтягивающей майке и коротких шортах. Заметив меня, он оттолкнулся от стены и прогулочной походкой двинулся навстречу. Я заранее активировал защиту. Эльфа, который недавно заходил в «Безымянный», видно нигде не было, хотя опередить меня намного он не мог.

Я остановился и сделал вид, что завязываю шнурки. Если тот парень, что идет навстречу, простой прохожий, пусть сочтет меня трусоватым обывателем. Выпрямляясь, я незаметно вынул из ботинка нож, замаскировав движение сэндвичем, и прижал шестидюймовое лезвие к предплечью. Шаги звучали теперь и за спиной. Я оглянулся через плечо и увидел эльфа из бара. Должно быть он где-то срезал. Плохой знак. Нас разделяло

примерно тридцать футов, но расстояние быстро сокращалось. В ушах зашумело — в кровь хлынул адреналин. Я отступил с тротуара на проезжую часть. Тот, что шел навстречу, сделал то же самое. Еще один плохой знак.

Я шел с прежней скоростью, сближаясь и делая вид, что не замечаю ничего необычного. Шаги за спиной звучали все громче. Эльф с военной стрижкой уже не притворялся и пер прямо на меня. Когда расстояние сократилось до десяти футов, я рванул вперед и, пробегая мимо, ударил его ногой в грудь. Не ожидавший такого подвоха, эльф завалился на задницу, а я порадовался выражению недоумения и растерянности на гнусной физиономии.

В следующий момент я принял боевую стойку, отбросил сэндвич и выставил нож. Второй эльф бежал ко мне, громко крича по-немецки. Меня ударила парализующая волна. Не рискуя вступать в схватку, эльф попытался обездвигить противника примитивным, школьным заклинанием. Наверное, его так и не предупредили, что кое-какие способности у меня еще остались. С первым, простым выпадом моя защита справилась, но более изощренную атаку могла пропустить. Я машинально пробормотал собственное защитное заклинание, совершенно забыв, что не пользовался им уже несколько месяцев. Болезненный спазм прошел голову, колени подогнулись.

Враг снова читал заклинание, сосредоточившись на обездвигении. Я сделал выпад, целя в него ножом. Он легко ушел в сторону да еще самоуверенно ухмыльнулся. Тем не менее маневр показал, что я имею дело не с профессионалом. Главное в такой схватке — избегать контакта и попытаться отвлечь нападающего от заклинания, не дать ему сконцентрироваться. Противник не только отвлекся, но и увернулся не в ту сторону, в результате чего потерял тактическое преимущество и предоставил мне возможность вырваться из тисков. Я снова побежал, понимая, что буду в безопасности, если достигну дома. Предвидя подобную ситуацию, я заранее настроил переднюю дверь на звук своего голоса. Укрыться в вестибюле, а там уж им меня не достать.

Что-то ударило сзади под колени. Я упал, перекатился на спину и попытался подняться, но эльф в шортах схватил меня за рубашку и врезал кулаком в лицо. Защиты хватило только на то, чтобы изменить траекторию, и кулак скользнул по скуле. И все равно больно. Другой эльф, держась на безопасном расстоянии, начал читать заклинание уже в третий раз. Чувствуя, как наливаются тяжестью члены, и понимая, что вот-вот лишусь способности передвигаться, я последним усилием подался вверх и заключил неприятеля в объятия. Мы рухнули на землю, сплетясь руками и ногами. Я бы посмеялся, если бы ситуация была не столь драматична. Спасти на этот раз удалось за счет врага, сыгравшего роль щита. Парень в джинсах был новичком в делах заклятия и для нанесения точного удара должен был ясно видеть изолированную цель. Я выиграл еще один раунд.

Прежде чем эльф в шортах успел сообразить, что к чему, я укусил его за плечо. Такого хода от мужчины обычно никто не ожидает. Что и говорить, грязный прием, но и нападать вдвоем на одного тоже нечестно. Он вскрикнул — отрывисто, по-собачьи — и отпрянул. Я неуклюже поднялся. До дома было еще слишком далеко, чтобы всерьез рассчитывать добежать на двери на виду у заклинателя, поэтому я повернулся и побежал к нему, выставив перед собой, как копьё, нож. Парень попытался довести дело до конца, но так и не понял, что нож — всего лишь отвлекающий прием. Я вовсе не хотел его убивать. В последний момент он отступил в страхе, не спуская глаз с лезвия, и пропустил удар кулаком в горло. Вскрикнув от боли, бедняга вскинул руки и, получив добрый пинок коленом в живот, свалился.

Секундой позже мерзавец в шортах дал мне кулаком по почкам, и я неуклюже свалился на заклинателя, который схватил меня за ноги. Пришлось врезать ему по-настоящему. Лезвие рассекло рубашку, и рана наполнилась кровью, но эльф не разжал руки. Второй выбил нож у меня из руки и двинул ногой по ребрам. Дальше было бы хуже, но тут над нашими головами блеснула белая молния. Электрический разряд опалил кожу на голове.

— Назад!

Мы замерли. В конце улицы появился темный силуэт женщины, шедшей к нам с

протянутой вверх ладонью рукой. Тот, что в шортах, решил проигнорировать угрозу и ударил меня еще раз. Из носа потекла кровь. В тот же миг вспышка света пронзила ночь и отправила драчуна в нокдаун.

Женщина подошла ближе.

— Я же сказала — назад!

Заклинатель разжал руки и отполз в сторонку.

— Убирайтесь или будете иметь дело со мной! — крикнула она, сопровождая слова еще одним выбросом энергии. Получилось убедительно, и оба эльфа в считанные секунды убрались восвояси.

Я сел и осторожно потрогал нос. Кровь еще шла, и я никак не мог разобраться, кто мой спаситель. Незнакомка держалась в темноте и, лишь подойдя ближе, попала под свет уличного фонаря.

— Привет, Кива!

Она опустила рядом со мной на колено и озабоченно заглянула в лицо.

— Сломали нос?

Я покачал головой.

— Все не так уж плохо.

Кива протянула руку к моему лицу.

— Если не возражаешь, я помогу. Целитель из меня неважный, но боль приглушить умею. — И действительно, я ощутил рассеявший боль прилив тепла. А вот кровь продолжала капать.

Мы поднялись.

— Не трать время. Иди за ними.

— Все кончено, Коннор.

— Они же пытались меня убить!

Кива вздохнула и тряхнула головой, отчего ее длинные рыжие пряди запрыгали.

— Только ты умеешь превратить уличную драку в заговор с целью убийства.

Я стащил футболку, смял ее и осторожно прижал к носу.

— Что ты здесь делаешь?

— Как обычно, спасаю твою задницу.

— Интересно бы узнать, как ты попала на мою улицу.

— Не твое дело. — Кива отвернулась и сделала шаг прочь. Я схватил ее за руку, и она обожгла меня возмущенным взглядом. — Как ты смеешь!

Я убрал руку.

— Меня сказками про верность не проведешь. Мне на это все наплевать. Я только хочу знать, что ты здесь делаешь, и ты мне расскажешь, а иначе неприятностей не оберешься.

Она поджала губы. Убедительных фактов не было, но когда-то мы работали вместе, а потому знали друг друга неплохо. Кива с сомнением посмотрела на меня, пытаясь определить, блефую я или нет.

— Я веду здесь расследование по заданию Макдуина.

— А как в твоё расследование вписываюсь я? Почему ты следила за мной?

Она сложила руки на груди.

— Я за тобой не следила. И думать не думала, что встретимся. В общем, имей в виду — увижу в следующий раз, что бьют, вмешиваться не стану.

Я еще раз потрогал нос. Кровотечение прекратилось, но переносица уже распухла. Хорошо зная Киву, я понимал — большего от нее не добиться, да и невозможно заставить человека рассказать больше, чем ему известно.

— И кто же сейчас занимается серийными убийствами? — спросил я, наклоняясь, чтобы поднять нож.

Кива самодовольно усмехнулась.

— Я. Как и обещала. Макдуин сегодня весь день просматривал файлы, а завтра передает их мне.

— Помощь нужна?

Она, как и следовало ожидать, рассмеялась.

— Ты меня удивляешь, Коннор. Макдуин тебя и близко к делу не подпустит.

Я пожал плечами.

— Ему знать необязательно.

— Он все равно узнает. Может быть, за нами и сейчас наблюдают.

Я сложил окровавленную футболку, вытер кровь на верхней губе и приложил чистый уголок к носу.

— Нравится работать в таких условиях?

Она сделала вид, что рассматривает что-то на земле.

— В данный момент меня это устраивает. Держись подальше, Коннор, иначе Макдуин привлечет тебя за воспрепятствование расследованию. Ты уже и так отличился, унес вещественное доказательство с места преступления.

— Послушай, Кива. Я здесь родился. И пусть я иной, но у меня вдобавок еще и американское гражданство. Это с другими Макдуин может вытворять что захочет, а со мной ему лучше не связываться. Согласия комиссара он не получит, а федеральный суд будет долго думать, прежде чем выписать постановление по столь незначительному обвинению.

— Ты все-таки держись в сторонке.

— Обойдусь без твоих советов. И отступать не собираюсь. — Я отвернулся и сделал несколько шагов в сторону Саммер-стрит. Сэндвич лежал на месте. Пакет, к счастью, не порвался. Я подобрал его, развернулся и молча прошел мимо бывшей напарницы.

— Знаешь, я ведь тоже могу тебе жизнь испортить, — бросила она мне вслед.

Я оглянулся, но останавливаться не стал.

— Кива, я только что забрал из канавы свой ужин. Сомневаюсь, что ты в состоянии испортить *такую* жизнь.

Глава 12

Резиденция Мердоков на К-стрит в южном Бостоне выглядела расслабленно-молчаливой, как и многие здания в этой части города по воскресеньям. Ухоженный дом с террасой, строгими черными ставнями над многостворчатыми окнами, растянувшимися по кирпичному фасаду, и закрытой зеленой дверью. В бетонной урне на верхней ступеньке белые петунии. Все в высшей степени достойно, почтенно и респектабельно. Неловко топчась на тротуаре, я уповал на то, что пришел после службы. Мердоки были почтенными католиками и примерно посещали церковь, а месса, как подсказывала мне память, заканчивалась около полудня. Зная, что обед назначен на два, я спланировал появиться около часа. В прошлый раз дверь была открыта, кто-то приходил, кто-то уходил, и никто, похоже, не стучался. Так, наверно, здесь принято, но я, хотя и прожил всю жизнь в нескольких кварталах от К-стрит, к такой простоте не привык. Подобная фамильярность предполагает семью или очень близких друзей. Пока я топтался на месте, решая, что лучше — позвонить или постучать, — кто-то произнес мое имя. Я обернулся...

...и облегченно вздохнул, увидев Кевина Мердока. Все утро мне не давала покоя проблема, как одеться к обеду. В конце концов я решил, что в такую жару против шортов возражать не станет даже комиссар, но на всякий случай смягчил возможный шок тем, что натянул рубашку-поло. Тревога рассеялась при виде Кевина, на котором были футболка и длинные шорты. В одной руке он держал пакет с хлебом, другую протягивал мне.

— Отлично выглядишь! А как тот парень, твой противник? — поинтересовался Кевин, поднимаясь вместе со мной по ступенькам.

Я машинально потрогал скулу и моргнул от боли. Опухоль на скуле еще держалась, под левым глазом темнел синяк, а на переносице краснела ссадина.

— Думаю, разбил ему очки.

— Очки? — Кевин присвистнул. — Здорово. Надеюсь, «оукли»?

За порогом нас встретила непривычная тишина.

— Боюсь, что-то подешевле.

Мы прошли через холл, пересекли гостиную и свернули в кухню, заполненную ароматами тушеного мяса. Кевин положил хлеб на розовый стол «формика», открыл холодильник, протянул мне банку пива и начал доставать из шкафчика тарелки. Потом он проверил плиту, попробовал блюдо и, подумав, добавил специй. Наблюдая за Кевином, я не мог избавиться от ощущения, что думаю о нем как о ребенке. Он был младшим из семи детей и лишь недавно перешагнул двадцатилетний рубеж. Принимая во внимание, что разница между ним и младшим из остальных детей составляла около десяти лет, Кевин, вероятно, появился на свет не совсем по плану. Он даже на Мердока почти не походил, хотя, с другой стороны, я ни разу не встречался с миссис Мердок. Она умерла лет пятнадцать назад, и разговоры на эту тему в семье не поощрялись.

— Вижу, ты заделался поваром.

Он снова заглянул в холодильник.

— У нас здесь свой график. Все наверху, на крыше. Поднимайся, если хочешь пообщаться. Придется еще немного подождать. Я позову.

Я еще никогда не поднимался выше второго этажа, а потому решил воспользоваться предложением. На первой лестничной площадке о чем-то беседовали двое мужчин, в одном из которых я узнал члена городского совета. Они рассеянно кивнули мне и продолжали разговаривать. На следующем этаже Грейс Мердок и ее сестра Фейт обсуждали что-то с двумя женщинами. Мне они помахали, как бы говоря, хочешь, присоединяйся к нам, хочешь, проходи — решай сам. Я знал их только наглядно, а потому помахал в ответ и прошел мимо. Бывая в обществе Мердока, мне всегда приходится напоминать себе, что имена его сестер не предмет для шуток. В любом случае религиозных убеждений комиссара хватало на все семейство. На двух следующих этажах находились еще несколько спален, в том числе спальня главы семьи за закрытой дверью. Слева от двери — последний, короткий лестничный пролет, не предусмотренный первоначальным проектом и появившийся позже, когда хозяева отбросили наконец старые привычки и начали подниматься на крышу.

Я сделал последний шаг и прищурился от ударившего в глаза солнечного света. Знакомых лиц хватало — сам Мердок, его брат Бар, комиссар, пара ребят полицейской наружности, местный активист, имени которого я не знал, — но были и незнакомые.

— Рад, что пришел, — раздался за спиной голос Мердока. Я повернулся, и он изобразил притворное удивление. — Ух ты! Не расскажешь, что случилось?

— Скажем так, обычная заварушка с плохим исходом.

Он ухмыльнулся.

— Надо было позвать полицию.

— Помощь пришла, откуда не ждал.

Мердок посмотрел на меня с интересом, потом рассмеялся.

— У нас тут правила: по воскресеньям никаких разговоров о делах. Сейчас я тебя со всеми познакомлю. — Он быстро и вполголоса перечислил гостей, давая каждому короткую характеристику. Почти все были в той или иной степени связаны с политикой, что вовсе не показалось мне странным, учитывая, в чьем доме мы собрались.

— Никогда бы не подумал, что отсюда видна бухта, — сказал я, меняя тему. Дом Мердоков стоял посреди квартала, и с его крыши открывался вид на Вейрд и центр города — к северу и бухту — на востоке. К югу и западу растянулись пригороды Дорчестера и Роксбери. Задумай хозяева продать особняк, взяли бы хорошие деньги.

— Они погубят игру! От нее ничего не останется! — говорил мужчина, стоявший рядом со мной, но обращавшийся к комиссару. Мердок назвал его местным фандрайзером. Я едва не застонал от отчаяния, уже представляя, что будет дальше. Один фейри только что одержал победу в Верховном суде, признавшем его право выступать за «Ред Сокс». В Бостоне, где бейсбол правит если не умами, то сердцами болельщиков, решение вызвало

бурю эмоций.

— Поживем — увидим, — дипломатично отозвался комиссар.

Собеседник в ужасе посмотрел на него.

— Поживем — увидим? Что вы такое говорите? Наши парни просто не выдержат конкуренции! Они же будут летать от базы к базе, и никто их не остановит! Где появился один, там появится другой, а закончится тем, что за «Ред Сокс» будут выступать одни фейри!

Комиссар незаметно огляделся, словно желая убедиться, что рядом нет посторонних.

— Согласен, в конце концов именно этим наверное и закончится. Но, знаете, иногда единственный способ бороться с пожаром — устроить другой пожар. — Фандрайзер закивал. Комиссар положил руку ему на плечо. — Иные может быть и лезут туда, где их не ждут, но, видит бог, нам нужен новый аутфилд.

— Что? — Фандрайзер изумленно уставился на хозяина дома, ухмыльнулся и покачал головой. — Ну, вы скажете, комиссар!

Мердок снисходительно улыбнулся.

— Что ж, полагаю, обед уже готов.

Его собеседник снова рассмеялся и послушно последовал за комиссаром вниз.

Я попал в столовую едва ли не последним, когда борьба за лучшие места уже закончилась, и в результате оказался между тем самым фандрайзером и симпатичной чернокожей женщиной из некоммерческого совета по искусству. Обед подали в семейном стиле, и люди, которые в иных обстоятельствах никогда бы не сели за один стол, с преувеличенной вежливостью передавали друг другу блюда. Все шло чинно и благопристойно до тех пор, пока запас милых банальностей не был исчерпан, и кто-то не произнес нечто колкое.

Жалоба на слабое финансирование искусства не зацепила бы внимание, если бы сидевшая слева женщина не добавила:

— И, конечно, никакой помощи от иных.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

Она пожала плечами, больше занятая картошкой на тарелке.

— Сейчас в моду входит искусство иных, и деньги, которые могли бы пойти на счета наших организаций, уходят к ним.

— Но разве в этом виноваты иные, чьи картины хорошо продаются, или люди, которые эти картины покупают?

— Разумеется, виноваты иные, — вмешался фандрайзер, нанизывая на вилку неподъемный кусок тушеного мяса. — Они влезают во все сферы — спорт, политику, искусство.

Беглый взгляд на присутствующих позволил удостовериться, что иных за столом нет.

— Вам не кажется, что это слишком категорическое заявление? — Я попытался сохранить нейтральный тон.

— Когда кто-то возит по холсту вымазанными краской остроконечными ушами, меня такая живопись раздражает, — заявила моя соседка. — Идея не нова, а продается только потому, что этим занимаются сейчас иные.

— А сейчас они пытаются получить статус меньшинства, чтобы внедриться в другие районы города и испоганить их так же, как уже испоганили Вейрд, — добавил фандрайзер.

Я отпил воды — оставаться спокойным было все труднее.

— Но иные уже живут по всему городу, даже в южных кварталах.

— О, я имею в виду других, не тех, кто, вроде нас с вами, гнет спину с утра до вечера. Кстати, мы вроде бы не встречались раньше.

— Я — друг Лео. — Называть Мердока по имени было немного непривычно.

— Вы тоже работаете в полиции?

— Нет, управляю художественной галереей для друидов.

Фандрайзер усмехнулся.

— Сегодня все комедианты.

— Не вижу ничего смешного, — сердито бросила соседка, слегка поворачиваясь ко мне спиной. После этого разговор умер сам собой. Немного погодя я взглянул на комиссара. Он слушал сидевшего слева от него мужчину, но смотрел при этом на меня. Выражение его лица не менялось, наверно, целую минуту, потом по губам скользнула легкая улыбка. А кто-то еще уверял меня, что по воскресеньям в этом доме о делах не говорят. Как же!

После обеда я задержался в гостиной, прикидывая, как бы убраться отсюда, не обидев хозяев и соблюдая требования приличий. Разговор то и дело сбивался на жалобы на иных, и я отделялся тем, что кивал или отпускал общие замечания, избегая вступать в дискуссию. Удивительно, какое красноречие просыпается в людях, объединенных враждебным отношением к тем, кого они считают чужаками. Нечто подобное я уже наблюдал, когда работал в Гильдии, но здесь уровень озлобленности и даже ненависти был намного выше. А ведь многие из присутствующих считали себя лидерами гражданского общества.

По прошествии часа я, улучив момент, когда комиссар остался один, подошел к нему.

— Спасибо за обед. К сожалению, у меня деловая встреча, так что задерживаться не могу.

— Неужели? — Он произнес это таким тоном, что я сразу почувствовал себя виноватым и испытал сильное желание сказать, что вынужден уйти, потому как не могу оставаться в обществе его гостей. — Что ж, приятно встретиться в менее неприятных обстоятельствах. До свидания. — Хозяин дома улыбнулся, и я промолчал.

Мы обменялись рукопожатием, и я направился к выходу. Уже на пороге меня догнал Мердок.

— Уходишь? Что так рано?

— Ты зачем меня приглашал?

Он оглянулся, вышел на крыльцо и плотно закрыл за собой дверь.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты знал, кто здесь сегодня соберется, но все равно позвал меня. Таких глупостей в отношении иных, какие звучали за обедом, мне давненько не доводилось слышать.

Мердок сложил руки на груди и прислонился к арке входа.

— Подумал, тебе будет полезно узнать, что не ты один не питаешь теплых чувств к Гильдии.

— Ты и сам мог бы мне это сказать.

Он пожал плечами.

— Меня бы ты не услышал.

Я удержался от язвительной реплики. Никому не нравится, когда с ним играют, но в данном случае Мердок был прав. После нескольких глубоких вдохов злость начала рассеиваться.

— Ладно, ты своего добился. Рад?

— Скорее доволен. Тебе свойственно концентрироваться на чем-то одном. Иногда это хорошо. Но на все нужно уметь смотреть со стороны. Гильдия делает то, что делает, не для того, чтобы наступить на мозоль тебе лично. Ее деятельность раздражает и противоречит интересам многих.

— Предлагаешь быть с Гильдией помягче?

— Нет. — Мердок покачал головой. — Я лишь пытаюсь показать, что единственный способ изменить Гильдию это работать не против нее, а с ней. И большинство наших сегодняшних гостей понимают это, хотя открыто и не признают. Именно этим они каждый день и занимаются: пытаются изменить тех, с кем нам приходится жить.

— Даже тех, кто меня ненавидит?

— Путь мира, Коннор, это путь конфликта. Вот что нельзя изменить. А вот способ разрешения конфликта это уже другое дело.

Я с любопытством посмотрел на него.

— Когда это ты стал таким философом?

Он ухмыльнулся.

— Я постоянно говорю: не примеряй все на себя — большего достигнешь и о меньшем придется сожалеть.

Влажный воздух оставлял на коже сырую пленку, но при этом слегка шевелился, склоняя меня к пешей прогулке. Я люблю ходить, но только не в такую гнетущую духоту. Чем дальше на север уходила улица, тем заметнее менялся ее облик: чистенькие, аккуратные домики уступали место низким, вытянутым строениям, еще служившим кому-то офисами и складами. По воскресеньям здесь было тихо и пустынно. За Конгресс-стрит начинался Вейрд. Машин стало больше, но прохожие так и не появились. Я словно совершал переход от согласия и довольства к унынию и депрессии.

Слова Мердока о необходимости работать с системой всколыхнули мысли. Верное заключение, но при одном условии — стремление к такой работе должно быть взаимным. В настоящий момент Гильдия его не демонстрировала. Может быть, попробовать подтолкнуть ее к сотрудничеству?

Я включил компьютер и привел в действие учетные записи пользователей, установленные мною на различных серверах. Открываясь и закрываясь, они замечали следы моего путешествия по интернету. Из Бостона в Техас, из Техаса в Мексику, оттуда в Японию. Из Японии я отправился в одно киберкафе в Малайзии, часто используемое мальчишками для запуска вирусов, вследствие чего на сервере всегда творилось черт знает что, но зато он прекрасно подходил в качестве прикрытия. Из Малайзии я перепрыгнул в Марокко, а уже оттуда вышел на бостонское отделение Гильдии. Я вбил идентификатор пользователя, пароль и щелкнул клавишей, но наткнулся на требование подтвердить пароль. Надеюсь, что дело в простой опечатке, я повторил операцию. И снова то же требование.

— Черт. — Я потер глаза и откинулся на спинку стула. Задняя дверь в систему оказалась закрытой. Кто-то устроил проверку и нашел меня, точнее того, за кого я себя выдавал.

Пришлось все начинать сначала, только на этот раз, выйдя к цели с другой стороны, я воспользовался идентификатором одного новичка, поступившего на службу Гильдии сравнительно недавно. Проблем не возникло, если не считать того, что я получил низший уровень доступа.

Пошныряв по директориям, я остановился. Установка еще одной учетной записи отняла бы слишком много времени. Не лучше ли воспользоваться паролем Макдуина? Имея за спиной немалый опыт работы, я знал, как действует система, как устанавливаются пароли и где их искать. С другой стороны, мои активные действия могли привлечь внимание. Не исключено, что обнаружив следы проникновения, они повысили бдительность и контролируют каждую попытку несанкционированного входа. Я знал парней из технического отдела и сам научил их в свое время кое-каким штучкам. Нет, пожалуй, безопаснее поискать номер удаленного доступа.

Не выходя из системы, я прошел к файлам паролей. Не так уж и трудно, как можно подумать. Я нашел нужный файл, поискал другую запись с тем же номером доступа и с удивлением обнаружил, что ничего такого нет. Помогло, как часто в таких случаях, вдохновение. Я вошел в системный журнал и вскоре наткнулся на нужный номер.

— Есть, — тихонько пробормотал я себе под нос и, воспользовавшись незаконным телефонным номером в качестве критерия поиска, скопировал файл с кодами Мирил и выскочил из системы. Потом связался с первым попавшим под руку местным университетом, запустил программу взлома и поставил ей задачу взломать пароль Мирил. Студентам дозволено многое, и внимания на них никто не обращает, пока они не начинают мешать другим.

Пока программа работала, я приготовил кофе и устроился на кровати с томиком Вудбери «Магия камня: простое объяснение», солидным исследованием в тысячу страниц и очень мелким шрифтом. Что мне нравится у автора, так это его нехитрые советы насчет

камней. Например, такой: когда ничего больше не остается, бросьте камни. Я открыл раздел, посвященный селениту. В книге приводилось множество примеров использования этого кристалла. Компьютер мягко напомнил о себе.

Я перешел в кабинет с чашкой кофе и опустился на стул. Программа вскрыла пароль: «Привет, Коннор». Несколько секунд я в недоумении таращился на экран, потом громко и от души расхохотался. Потом вбил имя и пароль.

Экран потемнел, и предо мной медленно появились древние каменные ворота с надписью на перемычке: *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*. Затем ворога растаяли, сменившись стандартным рабочим столом Windows. В текстовом окне выскочила надпись: «Возьми трубку».

Зазвонил телефон. Я вздрогнул и схватил трубку.

— Тебе понадобилось даже меньше времени, чем я рассчитывала. Молодец, — сказала Мирил.

— Нравится играть моей головой?

— Секундочку. — Что-то щелкнуло. Зажигалка? Кто-то негромко выругался. Волна статических разрядов выплеснулась из трубки и как будто заключила мою голову в непроницаемый для сигналов извне кожух. Трубка приклеилась к уху. Рука онемела. Мирил хихикнула. — Вот теперь я и впрямь играю твоей головой. Не хочу, чтобы кто-то отследил звонок или подслушал разговор.

— Как ты узнала, что я проник в систему?

Она затянулась сигаретой.

— Моим компьютером не интересуются либо те, кто ничего в них не смыслит, либо те, кто знает, как им пользоваться. Недавно устраивали чистку, так что тебя вымели. Я знала, что ты вот-вот объявишься.

— И что теперь?

— Заходи и чувствуй себя как дома. Я в общем-то представляю, куда ты можешь заглянуть, и кое-какие участки все-таки закрыла.

— А если мне понадобится заглянуть именно туда?

— Мы же не на переговорах, Коннор. Я защищаю свой доступ. Ты заходишь туда, куда тебе вход закрыт, и сессия заканчивается. Думаю, не стоит говорить, что после выхода эта линия исчезнет.

— А если меня поймают, секретарь сделает заявление, что впервые слышит о моих секретных операциях? — съязвил я.

— Гильдия от тебя уже отреклась.

— Ладно, что собираешься делать?

Я представил, как она пожимает плечами.

— Приятно, когда люди у тебя в долгу. За тобой теперь большой должок. Если тебя поймают, я сделаю так, что твой новый ящик никогда не заработает. Так что пользуйся моей добротой и не задерживайся. — Мирил отключилась. Окружавший голову пузырь статики лопнул, как мыльный. Я положил трубку. Ловкая чертовка. Только вот в какую игру она со мной играет? Что-то подсказывало, что следуя за ней, рано или поздно угодишь в ад.

Пока однако ничего другого не оставалось, как только подчиняться чужим правилам. Туда и назад. Догадавшись, что меня интересуют файлы Макдуина, Мирил оставил их открытыми. Я посмотрел, над какими документами он работал в последнее время и к каким источникам информации обращался, и снял копии всего, что выглядело более или менее интересно. Выяснилось, что Макдуин немало времени провел в библиотеке Гильдии. Я проник в библиотечный журнал регистрации и перебросил себе результаты его поисков. Потом зашел в открытую базу и скопировал все, что относилось к убийствам и краже селенита.

Я даже успел просмотреть файлы Кивы. Мирил заблокировала электронную почту, но в отношении всего прочего предоставила мне полную свободу действий. Кива работала осторожно и оставила только один электронный след, так что я не стал ничего открывать.

Меня так и подмывало влезть в ее электронные письма, но, надо признать, двигало мною не столько желание почитать их, сколько самолюбие. В конце концов я не стал ничего трогать, решив, что обязан проявить уважение к бывшей напарнице хотя бы в знак признательности за ее недавнее вмешательство. К тому же у меня почему-то сложилось впечатление, что она помогает больше, чем готова признать.

Ну, что еще? Я смотрел на экран, заставляя себя придумать что-нибудь гениальное. Задерживаться в системе было нельзя, а повторная попытка могла занять слишком много времени. Я не знал, насколько хорошо замаскировал этот канал, и не хотел рисковать. Нервно, как покупатель в последнюю минуту перед закрытием магазина, я пробежал мысленно по списку, вздохнул и вышел.

С минуту я еще смотрел на новые файлы на моем рабочем столе. Заниматься такими вещами мне еще не доводилось. Конечно, я проникал в систему с заднего хода и заглядывал в чужие документы, охотясь за информацией, которой со мной отказывались поделиться, но никогда не считал это кражей, внушая себе, что имею право знать то, значения чего не понимают другие. Сегодня я впервые взял то, на что не имел ни малейшего права.

Может быть, подумал я вдруг, проникнув в Гильдию невидимкой, я и впрямь реализовал сон Мирил и скрепил собственную судьбу. Но если так, если мне суждено умереть, то почему бы не узнать, ради чего?

Я открыл файлы.

Глава 13

Меня разбудил хруст. Перекатившись на другой бок, я выглянул в кухню, через окно которой уже вливалась серая предрассветная мгла. Стинкворт сидел на краю стойки, свесив ноги. Рядом с ним лежал почти пустой пакет печенья. Я откинулся на подушку и потер глаза.

— И где тебя носило?

— Был занят. — В следующее мгновение его голос прозвучал уже ближе. — Около часа назад получил полудохлого светляка.

Я снова открыл глаза. Стинкворт порхал в футе от моей головы.

— Знаешь, мне есть что сказать, но не хочу начинать утро с крика.

Он пожал плечами.

— Ну так не кричи. Шевелись, вставай. Солнце всходит.

Я спустил ноги с кровати. Стинкворт сбросил тунику, и она спикировала на кофейный столик. Расправив крылья и раскинув руки, он подлетел к окну. Я поднялся и быстро сложил постель. Солнце прорезало линию горизонта, и мы вместе начали приветственный ритуал. Флит летал надо мной, выполняя сложные фигуры и время от времени касаясь моей кожи кончиком крыла. Вскоре мы уже двигались в едином ритме, вбирая солнечную энергию и отражая ее друг на друга. Приятный резонанс соединил наши тела, углубляя амплитуду движений. Чувственность без сексуальности. Вместе с расслабленностью пришли новые ощущения. Тело сделалось гибким и текучим, более восприимчивым к мелодии ритуала и пластичным, а крылья у Стинкворта вспыхнули белым сиянием. Растворившись в кружащем свете, я остановился, и в тот же миг поднявшееся полностью солнце вспыхнуло в моих глазах, наполняя все мое естество ощущением восторга.

Мы еще долго молчали. Чувствуя себя одновременно выжатым и полным сил, я отправился в ванну, а когда вышел, Стинкворт уже сидел на кофейном столике.

— Что это было?

Он потянулся.

— Теперь ты знаешь, почему флиты предпочитают приветствовать солнце вместе.

— Невероятно! Мне уже давно не было так хорошо. Даже голова не болит. — Голова действительно не болела. Затемнение постоянно напоминало о себе ноющей болью, степенью которой я и измерял свое самочувствие.

— Флиты это умеют. Мы можем управлять потоками чужой сущности. Когда клан

флитов собирается вместе, мы способны генерировать огромную силу. Дананн Сидхе тоже это умеют, но у них ведь даже двое никогда не сговорятся. А вы, друиды, не летаете.

Говоря это, он сгибал и разгибал пальцы и разминал левую руку. Отчетливый белый шрам на предплечье ясно показывал извилистый путь ножа.

— Как твоя рука?

Стинкворт пошевелил пальцами.

— По утрам немного немеет, и прежней силы в ней я уже не чувствую. А вот правую Бриаллен сделала сильнее. Я воспринимаю это как знак того, что левая навсегда останется слабой.

— Тебе не стоило драться с ним в одиночку.

Стинкворт отлетел к окну, опустился на подоконник и выглянул на улицу.

— Не хочу об этом говорить. А что с твоим глазом?

— Так, ерунда. Досталось немного. Где ты был?

— Искал этого ползучего *сарфа*.

— И что?

— Ничего. Я предупредил всех наших, но его никто не чувствует. Где бы он ни спрятался, защита у него сильная. Что нового у тебя?

— Выкрал файлы из базы данных Гильдии.

Стинкворт посмотрел на меня довольно равнодушно.

— И все?

— Это полный провал, Джо. Я запрещал себе делать что-либо подобное, потому что такой шаг — это жест отчаяния. Это означает, что я уже никогда не обрету былых возможностей. Я украл, потому что иных средств решения проблемы у меня больше нет.

Он по-прежнему смотрел в окно, за которым не было ничего, кроме серых доков.

— И вот ты украл файлы. И что тут такого?

— Что такого? Я опустился на самое дно. Я ни на что больше не способен.

Стинкворт задумчиво постучал себя по подбородку.

— Чушь.

— Только не жалея меня, Джо. И не делай вид, что ничего не случилось. Будь я прежним, давно бы поймал того ублюдка. Заглянул бы в магический кристалл и все понял. Проследил бы его путь от места первого убийства. Да и в последний раз взял бы мерзавца голыми руками. Будь я прежним, Танси осталась бы жива.

Джо сел на подоконник и сложил руки на груди.

— Коннор, я прожил слишком долгую жизнь, чтобы играть в эту игру. Ты сам знаешь, что это бессмысленно. Каждый пользуется тем, что имеет. Будь не так, все флиты сделались бы фейри.

Я невольно улыбнулся. Поговорку эту вспоминали разве что старушки. Подразумевалось, конечно, что все, особенно флиты, мечтают быть фейри. Ни от одного флита ничего подобного мне слышать не доводилось. Взглянув на Стинкворта, я успел заметить на его губах кривую ухмылку. Среди людей можно найти таких, кто хотел бы стать кем-то еще, но никто из сородичей Джо не завидовал фейри.

— Мне от этого не легче.

Стинкворт вспорхнул с подоконника.

— Все, Коннор. Мне пора.

— Думаю, я знаю, какой кровавый ритуал он использует. — Джо замер и оглянулся через плечо. Я устроился поудобнее. — Дело в том, что мне повезло найти одно очень сильное заклинание. Для приведения заклинания в действие требуется кровь. Кровь козы. Полагаю, кровь фейри дает больший эффект.

— Коннор, прекрати!

— Заклинание временное, но действительно способствует усилению сущности заклинателя. Что не совсем понятно, так это замена рекомендуемого камня, кровавика, на селенит. Последний больше используется в лунных ритуалах, которые, как нам теперь

известно, тоже играют здесь некоторую роль. Думаю, селенит просто сильнее кровавика.

— Коннор...

Я не собирался умолкать.

— Главная проблема — временная природа заклятия. Осмелюсь предположить, что он умирает и пытается спастись через ритуал крови. Все остальные дети-ска умерли. Он понимает, что не может постоянно убивать фейри. Вероятно, ему удалось отыскать способ сохранения украденной сущности. Но согласно тем данным, что у меня есть, для запуска заклинания требуется огромная сила. Будь она у него, не пришлось бы и убивать. Вероятнее всего это как-то связано с селенитом. А ты что думаешь?

— Думаю, ты совсем рехнулся. С кровавыми ритуалами не шутят. И эксперименты с ними до добра не доведут. А у меня слишком много других дел, чтобы еще и за тобой присматривать.

— Расскажи, что ты знаешь о них.

— Поверь, Коннор, ты не в том состоянии, чтобы связываться с такими опасными обрядами. Если что-то пойдет не так, шишками не отделаешься. Спроси леди Бриаллен. Она знает.

— Я уже спрашивал. Она отказала.

Стинкворт развел руками.

— Вот видишь. Если уж она отказала, то я тем более слова не скажу. Успокойся, Коннор. Отступись. Держись подальше от этого дела. Пусть им занимается Гильдия.

— Послушай, Джо. Я не собираюсь сам исполнять ритуал. Я лишь хочу понять, что он собой представляет.

— Хочешь понять, подходи к вопросу разумно. Мы оба в ту ночь уловили его запах. Помоги мне отыскать след.

Я показал на распухший нос.

— Не могу. Ничего не чувствую.

Он посмотрел на меня задумчиво.

— Ладно. Я сам его отыщу. Отдыхай. — С этими словами Стинкворт исчез.

— Отлично, — пробормотал я, откидываясь на спинку кресла и глядя в потолок. — Просто замечательно. — Озабоченность Джо понять нетрудно. Существует множество заклинаний, овладеть которыми можно и без каких-то особенных способностей. Даже человек может активировать чары при наличии соответствующего инструментария. Четыре элемента Воздуха, Воды, Огня и Земли способны вызвать сущность из естественного окружения. При соответствующей подготовке срабатывает даже самое простое заклинание. Сила слов может изменить природный ток сущности по воле новичка. Проблемы возникают, когда кто-то замахивается на нечто, превосходящее его силы или при отсутствии способностей. Одно дело — потушить на расстоянии свечу, если вам так уж это нужно. Совсем другое — удержать под контролем случайно вызванный пожар.

Независимо от характера ритуала, чар или заклинания, кровь всегда исполняет роль горючего. Одна из первых заповедей для вступившего на путь друида гласит: не играй с кровью. Наказание за нарушение запрета следует самое строгое. Карают даже за мельчайшие прегрешения и даже самых талантливых учеников. Я так и не прошел обряд инициации для работы с кровью, хотя у меня за спиной двадцать лет занятий. Теперь, учитывая мой нынешний прогресс, надеяться на это уже не стоит.

Описание кровавого ритуала я отыскал накануне вечером в одной старинной поэме, вероятно, случайно попавшей в сборник фольклора Восточной Европы. Составитель то ли счел описание вымышленным, то ли вообще его пропустил. Так или иначе, некоторое представление о том, чего можно ожидать от такого обряда, я получил. Там, где неоязычник, возможно лишь усмехнется, настоящий знаток магии обнаружит между строк сокровенный смысл Истины.

И все же подлинным откровением той ночи стали для меня файлы Макдуина. В списке опрошенных по поводу кражи селенита прошлой осенью промелькнуло имя «Деалле С».

Буквой «С» с точкой в Гильдии обозначали обычно Сидхе, а Деалле звалась та самая жительница Бостона, с которой неоднократно и безуспешно пытался связаться Мердок. Шансы на то, что в Бостоне проживали две женщины с одинаковым именем и совпадением по первой букве фамилии были достаточно велики, но то, что они обе оказались связаны с двумя разными расследованиями Гильдии, проходящими под контролем лично Макдуина, представлялись маловероятным. Известий из Германии по поводу Гетина, ребенка от союза эльфа и фейри, не было, но Деалле и ее сын Коркан выглядели в нынешних обстоятельствах перспективной парой.

Я неспешно оделся. Являться к женщине слишком рано не хотелось — а вдруг разозлится, но и поздний визит мог закончиться ничем — вдруг ее снова не будет. Мердок пытался застать Деалле в разное время дня, даже до ухода на работу, но ему не повезло. Я уже решил, что если не застаю хозяйку сейчас, то просто сяду на крыльце и буду ждать.

Деалле жила в южной части города, но совсем рядом с Вейрдом, что существенно сказывалось на ценах. Пройдя по А-стрит, я свернул на Вторую улицу. Уже с первого взгляда становилось ясно, что улица страдает расщеплением личности: здания здесь отличались большим архитектурным разнообразием, как будто район так и не смог определиться, каким хочет быть и как желает выглядеть. Деревянные строения соседствовали с приземистыми складами, а между ними кое-где вклинились двух- и трехэтажные городские особняки. Большинство выглядели заброшенными, но не потому что в них никто не жил, а по причине осторожности обитателей, людей отчаянно старавшихся обеспечить безопасность, но не имевших для этого достаточных средств. Район считался более спокойным, чем Вейрд, но никак не мог сравниться в этом отношении с прочими, куда более тихими кварталами южного Бостона. Здесь не радовали глаз белоснежные петунии вдоль дорожек, а у дверей шуршали прибитые ветром обрывки газет.

Дом, в котором проживала Деалле Сидхе, оказался трехэтажным деревянным особнячком с небольшой верандой и эркером, обозначавшим гостиную. Верхние окна скрывались за ставнями. Когда-то дом был белым, но давно посерел, а краска на стенах облезла. За оградой из металлической сетки виднелся крохотный дворик.

Калитка, когда я взялся за нее, царапнула бетонный тротуар. Возле ступенек валялась визитная карточка. Я подобрал ее. Карточку оставил Мердок. Вторая лежала неподалеку, в траве, чуть в стороне от дорожки. Третью ветер отнес к забору. Неудивительно, что хозяйка так и не позвонила. Да и живет ли она здесь? Я решил попробовать дверь, а если ничего не получится, то хотя бы положить карточку в более надежное место.

Дом хранил молчание. Судя по всему, там никого не было. В присланных Мердоком материалах ничего не говорилось о том, где и кем работает Деалле и работает ли вообще. Поверить в то, что четыре визита двух следователей не дали ни малейшего результата, было трудно. Я снова вышел на А-стрит и свернул за угол. В сточной канаве мелькнуло что-то белое. Я сделал еще несколько шагов, остановился и огляделся. Улица выглядела такой же, как всегда, но меня посетило какое-то странное ощущение дезориентации. Пройдя следующий квартал, я снова остановился, повернулся и решительно зашагал назад, к тому месту, где мелькнуло что-то белое. Это была еще одна визитная карточка. Я подобрал ее, прошелся взглядом по Второй улице и улыбнулся.

Возвратившись к дому Деалле Сидхе, я остановился у калитки и попытался вдохнуть через нос, но ничего не почувствовал — воздух почти не проходил. Я бросил взгляд на визитную карточку Мердока и поднялся по ступенькам. Снова ничего. Ни звука. В доме никого. Ни души. Я побрел назад и, лишь у следующего квартала обнаружил, что все еще держу в руке карточку.

Третья попытка. На этот раз я присмотрелся повнимательнее. Все как у всех. Ничего необычного. Некоторые иные оставляют для посвященных нацарапанные на дверной ручке огамические знаки, которые легко пропустит посторонний, или связку травы над притолокой. Однажды мне даже удалось разглядеть на лужайке шуточное предупреждение «Берегитесь троллей!», образованное особым образом подстриженной травой. Здесь же

ничего подобного не было. Я уже собирался уходить, когда заметил идущую вдоль края плетеного коврика тонкую, словно вырезанную в камне линию. Вот оно что. Деалле не желала принимать посетителей и зарядила камень на крыльце отворотным заклинанием. Паранойя? Или осторожность?

Так или иначе, но поступила женщина мудро. Вместо того, чтобы просто отгонять непрошенных гостей, камень отвечал на естественный вопрос, которым задавался каждый, кто подходил к крыльцу — есть ли кто-нибудь дома? Для всех, кто не был предупрежден хозяйкой, ответ звучал одинаково — никого нет. Все тихо и спокойно. Никто не колотил в дверь. Посетитель просто поворачивался и уходил. Теперь, зная, как действует вард, я мог изменить намерение и уже не спрашивать, есть кто дома или нет? Оставалось только справиться с желанием уйти.

Я сделал глубокий вдох и шагнул к двери, но стоило ступить на коврик, как сила заклятия пробудила во мне паническую тягу бежать отсюда. Стиснув зубы, я ухватился за ручку. В мозгу снова и снова билась одна и та же мысль — в доме никого нет. Я сжал пальцы и попытался заблокировать эту мысль, повторяя про себя, что Деалле здесь, за дверью. Пот выступил на лбу. Изнутри поднималась тошнота. Рука, которую я поднял, чтобы постучать, дрожала от напряжения. Чужая воля гнала меня от дома. И все же я постучал. Звук получился удивительно громкий. Никто не отозвался. Сосредоточив все внимание на кулаке, я постучал еще. И еще. Теперь меня уже не интересовало, есть ли кто дома или нет. Все мое внимание занимал кулак, поднимающийся и опускающийся на дверь.

И она открылась. Напряжение вдруг схлынуло, и я едва не упал. За матовым стеклом проступила невысокая фигура. Я убрал руку с ручки и попытался размять онемевшие пальцы. Костяшки на них покраснели, но по крайней мере не кровоточили.

— Деалле Сидхе? — проговорил я, с трудом двигая губами.

— Да. — Голос у нее был мягкий, с музыкальной ноткой.

— Меня зовут Коннор Грей. Я работал на Гильдию, а сейчас помогаю полиции в одном расследовании. Вы можете уделить мне несколько минут?

Ее лицо расплывалось. Не говоря ни слова, женщина открыла дверь пошире и отступила, приглашая меня войти. Перешагнув порог, я оказался в полутемном холле. Деалле закрыла за мной дверь и указала налево. Невысокого роста, с длинными темными волосами, она была в простеньком белом платье. Морщины на лице — что необычно для феиры — выдавали немалый возраст. Крылья за спиной едва заметно мерцали.

— Я принесу что-нибудь освежающее, — сказала Деалле.

— Вовсе не обязательно. Не утруждайте себя.

Она покачала головой.

— Нет-нет, я принесу. И извините за дверь.

Перед камином стояли полукругом четыре больших кресла. В комнате вообще царил дух викторианской эпохи, примириться с которым помогала безупречная чистота. На столиках и полках теснились фигурки животных, перемежавшиеся старинными часами, подсвечниками и прекрасными шкатулками из металла и дерева. На боковом окне натужно стонал кондиционер, так что обстановка — если не допускать резких движений и быстрых перемещений — вполне уютная. Я опустил в одно из кресел. В голове у основания черепа ощущалась неясная вибрация — очевидно, в доме у Деалле работало не одно заклинание.

Хозяйка вернулась через пару минут с подносом, на котором стояли шесть хрустальных стаканчиков, поставила его на столик и чинно уселась напротив меня.

— Добро пожаловать в мой дом. — Она наклонилась и взяла стаканчик с водой.

Я взял такой же и невольно улыбнулся — Деалле встречала меня по всем правилам старомодного этикета. В Бостоне этот обычай приберегали для особых случаев. После конвергенции он стал восприниматься как признак класса.

— Спасибо. Очень приятно и чудесно освежает, — сказал я, возвращая пустой стаканчик на поднос. Она поставила свой и взяла следующий, с медом. Я последовал ее примеру.

— Надеюсь, вам не составило особенного труда найти мой дом, — заметила Деалле, делая маленький глоток.

— Нет, не составило. — Воспользовавшись паузой, я обвел взглядом комнату и невольно задержался на портрете, стоявшем на каминной полке. На нем был изображен мужчина со странно угловатым лицом, миндалевидными глазами и совершенно лысой головой. Черты лица давали основание предполагать, что он высок, плотен и силен. А еще он очень напоминал незнакомца с полицейского портрета, составленного по описанию Шая. Жаль, но состояние моего несчастного носа не позволяло ощутить его сущность. — Прекрасная комната. Вы должно быть проводите здесь много времени.

— Вы правы. На улице сейчас небезопасно. — Она убрала стаканчик с медом и взяла третий, с виски. — Slainte.

— Ваше здоровье. — Я пригубил виски. Хм, «Джеймсон». Боги любят ирландцев.

— Чем могу вам помочь? — осведомилась наконец Деалле.

— Я бы хотел спросить вас о вашем сыне.

Она опустила глаза.

— Он чем-то провинился?

По крайней мере не надо спрашивать, жив ли он еще.

— Ваш сын дома?

Деалле покачала головой.

— Нет, в школе. Хотя это не совсем школа. Скорее специальное заведение.

— Он болен?

Наши взгляды встретились. Смотреть в глаза старикам занятие не самое приятное. С возрастом в них появляется жутковатая неподвижность и непередаваемое терпение. В глубине ее глаз ощущалась еще и настороженность.

— Теперь это называют по-другому, «умственное отставание». Прогресс очевиден. Лет двадцать назад его бы окрестили дебилом.

— А отец мальчика? Он здесь?

Деалле отвела взгляд.

— Его отец... немец. Я давно не имею от него никаких вестей.

— Мне бы не хотелось ставить вас в неловкое положение, но отец вашего сына... эльф?

Она кивнула.

— Я была счастлива, когда узнала, что забеременела. Прежде у меня не было детей. Я знала о рисках, связанных с рождением ребенка от эльфа и фейри, но не боялась рисковать. Потом, уже после рождения Коркана, его отец ушел от нас.

— Ваш сын давно в больнице?

— Он не в больнице. С ним занимаются по дневной программе. Пять дней в неделю мой сын посещает Институт ребенка. Он вполне функционален, но нуждается в надзоре. Там его обучают базовым навыкам, и там он играет с другими детьми.

— С детьми? Но ведь ему уже пятьдесят лет, не так ли?

Деалле холодно улыбнулась.

— Что для меня пятьдесят лет? Одно мгновенье. Коркан — ребенок. У него ум ребенка.

— Он ходит куда-нибудь один?

— Только в школу и домой.

— А в остальное время? Вы уверены, что он никуда не выходит по ночам, когда вы засыпаете?

Ответ последовал не сразу, и пауза показалась мне вечностью.

— Нет. — Она кивнула в сторону двери. — Здесь хорошая защита. — Я не стал напоминать, что сам прошел через ее защиту, и что сделать то же самое смог бы любой, у кого есть некоторые способности.

— Его поведение изменилось в последнее время?

— Зачем вы пришли, Коннор Грей?

Ее прямой вопрос застал меня врасплох. Разговор в мои планы не входил. Я

рассчитывал проникнуть в дом, обнаружить след сущности и позвонить Мердоку. Не имея веских доказательств, я не мог сказать женщине, что ее сын — маньяк-убийца.

— Я провожу небольшое расследование, касающееся потомства смешанных пар. Возможно, это как-то связано с одним моим делом. Понимание их поведения помогло бы предупредить нежелательные проявления в будущем.

Деалле подалась вперед.

— Что вы имеете в виду под нежелательными проявлениями?

— Меня интересует прежде всего агрессия. В частности, агрессия по отношению к иным.

— Мой сын никому не сделал ничего плохого. — Мне не понравился ее жесткий тон. Похоже, мамаша-медведица уже приготовилась защищать свою территорию.

— Я и не сказал, что он причинил кому-то зло. Но раз уж вы сами затронули эту тему, позвольте спросить: что вы знаете о способностях Коркана?

Деалле пожала плечами.

— Мне говорят, что у него сильная сущность, но сам он этого не понимает. Когда сердится или расстроен чем-то, может немного перевернуть мебель. В Институте над этим работают. Коркан никого пальцем не тронул.

— Можно посмотреть его комнату?

Вопрос удивил ее, так что она отреагировала не сразу.

— Да. А что?

Я пожал плечами.

— Ничего. Просто хочу посмотреть, в какой обстановке он проводит время.

Деалле поднялась и провела меня в холл. Комната Коркана была первой спальней слева. Большую часть пространства занимала большая кровать, застеленная ярко-красным покрывалом с гоночными машинами. У стены стоял деревянный стул с высокой прямой спинкой, под окном — низенький комод. На стенах — желтые и белые кельтские спирали. В центре каждой стены, под потолком — голубые пентаграммы. Судя по слоям краски — голубой перекрывал белый и желтый, — они появились позже.

— Чьи пентаграммы?

— Они помогают сосредоточиться, когда он расстроен. Коркан не понимает, что это имеет отношение к способностям. Мы учим его управлять агрессией, канализировать ее в спокойствие. Поначалу выходило не очень хорошо, но опекун все добавлял и добавлял пентаграммы, и теперь они везде, куда бы Коркан ни повернулся. Кажется, помогает.

Я кивнул, подошел к комоду и дотронулся до ручки.

— Вы позволите?

Она раздраженно нахмурилась, но кивнула. Один за другим я открыл все ящики. В верхнем, под бельем, лежало несколько вполне невинных игрушек. В среднем — ничего, кроме аккуратно сложенных рубашек и брюк. Я постарался оставить их в таком же порядке.

Задвинув нижний ящик, я без разрешения открыл встроенный шкаф. На полках — снова одежда, внизу — обувь, наверху — свитера. Все в полном порядке. Деалле определенно присматривала за сыном. Никаких сердец в бутылке. Впрочем, на это я и не рассчитывал.

— В доме есть другие места, где ваш сын может держать какие-то вещи?

Она покачала головой.

— В гостиную я его не пускаю. Обычно он играет здесь, смотрит телевизор или гуляет во дворе.

— Можно посмотреть двор?

Мы снова вышли в холл, прошли в кухню и остановились перед задней дверью. Я выглянул во двор. Это была крохотная асфальтированная площадка с баскетбольным щитом, двумя мячами в углу и прикованным цепью к забору велосипедом. Ничего необычного. Никакого навеса, где можно что-то спрятать. В голове зашумело сильнее. Наверно, что-то под ковриком у задней двери.

Я оглядел кухню. И тоже ничего особенного. Все то же, что и лет пятьдесят назад. Белые деревянные шкафчики с металлическими ящичками. Чашки, блюда, тарелки. Все аккуратно, все чисто. Рядом с дверью в холл еще одна.

— У вас есть подвал?

— Он туда не спускается. Боится темноты.

Мы стояли под негреющим белым светом флуоресцентной лампы. Не сходилось. Ничего не сходилось. Коркан никак не вписывался в профиль серийного убийцы. Но ведь имя Деалле Сидхе появилось в файлах Макдуина не просто так?

— Деалле, почему Гильдия связывалась с вами прошлой осенью?

Она с любопытством посмотрела на меня.

— Они со мной не связывались. Это я связывалась с ними. — Женщина опустила на кухонный стул. — Думала, смогут помочь.

Теперь уже пришла моя очередь удивляться.

— Помочь чем?

Она обхватила себя руками и вздохнула.

— Однажды Корки не пришел домой после школы. Я подождала немного, а когда начало темнеть, отправилась на поиски. Его нигде не было. Я позвонила в полицию и в Гильдию. Ни те, ни другие ничем не помогли. Да это и не важно. Корки появился на следующий день. Испуганный, растерянный... Оказывается, он свернул где-то не туда, куда надо, и заблудился.

— Его поведение как-то изменилось после этого?

— Разумеется. Некоторое время он боялся ходить один.

— Когда именно это случилось?

— В прошлом сентябре. Число не помню. В последнюю неделю месяца.

Я кивнул. Селенит пропал незадолго до этого. Примерно в то же время объявился странный клиент Бельгора. Кое-что начало складываться.

— Вы хорошо знаете камни, не правда ли? А вам приходилось работать с селенитом?

Она с прищуром посмотрела на меня.

— Это очень старый камень. Меня не влечет сила Луны. Эта скрытная, разделяющая сила.

Спорить с ней я не мог. Лунные ритуалы исполняют обычно женщины. Сам я никогда особых успехов в лунной магии не добивался. Мне по духу Солнце и дневной свет.

— Сила есть Сила. Использовать ее можно по-разному, но это зависит уже от воли того, кто ею владеет. Вы знаете это не хуже меня.

Деалле невесело улыбнулась.

— Я немного старше вас, Коннор Грей. И я жила еще в Истинной стране. Поверьте мне, Луна — не друг. Свет дня обнажает все.

Я задумался. Истинная страна... Так называли утраченную родину эльфы, но не фейри. Неудивительно, что и в супруги эта женщина выбрала эльфа. Может быть, она вообще симпатизирует эльфам и даже считает, что именно они должны править миром.

— Не потускнеет ее свет, свет Истинной страны, о, забери меня туда, на родину верни, — продекламировал я строчки из песни, которую распевали германские эльфы во время Второй мировой войны.

Есть. Деалле вскинула брови.

— Вот уж не думала, что молодежь еще помнит эту песню.

Я пожал плечами.

— Интересовался историей.

Она презрительно фыркнула.

— Да, это история. Я была счастлива в не самое радостное время, но каков мир теперь? Откровенно говоря, ошибок было сделано немало. И любовь осталась там. Некоторые из моих старых знакомых до сих пор воюют за Фейри. У меня же времени только на Корки и хватает.

— Извините, что разбередил память. — Я не знал, что сказать. Она говорила голосом человека, потерявшего все, лишившегося идеалов.

— Вы родились здесь. Вы ничего не знаете, — со вздохом сказала Деалле и, поднявшись со стула, вышла из кухни. Я неуверенно последовал за ней. Она стояла в холле перед открытой дверью. Задерживаться я не мог.

— Я сама буду судьей своих воспоминаний.

— Конечно. — Я поклонился. — Спасибо вам, Деалле. Вы мне очень помогли.

Она окликнула меня, когда я уже спускался по ступенькам.

— Мой сын — хороший мальчик. Запомните это.

Я ничего не сказал, но улыбнулся и кивнул. Она закрыла дверь. В затылок как будто дохнуло холодным ветром.

Сунув руки в карманы, я медленно брел по улице. Я пришел сюда в надежде найти убийцу да еще получить возможность уколоть Макдуина, просмотревшего важную деталь в собственных файлах, а нашел умственно отсталого, не способного даже отыскать дорогу домой.

Коркан Сидхе исчез на одну ночь примерно в то же время, когда были украдены селенитовые камни. Учитывая, что официально его исчезновением Гильдия не занималась, запись Макдуина фактически подтверждала существование некоей связи между этими двумя событиями. Непонятно только, почему тогда в файлах появилось имя Деалле. И почему все-таки Макдуин не предпринял никаких действий?

При том, что Деалле вроде бы ничего не скрывала, разговор с ней оставил неприятный осадок. Фейри и эльфы — гремучая смесь, и Деалле, похоже, до сих пор не рассталась с былыми политическими симпатиями. И она знает, как обращаться с камнями.

Какой-то старик неуверенно двинулся ко мне, когда я остановился на тротуаре. Макдуин во время войны тоже симпатизировал эльфам. Возможно, они с Деалле познакомились еще тогда. А если он знал ее, то скорее всего знал и ее сына. Стинкворт как-то сказал, что у него нет крови на руках. А если Макдуин — или кто-то еще — контролирует Коркана? Нет, такой контроль потребовал бы огромной силы, а Макдуин вовсе не казался мне особенно могущественным. Тем не менее полностью исключать эту возможность я не мог, принимая во внимание состояние сына Деалле Сидхе.

Мотив, вот чего мне не хватало. Если Макдуин связан с убийствами, что он рассчитывает достичь? Я вдруг похолодел. Тиарнах Руадан, отец последней жертвы, герой войны, участник последнего наступления на Берлин. Люди давно урегулировали свои разногласия, а вот отношения между эльфами и фейри начали улучшаться лишь в последнее время, перед встречей в Таре. Уж не стремится ли Макдуин к запоздалой мести?

Не будь идея подрыва мирного процесса столь ужасна, я бы посмеялся над собой. Но если на свете найдется достаточное число параноиков, готовых поверить во что-то, то им не потребуется много времени, чтобы устроить собственный заговор. И если Макдуин пришел к выводу, что работа в системе ничего не меняет, то, может быть, ему уже нечего терять.

Глава 14

Во вторник я вернулся домой после пятимильной утренней пробежки без привычного ощущения очищения. Наверное потому что вместо обычного маршрута вокруг старого форта выбрал новый, через Вейрд, мимо мест, где совершались убийства. Впечатления странные и угнетающие. Я попытался обнаружить в их расположении какую-то закономерность, установить некую связь, которая помогла бы определить, где убийца попытается нанести следующий удар. Изучение карты не дало ничего, не выявило никакой модели. Возможно, ее и не существует, и преступник, избрав определенный район, руководствуется только соображениями целесообразности. Все четыре убийства произошли в относительно изолированных местах. Ну и что? Большинство людей, когда потрошат своих собратьев, стараются делать это подальше от посторонних глаз.

После пустынных, заваленных мусором переулков праздничная суeta авеню выглядела какой-то сюрреалистической. Веселье было в самом разгаре, по главным улицам с песнями и смехом разгуливали толпы и одиночки. Может, они и не ведают о затаившемся где-то рядом убийце? Может, им просто наплевать на то, что еще не коснулось их напрямую?

Усевшись за компьютер, я снова, в который уже раз, пересмотрел файлы. Ритуал с камнем — что бы я ни говорил Стинкворту — все еще оставался загадкой. В лучшем случае у меня имелись кое-какие подозрения, но главное, смысл замены одних камней другими, ускользало. Размышляя о камнях, я поймал себя на том, что давно не получал известий от Мирил, и считал это знаком того, что она, как и обещала, держит в секрете загадочное возвращение камней в Гильдию.

Итак, ничего подозрительного или странного до последнего убийства. В ране четвертой жертвы обнаружена грязь. Точнее песок. Причем, по данным анализа, стерильно чистый песок. Я до сих пор помнил неприятное ощущение, оставшееся от прикосновения к крови и чему-то шероховатому.

Я открыл файл по первой жертве, Рагнеллу. Работы полицейским экспертам хватило — убитый собрал на себя едва ли не всю уличную грязь. Рагнелл спал на улице и вряд ли мог предлагать свои услуги состоятельным клиентам. Я никогда не тешил себя иллюзиями, что в нашем городе все чинно и благопристойно. Среди присланных Мердоком документов был и отчет экспертов-криминалистов. На одежде жертвы нашли кошачью и собачью шерсть, человеческие волосы, частицы пищи, обрывки лаванды, листья боярышника, конской мяты, гвоздики, пепел и стебельки старой доброй марихуаны.

Листья боярышника меня не удивили. Дерево считается священным у фейри, и многие носят его листья в качестве варда. Лаванда, марихуана, гвоздика — с этим тоже все ясно. В наше время их носят даже некоторые люди, особенно музыканты-альтернативщики. Но причем тут конская мята, которая используется главным образом при лечении кашля и простуды. Я просмотрел все прочие отчеты, но не обнаружил никакого указания на то, что Рагнелл болел.

А вот это уже интересно. Судмедэксперт сделал приписку, что пепел обнаружен не только на одежде, но и непосредственно на теле убитого, в частности, около раны на груди. Я отправил Мердоку электронное письмо с просьбой сообщить, была ли в ране какая-нибудь трава. У меня сомнений уже не оставалось. Конская мята тоже помогает от кашля, а еще ее сжигают с листьями боярышника для восстановления духа. Это только подтверждало мою теорию насчет того, что убийца пытается исцелиться.

Я просмотрел заключения экспертов по другим жертвам. Вспыхнувшая было радость быстро померкла. Никаких трав в остальных случаях не обнаружилось. Внимание привлекла разве такая странная деталь, как наличие свежих следов от ожогов около раны на теле второго убитого, Пача. Пепла, впрочем, не нашли. На третьей жертве не нашли ничего — в ту ночь шел дождь, а одежды на фейри не было. Какие-то улики, вероятно, просто пропали. А на четвертом теле обнаружили только песок.

Я взял лист бумаги и составил список из четырех имен, записав рядом с каждым перечень подозрительных деталей: пепел, ожоги, ничего и песок. Первые две были связаны с огнем, но как быть с остальным? Я еще раз просмотрел файл Гамелина. Ничего. Открыл фотографии с места преступления.

Я помнил, что из-за дождя мои чувства в ту ночь были обострены, и это помогло уловить сущность Танси, даже несмотря на вонь из мусорного контейнера. Последний дождь перед двумя неделями засухи. Метеорологи объясняли это тем, что все штормы уходили к югу, в сторону Кейп-Код, странным образом огибая Бостон. Действительно странно для этого времени года. Напротив имени третьей жертвы появилось слово «дождь».

У одних сильное волнение отдается морозом по коже. У меня — выбросом адреналина. Я взглянул на свой список и ощутил мощный импульс. Пепел! Он остался от сжигания ладана. Ладан сжигают, чтобы вызвать силу Воздуха. На фотографии с места преступления рядом с телом убитого Рагнелла был ясно виден свечной огарок. Капли воска могли вызвать

ожоги на коже. Свечи зажигают, когда призывают силу Огня. Гамелина убили в дождливую ночь, а потому никто и не понял, что в переулке проводили ритуал вызова силы Воды. И наконец последнее убийство. Песок. Земля. Теперь я знал, что через два дня должно случиться еще одно убийство. Новая луна в канун Иванова дня завершит лунный цикл ритуала. Многие работают с четырьмя элементами, но некоторые включают в обряд еще и пятый. Теперь я не сомневался, что убийца попытается вызвать силу Духа, называемого иногда Сущностью.

Воздух, Огонь, Вода, Земля и Дух. Пять главных элементов Силы. Пять указателей заклинания каждого ритуала, проводимого с помощью пентаграммы. Коркан Сидхе с его странными украшениями на стенах комнаты снова выходил на первый план.

Просматривая файлы Макдуина, я наткнулся на многочисленные обращения в библиотеку — за древними гримуарами. Некоторые из них стояли у меня на полке, но никакой связи я пока не прослеживал. Я развернул стул и позвонил Мирил. Она сняла трубку после первого гудка.

— Привет. Сажу вот у себя дома и чувствую себя в полной безопасности. Гильдия ведь своих бережет.

Ответ последовал не сразу, и я уже подумал, что скрытый смысл послания до нее не дошел.

— Занята. Позвоню завтра. — Мирил положила трубку. Я быстро выключил звонок и посмотрел на панель определителя. Кто-то звонил с неустановленного телефона. Я прижал трубку к уху и почувствовал, как голову окутывает кокон статических помех.

— Думаешь, твоя квартира прослушивается?

— Осторожность не помешает. Становлюсь параноиком.

Мирил вздохнула.

— Держись. — Я услышал, как она бросила трубку. Зашелестела бумага. Что-то упало. Кто-то выругался, довольно грубо. Защелкали клавиши. В трубке запищало, и наконец на меня обрушилась волна статики.

— Ну, вроде бы все, — послышался голос Мирил. — Твоя линия чиста.

— Хочу попросить, чтобы ты сделала для меня кое-что.

Она вздохнула так тяжело, что кокон вокруг моей головы задрожал.

— Ты и впрямь не знаешь, когда нужно остановиться.

Я ухмыльнулся.

— Не знаю. Но не беспокойся. Мне не нужно ничего такого, что могло бы тебе повредить. Макдуин искал кое-какие книги. Меня интересуют две, которых наверняка нет нигде, кроме как в библиотеке Гильдии. Одна — сборник писаний друида по имени Катбад. Другая называется «Бурая книга Ценхоса».

Мирил рассмеялась.

— Шутишь, Коннор. Это всего лишь сборник бессмысленных заклинания, приписываемых фоморам. «Бурой книгой» ее назвали потому, что на переплет якобы пошла дубленая кожа короля Туата де Дананн. Ценхос — мифическое чудовище Сидхе. Согласно легенде, он основал Неблагой двор. Потом его заколдовали и вместе с последователями заключили в море.

— А почему заклинания считаются бессмысленными?

— Потому что в них все смешано, камни и травы. Кроме того, сами заклинания написаны предположительно на фоморском, которого никто толком не знает.

— Мне нужно знать, имеют ли какие-то из них отношение к крови, селениту и пентаграммам.

— Думаешь, я освоила фоморский?

— Я никогда тебя не недооценивал.

Она хмыкнула. Я продиктовал ей номер.

— Позвоню на сотовый, если что-нибудь найду.

— Подожди. Еще один вопрос. Почему в файле нет комментариев Макдуина насчет

кражи селенита?

— Отвечаю. Потому что его тогда здесь не было. Макдуин уходил в отпуск.

— Мирил, он был здесь. Все эти запросы в библиотеку Макдуин делал на той самой неделе, когда случилась кража. Мало того, если я правильно разобрался в кодах, то получается, что он сам побывал в подвале Гильдии, где хранились камни.

— Секундочку. — Она пощелкала клавишами... отодвинула стул... полистала бумаги... — Нет. Права была я. Здесь есть ссылки на отправку отчетов из Германии. Он провел там целый месяц и по возвращении, когда узнал о пропаже камней, страшно разозлился.

У меня похолодело в животе.

— Мирил, слушай внимательно. Думаю, Макдуин может быть причастен к убийствам. Я кое-что раскопал и, если он утверждает, что ездил в Германию, то скорее всего лжет. Мне нужна вся информация по тому заклинию. Но только никому не говори, чем занимаешься. Не оставляй никаких следов. И ни в коем случае не говори Макдуину, что нашла камни.

— Должна признать, Коннор, с тобой жизнь куда интереснее. — Она отключилась, и защитный кокон вокруг моей головы растворился.

Итак, Макдуин прочно утвердился в моем списке подозреваемых. Чтобы он ни задумал, его связь с убийствами не вызвала у меня ни малейших сомнений. Каким же я был глупцом. Давно следовало понять, что Гильдия держит мою квартиру под наблюдением. Обеспечением моей безопасности занимались люди Макдуина. Они заряжали камни-варды, а я даже не мог проверить, есть ли среди них записывающие устройства. Выбросить камни я тоже не мог, чтобы не оказаться совсем без защиты.

Через несколько минут я уже приготовил рюкзак, куда затолкал кое-какую одежду, диск с файлами Гильдии и зарядник к сотовому. Я остановился посреди комнаты, пытаюсь сообразить, что еще может понадобиться. Об украденных файлах в Гильдии, наверное, уже знали — я упомянул о них в разговоре со Стинквортом. Я скопировал все материалы на еще один диск и удалил файлы с жесткого диска. Конечно, они остались где-то там, в машине, но времени на основательную чистку не было. По крайней мере тому, кто станет их искать, придется повозиться. Надо захватить кожаную куртку, верную спутницу во всех моих путешествиях. Я сорвал ее с вешалки и выскочил в коридор.

Заглянув по пути в почтовый ящик, я обнаружил чек из Гильдии. Ирония судьбы или фарс? В любом случае без наличности сейчас не обойтись. Я заскочил в «Безымянный». Ни банков, ни кассовых банковских автоматов в Вейрде не было, но в баре меня знали, и чеки обналичивали всегда. Забрав деньги и сэндвич, я устремился в сторону Конгресс-стрит.

Можно было бы, конечно, укрыться в каком-нибудь кафе и составить план действий, но сосредоточиться в предпраздничном Вейрде дело нелегкое — улицы уже заполнились гуляющими. К тому же искать меня стали бы именно здесь.

А почему бы лично не познакомиться с Корканом Сидхе? Мысль показалась достаточно интересной. Добраться до Института ребенка нетрудно, и я воспользовался тем же маршрутом, каким шел недавно из дома Мердока. По мере того как шумные кварталы оставались позади, признаки грядущего торжества попадались все реже, да и те сводились к красочно оформленным венкам у дверей. Веточки остролиста и дуба, эмблема Лесного царя, украшали жилища как иных, так и людей. Веселиться любят все.

История Института ребенка берет начало в прошлом веке с заведения, называвшегося в те давние времена Приютом идиота. Отразилось в названии варварство эпохи или же ее своеобразное изящество, каждый волен решать сам. Через какое-то время учреждение закрылось, а потом открылось вновь уже как Институт ребенка, где занимались исцелением «умственно неполноценных». Некоторые старые постройки снесли, и то, что занимало когда-то целый квартал, сократилось до кучки отвратительных, приземистых строений из бурого песчаника. Местные детишки по-прежнему называют это Приютом идиота.

Я срезал путь, проскользнув между двумя напоминающими бараки зданиями старой тюрьмы, и оказался перед административным корпусом. На крошечной, вытопанной

лужайке играли дети. Видневшиеся тут и там деревца и кустики выглядели запущенно и жалко, как будто кто-то наступил на них, и теперь они отчаянно и безуспешно пытались распрямиться. Одни дети сидели в кружок на земле, другие, взявшись за руки, водили хороводы. Неуклюжие, медлительные, неловкие... Приглядевшись, я заметил среди них взрослых, одетых не в традиционные белые халаты, а в обычную, повседневную одежду. Я дошел уже до ступенек, когда услышал громкий, явно взрослый смех.

Слева от меня, в стороне от других, стояли двое. Темноволосая женщина в белой футболке и крупный нескладный мужчина в сером джемпере и поношенных широких брюках. Голова у него была гладкая, как яйцо. Я узнал парня по фотографии, которую видел в гостинной Деалле Сидхе. Женщина бросала мяч, и каждый раз, когда Коркану удавалось поймать его, широкое лицо растягивалось в ухмылке.

В какой-то момент женщина, стоявшая ко мне спиной, повернулась, и я замер, удивленный.

— Привет, Шай. — Я подошел ближе.

Он вскинул голову, и улыбка мгновенно увяла.

— Не могли подождать, пока я приду домой? — Шай бросил мяч через голову Коркана, и взрослый ребенок устремился за ним, как нескладный медведь.

— Не знал, что ты здесь работаешь.

Он сложил руки на груди.

— Не работаю. Помогаю. Могли бы узнать у того болвана, что не отвязывается от меня целую неделю. — Шай ткнул пальцем в сторону переулка, где у тротуара стояла приметная «хонда» Бара Мердока.

Я бросил взгляд на Коркана, продиравшегося через кусты, как некое загадочное чудовище через джунгли. Мяч лежал на другой стороне, но поиски грозили затянуться.

— Поговорим.

Мы отошли к скамейке и сели. Коркан увидел бабочку и, забыв о мяче, погнался за ней.

— Что ты здесь делаешь?

— Я же сказал. Помогаю. Сам по себе. — Судя по недовольной гримасе, мне не удалось скрыть скептицизм. — А вы думаете, что если мне платят за раздевание, то ни на что другое я не гожусь?

— Согласись, шлюха с золотым сердцем это уже клише.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Позвольте вопрос, Коннор. Если бы вы встретили меня сначала здесь, а потом узнали, чем я зарабатываю на жизнь, кем бы я был для вас в первую очередь? Благородным волонтером или дешевым проститутком?

Я пожал плечами.

— Ладно. Все понял. Ты больше, чем дешевый проститут.

— Ничего вы не поняли. Если гражданский лидер окажется обычным говнюком, вы будете думать о нем как о говнюке или о гражданском лидере?

Я вздохнул. Коркан нашел наконец мяч и торопился к нам.

— Второй вариант.

— Тогда засуньте ваши клише себе в задницу.

Все верно. Тех, кто не вписывается в систему, мы воспринимаем прежде всего по роду их занятий. Так легче. Не надо думать, что у наркодилера может быть семья, а у проститутки какая-то другая жизнь. Они не станут лучше, если воспринимать их по-другому, но мы по крайней мере не забудем, что имеем дело с людьми.

— Жаль, что с Робином так получилось. — Мне и впрямь было жаль. Мы познакомились не при самых благоприятных обстоятельствах, но он был всего лишь ребенок.

Шай кивнул.

— Спасибо. Друзей у него оказалось немного. Робина кремировали в субботу.

— Извини, но я должен спросить тебя кое о чем. Когда мы с Мердоком приходили к

вам в последний раз, вы вроде бы ссорились. Из-за чего?

Шай заерзал на скамейке.

— У нас были непростые отношения. Робин думал, что я уйду от него.

— А ты...

— Нет! — почти крикнул он. — Робин думал так, потому что... потому что со мной что-то не так. У меня случаются... затмения. Он думает... думал... что я ему вру, скрываю что-то.

— Ты показывался врачу?

Он покачал головой.

— У меня нет страховки, Коннор. Все началось в конце прошлого года, и с тех пор становится только хуже. Надеюсь, когда-нибудь станет лучше. Ничего другого мне не остается.

Вот уж кому не позавидуешь. О моем-то здоровье заботилась Гильдия. В противном случае я тоже не смог бы позволить себе оплатить страховку.

— Извини. Несладко тебе пришлось. Столько всего свалилось.

Он пожал плечами.

— Жизнь и не такое с людьми делает.

Подбежав поближе, Коркан бросил мяч в нашу сторону. Потом остановился и с любопытством уставился на меня.

— Это новый друг?

Шай немного помедлил с ответом.

— Поздоровайся с Коннором, Корки.

Коркан, переваливаясь, подбежал ко мне и протянул потную руку. Подавив желание отпрянуть, я заставил себя прикоснуться к нему и при этом глубоко вздохнул. Ничего. Чертов нос не улавливал ничего.

— Привет, Коннор. Поведешь нас в крепость? — Говорил он так, словно язык не помещался во рту.

— Нет, Корки, — ответил за меня Шай. — Я же говорил, мы пойдем туда послезавтра. Через два дня. А теперь сходи за мячом.

Коркан кивнул и потрусил прочь, как большой лысый ретривер.

— Хотим посмотреть фейерверк на острове, — объяснил Шай.

— Ты давно его знаешь?

— С прошлого лета. Вообще-то людей он побаивается, но я ему нравлюсь. Врач говорит, наверно потому что я мужчина, а похож на женщину. В каком-то смысле он переносит на меня свое состояние.

— Он очень похож на того парня, портрет которого составили в полиции по твоему описанию.

Шай изумленно взглянул на меня и, прежде чем ответить, посмотрел вслед Коркану.

— Нет. Не похож. Приглядитесь к тем детишкам. — Он кивнул в сторону танцующей в хороводе группы. Все они имели некие общие признаки, выдававшие синдром Дауна.

— Ты это к чему?

— А теперь, не оборачиваясь, назовите их возраст и скажите, чем они отличаются друг от друга.

Я молчал.

— Позвольте помочь, — заговорил Шай. — Синдром Дауна у троих, хотя вам кажется, что они все этим страдают. У двоих генетическая физическая ретардация. Возраст — около пятнадцати. Один из двоих, тот, что с баками, на самом деле женщина. А теперь, Коннор, пока я не отвернул вам голову, скажите, какие у вас вопросы к Коркану?

Шай все-таки молодец. За мной преимущество в полтора фута роста и пятьдесят фунтов веса, но мальчишка все же пытается угрожать. Впрочем, веселого тут мало.

— Слушай, парень, если ты до сих пор не за решеткой, то лишь потому, что я еще не позвонил Мердоку. Так что поубавь прыть. И расскажи о пентаграммах. Все, что знаешь.

Он пропыхтел что-то, посмотрел на меня настороженно и опустился на скамейку.

— А что о пентаграммах рассказывать? Они же для медитации. Рисовал я их постепенно, одну за другой. Первую примерно месяц назад. — Лицо его вдруг как будто накрыла мертвенно-бледная тень. — Господи, Коннор! Это совсем не то, что вы думаете!

— А что я думаю?

— Корки и мухи не обидит. Я просто показал ему, как можно успокоиться, когда расстроен. У меня же нет никаких особенных способностей — я даже ароматерапией с Робинот заниматься не мог. К тому же Корки все время либо здесь, либо дома. И по ночам он не выходит, потому что боится темноты.

— Ты мог активировать что-то. У детей от смешанных союзов часто встречаются самые разнообразные мутации. Может быть, твои пентаграммы вовсе и не успокаивают его, а как раз наоборот...

В его глазах блеснули слезы.

— Нет. Не может быть. Ради бога, Коннор, скажите, что Робин погиб не из-за меня!

Что тут поделаешь. Я положил руку ему на плечо.

— Не стану обманывать, парень. Я не знаю.

— Что случилось, Шай-шай? — спросил Корки, появляясь вдруг перед нами.

Шай смахнул слезы, вытер ладонью лицо.

— Ничего, Корки, ничего. Просто соринка в глаз попала.

Сын Деалле схватил его за руку.

— Пойдем в крепость. Там хорошо. И глаза болеть не будут.

— В четверг. — Шай заставил себя улыбнуться. — Мы пойдем туда в четверг. Хорошо, Корк?

Коркан надул губы. Как ребенок.

— Хорошо.

Он стащил друга со скамейки и потянул за собой. Я тоже поднялся. В какой-то момент Шай обернулся и растерянно посмотрел на меня.

Дойдя до Девятой улицы, я поймал такси и попросил подбросить до Мемориального госпиталя Авалон. Деньги в кармане обычно расхалаживают и делают человека ленивым. Мне нужно было увидеть Гиллена Йора. Если кто и знает о влиянии смешанной сущности на заклинания, так это он. А вот с Шаем, пожалуй, придется согласиться. Простая медитация вряд ли могла привести к столь трагическим последствиям.

За окном мелькали дома и люди, но я ничего не видел. Бар, конечно, сообщит Мердоку о моем посещении института и встрече с подозреваемым. Детектив пожелает узнать, что к чему, и скорее всего упрячет Шая за решетку. Оснований у него вполне достаточно. Я на его месте так бы и сделал.

Шай... Его связь с происходящим оставалась неясной, но не замечать ее мог только слепой. Парень брался за то, что находилось за пределами его возможностей. Возможно, он и сам не вполне отдает себе отчет, что делает. Не исключено, что во время одного из своих «затмений» он совершил нечто, положившее начало целой цепи нежелательных событий. Но веских улик против него у меня не было. Жалкая комнатуха, которую он делил с Робинот, не сохранила никаких следов магических ритуалов. По его собственному признанию, ему не удавались даже простейшие трюки.

Я ощутил легкое прикосновение ко лбу, как будто кто-то приложил к переносице холодный палец. Будь кто-то рядом, он не заметил бы ни малейшей реакции с моей стороны. Я получил послание, настоящее мысленное сообщение, имитировать которое не в состоянии никакой светляк. Осуществить такой контакт мог только один человек. Такси выскочило на Бродвей-бридж, когда в голове зазвучал ясный голос Бриаллен.

Нам нужно срочно увидеться.

И все. Ощущение прохлады исчезло. Мысленная связь — самый удобный и надежный способ общения, но для достижения наилучшего эффекта нужно, чтобы сообщения были как можно короче и проще. Я постучал по пластиковой перегородке и попросил водителя

изменить маршрут. Выйдя из машины на Луисберг-сквер, я щедро рассчитался с таксистом, компенсировав потерю из-за отмены более выгодной поездки до госпиталя.

Стучать я не стал. Дом казался пустым. Я остановился у лестницы, не зная, куда идти, и кожей ощущая заполнившее воздух напряжение. Бриаллен позвала меня, когда я уже сделал первый шаг.

Я облегченно вздохнул и, миновав кухню, вышел во двор через заднюю дверь. Бриаллен сидела у фонтана в черном бесформенном одеянии, назвать которое платьем можно было лишь с большой натяжкой. Услышав шаги, она подняла голову, улыбнулась и поманила меня рукой.

— Ты быстро.

— Я и был недалеко.

Взяв ее за руку, я опустился рядом. Бриаллен выглядела гораздо лучше, чем при нашей последней встрече. Возложив мне на голову руки, она пристально посмотрела в глаза. Как обычно, я ощутил легкое давление. Бриаллен опустила руки, нахмурилась и еще раз прикоснулась к моему лбу.

— Что такое?

— Ничего. Я вроде бы почувствовала что-то, но, наверное, ошиблась. Это образование... оно как будто размягчилось.

— Вчера мы с Джо вместе встречали солнце. На какое-то время боль ушла...

— Знаю, — перебила она. — Он мне рассказывал.

Я удивленно вскинул бровь.

— Что еще рассказал Стинкворт?

— Что ты занимаешься кровавыми ритуалами и не слушаешь предостережений.

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Если ты собираешься читать лекции...

— Лекций не будет.

— Вот как? Хорошо. Тогда ты, может быть, сможешь мне. Что тебе известно о «Бурой книге Ценхоса»?

Бриаллен поморщилась.

— Что она не такая древняя, как о ней говорят.

— Почему ею может интересоваться Макдуин?

— Не знаю. Почему люди коллекционируют смешные фигурки?

— Я не шучу.

Она пожала плечами.

— Коннор, эта книга — апокриф. Бессмысленное собрание заклинаний, претендующих на то, что им не по силам.

— Может ли там быть описание ритуала медитации, который на самом деле превращает иного в одержимого маньяка?

— Ну... не столь определено. Представь, что кто-то объясняет гравитацию, отказываясь признавать ее существование.

Я задумался.

— Не понял.

Она кивнула.

— Вот именно.

— Ладно, попробую подойти с другой стороны. Возможно ли, чтобы простой ритуал медитации произвел противоположный эффект?

— Не знаю. Может быть, тебе стоит увидеть кое-что. — Бриаллен сдвинулась к краю скамейки и медленно, словно поглаживая, провела рукой над водой.

— У меня от ясновидения голова раскалывается.

— Да, да, знаю. Не беспокойся, я об этом позабочусь.

Она вытянула другую руку в мою сторону и начала читать заклинание. Защита мгновенно активировалась, но не инстинктивно, а по ее приказанию. По спине прошел

холодок. Такого со мной никто еще не делал. Края закрывающих тело щитов запульсировали, вытягиваясь навстречу друг другу, соединились, охватив меня всего, образовав слой невидимой брони, оберегающей от любого внешнего проникновения. Никакой боли я не испытал, потому что сила исходила не от меня, а от Бриаллен.

Одновременно она продолжала готовить магический ритуал. Даже будучи иным и владея способностями, недоступными людям, я не мог не восхищаться ее искусством. Как же мне далеко до нее! Бриаллен обходилась без вспомогательных средств, используя только силу концентрации и знание заклинаний. Ладонь ее правой руки плавала над прудом, словно разглаживая складки расстеленной ткани, и вода послушно замирала.

Зарядив мой щит, она переключилась на старогэльский, грубоватые звуки которого, слетая с ее губ, обретали странную, непривычную для уха мягкость.

Бриаллен раскинула над водой обе руки. Зеркальная гладь отразила серую хмарь неба. Отражение слегка подрагивало. Потом по краю пруда прошла едва заметная рябь, а над водой поднялся клубящийся дымок. Растекаясь, он покрыл отраженное небо, а под недвижной поверхностью зашевелились туманные тени. Бриаллен стояла на самом краю, не шевелясь, широко разведя руки и чуть наклонившись вперед. Глаза ее горели белым светом, губы шевелились все быстрее. Что-то прокатилось под дымной пеленой, что-то бледно-зеленое, потом серебристое, белое...

Я неотрывно наблюдал за Бриаллен. Капельки пота выступили на ее лице. Обряд зашел уже так далеко, что даже новичок, владеющий простейшими навыками, мог бы убрать сейчас дымовой полог и бросить взгляд в будущее. Но Бриаллен стремилась к большему, к ясности видения. Там, где остальные узрели бы только смутные намеки и непонятные символы, она желала видеть четкую картину событий. Столь же четкую, как в телевизоре. Однако прошло уже двадцать минут, но ничего не происходило. Что-то было не так.

В середине пруда сформировалось густое темное пятно, похожее на огромный зрачок. Оно расширялось, темнело, проникало все глубже, но в нем так ничего и не появилось. Чернота окутала весь пруд, и теперь в воде не отражались даже наши фигуры.

Вздых отчаяния вырвался из ее груди. Она опустила руки, отступила и, склонив голову, повернулась ко мне.

— Бриаллен...

— Иди в дом. Его нужно закрыть.

Тон не располагал к расспросам. Я поспешил в кухню, чувствуя, как холодок беспокойства свивает кольца в груди. Сила ее защиты оставила меня за порогом. Внезапная боль ударила в лоб. Я поморщился и отошел от двери. Боль немного уменьшилась. Ясновидение действует на меня хуже всего прочего. Отступая дальше и дальше, я оказался в фойе и, хотя раскаленные иголки продолжали терзать мозг, остановился. Потом опустился на ступеньки и обхватил голову руками. Прошла, казалось, вечность, прежде чем я смог открыть глаза. Бриаллен стояла передо мной — бледная, с мокрым лицом и влажными волосами.

— Ты промокла.

— Так было нужно. Поднимемся наверх. — Она прошла мимо, и я послушно последовал за ней в гостиную на втором этаже. В камине еще прыгали голубые язычки пламени. Бриаллен встала лицом к огню. Руки ее бессильно повисли, но спина осталась прямой.

— И так уже несколько дней, — не оборачиваясь, сказала она.

— Но что это?

Она шагнула к креслу и устало опустилась.

— Хороший вопрос. На миллион долларов. Ответить на него меня попросила королева.

— Мэб? — Мне не удалось скрыть удивления.

— А кто же еще? Позвонила сегодня утром.

— Позвонила тебе? По телефону?

Бриаллен нахмурилась.

— Да, по телефону. А что тебя не устраивает?

Я рассмеялся.

— Представил, как повелительница Тары звонит по телефону. Забавно.

— А ты бы хотел чего-то другого? Чтобы она посылала дымовые сигналы? Мы знакомы много лет. Она всегда звонит тем, кого хорошо знает.

Я сел в кресло напротив.

— Что случилось?

Бриаллен разгладила на коленях мокрые складки.

— Будущее закрыто. Никому не удастся проникнуть за полог. Поворотный пункт во времени. То, чего мы не знаем, то, чего не видим, невозможно изменить. Все будет так, как будет.

Никогда раньше я не слышал о том, что будущее закрыто.

— Это плохо?

Она посмотрела на пламя.

— Это не вопрос. Дело в понимании. Мы должны, если сумеем, подготовиться к тому, что может случиться. Последний раз будущее закрылось перед Смещением.

Меня как будто вдавило в кресло.

— Шутишь? И давно это началось?

— Слухи о том, что происходит нечто странное, начались еще несколько недель назад. Вот почему я не смогла помочь тебе так, как хотелось бы.

Я подался вперед.

— Не надо, Бриаллен. Меня, может быть, раздражает, что Гильдия не уделяет этим убийствам должного внимания, но, думаю, ты понимаешь приоритеты немного лучше, чем они. Что я должен сделать?

Она вынула из-под складок платья и протянула кинжал в старых кожаных ножнах с кожаными ремешками.

— Мне нужно, чтобы ты остался в живых.

Я взял кинжал. Головку эфеса оплетала кованая серебряная лента, гарду покрывал слой позолоты, а сама рукоять была инкрустирована мелкими рубинами и большим изумрудом. Лезвие было обоюдоострое, с выбитыми на стали крохотными рунами, и сияло, как новое. Руны и символы украшали и ножны, как впрочем и темные пятна, оставленные, как я сразу понял, кровью. Весил кинжал больше, чем казалось на первый взгляд, но балансировку сохранял прекрасную. И еще в нем ощущалось гудящее напряжение силы.

— Я не могу это принять.

— Должен. Нас ждет катастрофа, и я не могу допустить, чтобы ты остался беззащитным.

— Но он же стоит целое состояние!

Она пожала плечами.

— Что такое состояние в сравнении с жизнью? Это старинное оружие, и я не первая его владелица. Теперь оно послужит тебе.

— Хорошо. Возьму, но только при одном условии.

Я сказал это так, к слову, но Бриаллен вдруг замерла, словно решая, может ли она согласиться на условие.

— Каком?

— Ты заберешь его, когда он больше не будет мне нужен.

Бриаллен на мгновение закрыла глаза, на лице ее отразилось облегчение, словно она ожидала чего-то другого.

— Согласна. Надень.

Удивленный ее настойчивостью, я стянул правый ботинок. Бриаллен бывает порой довольно бесцеремонной, но с ней лучше не спорить. Я привязал ножны над лодыжкой и надел ботинок. Пошевелил ногой — жить можно. Один нож у меня уже был, и я решил, что привяжу его на левую ногу.

— Будь осторожен, — предупредила Бриаллен. — Клинок и без того сильно заряжен, а я добавила кое-что от себя.

— Хорошо. Что нужно от тебя Мэб?

— Королева хочет, чтобы я постаралась узнать что смогу. Ясновидение не срабатывает. Попробую воспользоваться сновидением.

Я кивнул. *Imbas forosnai*. Древний ритуал пророческого сна, пожалуй, единственный вариант, когда ясновидение не дает результата. Теперь ясно, зачем Бриаллен вызвала меня. Несколько дней она будет пребывать в глубоком трансе и, следовательно, не сможет защитить себя.

— Хочешь, чтобы я тебя покараулил.

— И да, и нет. Не знаю, что может случиться, но ты недостаточно силен, чтобы остановить опасность. Тех, кто способен меня защитить, очень мало, и я привлекла всех. Ты же должен меня разбудить.

— Хоть и слаб, но на что-то еще сгожусь.

Она закатила глаза.

— Пойми, никто не ожидает, что я воспользуюсь твоей помощью. В неожиданности свои преимущества. О тебе никто не должен знать. Я даже Мэб не сказала.

Мэб, Стерва из Тары, Ледяная королева, Железная государыня. Одни боятся ее, другие обожают, и кого больше — сказать трудно. Укрывшаяся за стеной тумана на холме Тара в Ирландии, в башне, куда никто не попадет без ее согласия, она, видите ли, запросто звонит друзьям, когда ей требуется их помощь.

— Какая она?

Бриаллен складывает ладони домиком.

— Сильная. Из всех королев она, на мой взгляд, самая прекрасная, но в этом вопросе, думаю, у каждого свое мнение. Волосы ее чернее ночи, кожа — белее алебаstra. Может быть холодна, как обнаженная сталь. Всегда настороже. Люди проклинают ее, но иным сильно повезло, что именно она оказалась на троне, когда случилось Смещение. Без ее руководства Конвергенция могла бы привести к хаосу. Резка, сурова, тверда, но без нее все бы развалилось.

— Если бы она вдобавок и об иных заботилась так же, как о монархии, — проворчал я.

Бриаллен пожала плечами.

— Как посмотреть. Если ей удастся разрядить ситуацию в Германии и найти выход из нынешнего тупика в отношениях между Благим двором и Тевтонским консорциумом, лучше будет всем. Люди боятся ядерного оружия, меня же больше тревожит возможность войны между иными. В общем, забот у нее хватает.

Она поднялась и вышла из комнаты. И вот так всегда. Мне ничего не оставалось, как последовать за хозяйкой на третий этаж, где размещалась гостевая спальня. Бриаллен, однако, повела меня выше, на четвертый. Я знал, что там спит она сама, но никогда еще туда не поднимался. Ребенком, приходя сюда для занятий, я частенько отправлялся исследовать дом, когда наставницу отвлекал нечаянный гость. Лестницу за третьим этажом всегда блокировали заклинания. Я не оставлял попыток прорваться, но преодолеть невидимую стену не смог ни разу.

На площадку четвертого этажа выходили четыре двери. Все они были закрыты. К моему удивлению, Бриаллен прошла мимо и стала подниматься на пятый.

Две деревянные двери, вправо и влево, тоже были закрыты. Бриаллен подошла к третьей, под каменной аркой в центре площадки, и приложила к ней ладонь.

— Ты увидишь то, что я редко кому показываю.

Дверь беззвучно отворилась, и проем наполнило приглушенное белое мерцание. За дверью находилась овальная комната с наклонными стенами, сходящимися в центре потолка. Там, где сходились каменные плиты, сияли всевозможные камни. Розовый, желтый и голубой хрусталь соседствовал с ониксом, кварцы смешивались с опалами и колчеданами, а плитус составляли кроваво-красные гелиотропы. И даже пол украшали драгоценные камни,

включая рубины, изумруды и алмазы. Определить все я бы не смог, но преобладал здесь селенит, другие лунные камни и сапфир — для привлечения сил ночи, что могла сделать лишь друидесса, дочь Луны. Какая-либо мебель отсутствовала, если не считать огромной белой гранитной плиты в центре комнаты. Проникающий из разных мест предвечерний свет отражался от камней мириадами бликов.

Друиды ревностно оберегают свои личные покои. Мои собственные — в ту пору, когда я еще мог это себе позволить, — гораздо более скромные, видели не более дюжины гостей.

— Я польщен.

— Дверь уже настроена на твою сущность. После того, как я ее закрою, снаружи войти сможешь только ты. Приходи за мной, если меня не будет через три дня. За это время — если повезет — я все узнаю.

Она вдруг потянулась ко мне и обняла. Несколько секунд мы стояли, прижавшись друг другу. Лишь теперь до меня в полной мере дошла вся серьезность ситуации. Бриаллен всегда была скупа на проявление чувств, но в этот момент, когда она вцепилась в меня, я понял — ей страшно. В следующий миг она невесело улыбнулась и отступила в комнату. Дверь закрылась с негромким, глухим стуком, словно запечатывая склеп.

Глава 15

На следующее утро я несколько раз попытался дозвониться Гиллену Йору, но попадал только на автоответчик. В конце концов уже после полудня некто живой сообщил, что Гиллен недоступен, и когда появится — неизвестно. Опуская трубку, я посмотрел в потолок, словно надеясь пронзить его взглядом и увидеть каменную комнату и лежащую на гранитной плите медитирующую Бриаллен. Понятно, что Бриаллен согласилась бы помочь Мэб в любом деле, о чем бы королева ни попросила, но тот факт, что к расследованию привлечен еще и Гиллен — и что он не отказал! — свидетельствовал о масштабах угрозы.

Проснувшись утром в гостевой спальне, я почувствовал себя так, словно снова вернулся домой. Способности проявились у меня в двенадцать и сразу с редкой силой. Я часто бывал в доме на Луисберг-сквер, далеко от семьи. Поначалу все было интересно и заманчиво — учиться вещам, о которых большинство детей могут только мечтать. Потом пришли усталость и разочарование — я понял, сколь трудным будет путь. Порой бывало одиноко — к подростковым тревогам добавлялось осознание собственной обособленности, бремя непохожести на других. Часто положение спасала улыбка Бриаллен. Иногда я высекал эту улыбку шуткой, но обычно достаточно было сделать что-то правильно. Со временем ее одобрение стало для меня потребностью.

Я провел ладонью по переплетам фолиантов в кабинете Бриаллен, рассчитывая отыскать что-то, что вывело бы меня из тупика. Заставить Шая убрать пентаграммы или не стоит? Являются они частью некоего медитативного упражнения или нет? Я взял с полки несколько книг — наугад, в надежде, что фортуна сама подбросит решение, но она отказалась играть в эту игру. Может быть, лучший вариант — подбросить монетку?

Зазвонил сотовый. Я поднял трубку, и в ухо ударил уличный шум.

— Звоню из телефонной будки напротив Гильдии. Внутренними линиями пользоваться не хочу. У нас массовые зачистки, — сообщила Мирил. — Послушай, я просмотрела книги, о которых ты говорил. Похоже, нашла кое-что весьма любопытное и странное. Заклинание на освобождение, снятие наложенных чар. Если я все поняла правильно, оно обращено к древним силам. По-настоящему древним. Из разряда тех, о которых говорят — запрети на три ключа и выбрось все три подальше.

Я мысленно поблагодарил тех, кто возможно нас слушал.

— Давай встретимся у павильона на Коммон-стрит через пять минут. Устроит?

— Буду. — Она повесила трубку.

Я вернулся в комнату и натянул ботинки. Кинжал Бриаллен уже не ощущался чем-то посторонним, но и выходить без своего старого не хотелось. Я уже решил, что до тех пор,

пока не куплю новые ботинки или не переделаю старые ножны под левую ногу, буду ходить с одним. Не хватало только уколоться. Куртку тоже лучше оставить. На улице жарко, а у Бриаллен ее по крайней мере не украдут.

Спустившись в фойе, я замедлил шаг. Остановился. Наверху, пытаясь узнать, почему закрылось будущее, лежала в глубоком трансе Бриаллен. Предыдущий блэкаут случился накануне Конвергенции. Теперь Мирил нашла старинное фоморское заклинание, высвобождающее с помощью крови и пентаграмм древние силы. Когда эти древние силы связаны закланием, они пребывают по другую сторону пространственных барьеров, тех самых барьеров, что пали при Смещении.

Холодные пальцы пробежали по позвоночнику. Я взлетел по лестнице. У меня заклинание, способное вызвать катаклизм планетарного масштаба, и взято оно из книги, которую читал Макдуин. У меня серия ритуальных убийств, расследование которых пытается прикрыть Макдуин. И у меня, наконец, необъяснимая связь между Макдуином и сыном Деалле Сидхе. Если заклинание сработает, мы получим мир наподобие старого доброго Фейри, где оставшимся в живых людям уготована роль послушных подданных, тот самый мир, установить который стремились во Вторую мировую войну эльфы и им сочувствующие. Мир, о котором мечтает Макдуин. Связь с Корканом может означать только одно: с его помощью мой бывший шеф рассчитывает разрушить стены фоморской темницы и выпустить на волю злейшего и могущественнейшего врага кельтских иных. И тогда ад снова сойдет на землю. Только на этот раз противником будет тот, с кем никто не сражался уже целое тысячелетие. У людей шансов практически нет. Выживут лишь немногие, но и те попадут под власть иных. Макдуин вновь запустил механизм разрушения.

Я уже протянул руку к двери святилища Бриаллен, чтобы разбудить ее, но в последний момент заколебался. Она уже высмеяла мое предположение о существовании фоморского проклятия. Если я ошибаюсь, то помешаю остановить неведомую катастрофу, внушающую ей такой страх. Если же прав, то, оставив ее в трансе, окажусь один на один с другой опасностью.

Я сбегал вниз. Нужно получить заклинание. Если оно и впрямь способно на то, о чем говорила Мирил, то и Бриаллен распознает угрозу. По крайней мере у меня будет серьезное основание оторвать ее от исполнения просьбы Мэб. Выходя, я запер дверь на ключ. Пусть другие полагаются на чары, замок тоже не лишнее. Да и мне спокойнее. В кармане зазвонил сотовый.

— Знаю. Уже иду, — бросил я, решив, что это Мирил.

В трубке затрещало и засвистело. Уж не устанавливает ли она свой защитный колпак?

— Это Герда Эльфхайм, — произнес женский голос. Даже несмотря на плохую слышимость, не узнать континентальный, с нордическими нотками акцент было невозможно. Долго же ее искали. Я уж на немцев и не рассчитывал.

— Плохо вас слышу. Не отключайтесь, пожалуйста. — Я был в конце Уолнат-стрит, перед поворотом на Бикон-стрит. Машины шли и там, и там сплошным потоком. Заметив небольшой просвет, я бросился через дорогу — возле Бостон-Коммон всегда спокойнее.

— Вы интересовались моим сыном, Гетином. С ним все в порядке? — спросила Герда.

— Разве он здесь? В Штатах?

— Да, Гетин в Бостоне. Я подумала, что вы поэтому и звоните.

Я взбежал по ступенькам, прикрывая ладонью микрофон. Большинство людей, чтобы лучше слышать, закрывают свободное ухо, блокируя внешний шум и не понимая, что проблема в шумовом фоне, который улавливает именно микрофон.

— Он давно здесь?

— Несколько месяцев. Я уже волнуюсь, потому что так и не дождалась от него звонка.

А в чем дело?

— Я провожу одно небольшое исследование, и мне попалось ваше имя. О вашем сыне не знаю ничего, кроме того что его родители эльф и фейри.

Долгая пауза.

— Довольно странное исследование.

Тон стал намного холоднее, и я понял, что ступаю на зыбкую почву и должен проявлять крайнюю осторожность, если не хочу потерять ее прямо сейчас.

— У нас здесь довольно неординарная ситуация. Надеюсь, вы мне поможете. Ваш сын проявлял склонность к насилию?

Снова молчание. Секунды растягивались в часы.

— Я не скажу вам ничего, пока не узнаю, в чем дело.

— Видите ли, меня привлекли в качестве консультанта к расследованию, которое проводит бостонское отделение Гильдии. — Не совсем правда, но и не явная ложь. Больше ей знать ни к чему.

— Гильдия? — В голосе женщины прозвучали нотки сомнения.

— Делом занимаются они, потому что речь идет об убийстве иных.

И опять долгая, томительная пауза.

— Алло? — не выдержал я.

— Вот что, мистер Грей, держите Лоркана Макдуина подальше от моего сына.

Ошеломленный, я остановился у вершины холма, на котором еще совсем недавно наблюдал за похоронами Танси. Павильон находился на его склоне, в нескольких сотнях футов от меня. Мирил еще не появилась.

— Откуда вы знаете Лоркана Макдуина?

— Он ведь в тамошней Гильдии, верно? Лоркан испытывает противоестественное влечение к моему сыну. В прошлом году он даже специально приезжал в Германию, чтобы встретиться с ним. Вы спрашивали о склонности к насилию. Единственный раз Гетин вышел из себя именно из-за Макдуина. Пожалуйста, защитите от него моего мальчика.

— Не понимаю. Если вы опасаетесь Макдуина, то почему позволили сыну уехать в Бостон?

— Что?

— Зачем Гетин приехал в Бостон?

— Я не слышу вас, мистер Грей. — В трубке затрещало. Я завертелся как бешеный, надеясь, что проблемы с приемом сигнала где-то на моей стороне. Треск усилился. Сквозь помехи пробилась гудка.

— Будь оно проклято. — Я ткнул пальцем в кнопку. Номер звонившего не определился. Я прошелся туда-сюда. Может быть, еще перезвонит. Мирил пока не пришла. Перекресток, из-за которого она должна была появиться, скрывали деревья.

Защита сработала с опозданием. Я ощутил знакомое покалывание — кто-то навел заклинание. Голова повернулась на пару дюймов и как будто ооченела. Заклинание накрыло меня покровом прохладной статики, что было бы даже приятно в других обстоятельствах. За спиной кто-то рассмеялся. Шаги приблизились, но я не мог пошевелиться, а в зону периферийного зрения незнакомец не попал. Чья-то рука высунулась из-за спины и забрала мой телефон.

Передо мной появился эльф и, мерзко ухмыляясь, набрал номер. На моем телефоне. Было темно, но я все же узнал одного из тех двух парней, что напали на меня возле дома. Этого я укусил. Значит, за спиной остался второй, заклинатель.

— Мы его взяли, — сообщил эльф и, выслушав ответ, кивнул и отключился. Телефон исчез в его кармане. Подойдя ближе, он взял меня за локоть, приподнял на пару дюймов и толкнул вперед. Со стороны мы походили на прогуливающуюся парочку.

Я попытался открыть рот и позвать на помощь, но на сей раз заклинатель решил не рисковать и не ослаблять контроль ни на мгновение. Мы спускались с холма к афишной тумбе, все больше удаляясь от павильона. Напрягая последние силы, я повернул голову вправо, надеясь увидеть спешащую на выручку Мирил. Никого. Усилие далось нелегко, на лбу выступил пот. У подножия холма мы остановились, пропуская парня с девушкой. Увлеченные собой, они не обратили ни малейшего внимания на застывшего мужчину, которого поддерживал под руку эльф. Глупейшая ситуация, но я не мог даже посмеяться.

Эльф снова подтолкнул меня вперед, и мы двинулись в обход тумбы. Кругом снова прохождение, но никто не проявлял к нам интереса. Возле тротуара на Тремонт-стрит эльф дружески обнял меня за плечи. Нас уже поджидал черный «линкольн» с затемненными стеклами и пропуском Гильдии за задним ветровым стеклом. Кто-то подошел сзади. Второй эльф. Он открыл заднюю дверцу, и меня довольно бесцеремонно втолкнули в салон. Дверца захлопнулась, ударив меня по ногам. Я проехался по сидению и врезался головой в противоположную дверцу.

Нос оказался прижатым к кожаной обивке. Обретя некоторую свободу, я переместил вес тела, перекатился на спину и едва не свалился на пол. Хлопнули передние дверцы. Похитители сели впереди. Теперь я мог видеть заклинателя. На нем снова были темные очки. Бросив взгляд в окно, он пробормотал что-то по-немецки, и машина тронулась.

За окном замелькали деревья. Мы остановились у светофора. Заклинатель по-прежнему держал меня под контролем. Едва зажегся зеленый, как «линкольн» резко бросило в сторону. Заклинатель отвернулся, и удерживавшая меня сила начала слабеть. Я попытался сесть, и в этот момент нас опять тряхнуло. Я завалился на сидение. Эльфы закричали друг на друга. Мне уже удалось дотянуться до ручки дверцы, когда заклинатель обернулся и вскинул руку. Слетевший с его ладони ослепительный шар ударил в грудь. Я согнулся от боли, хватая ртом воздух. Невидимые путы сжали тело. «Линкольн» рванулся вперед, набирая скорость, и меня вжало в спинку сидения. Последовавший за этим третий толчок напоминал удар ветра.

Я уже сориентировался. Промчавшись по Тремонт-стрит, мы свернули на Бойлстон. Справа появилось здание Гильдии. Дракон над главным входом оскалил в усмешке зубы. Обогнув здание, шофер повернул к съезду. Гаражная дверь открылась, и «линкольн» мягко проскользнул под ней, на несколько дюймов разминувшись с нижним краем. Старушка-гном в будке дежурного рассеянно помахала рукой.

Раньше мне и в голову не приходило, что гараж может быть таким огромным, почти бесконечным. Наматывая круги, мы спускались все ниже и ниже и наконец остановились на крохотной площадке, рассчитанной на две или три машины.

Водитель вышел. Открылся багажник. Только этого не хватало. Нет ничего хуже, чем путешествовать в багажнике машины. Не самое комфортное место. Водитель скрылся из виду. За спиной у меня зашуршало. Открылась задняя дверца. Шофер схватил меня за шиворот, рванул к себе и ловко обмотал скотчем руки и ноги. Заклинатель умолк. Откашлялся.

— Мне нужно попить.

Чары медленно ослабевали. Водитель стоял в нескольких футах от машины. Я наблюдал за заклинателем. Опасность представлял только он. Если обезвредить его, с водителем справиться можно. Но прежде освободиться от пут. В общем, шансы на спасение невелики.

— Вылезай. Медленно, — сказал шофер. Я опустил ноги и кое-как поднялся. Заклинатель, обойдя машину с другой стороны, закрыл дверцу. Значит, кататься больше не будем.

— Выбирай сам — либо по-плохому, либо по-хорошему. Или мы перенесем тебя куда надо без проблем, или отрубим и перетащим туда же.

Я усмехнулся.

— А в чем дело? Газ кончился? — Шофер без предупреждения врезал мне в живот. Я не успел собраться и свалился на пол, как набитый камнями мешок. А еще мечтал вырубить обоих.

— Ладно, ладно. Спротивляться не буду.

Теперь за заклинание взялся водитель. Я вдруг почувствовал себя легким, почти невесомым, как будто оторвался от пола и повис в воздухе. Эльфы взяли меня за руки с обеих сторон и, не напрягаясь, направили к деревянной двери.

— Отличная у вас команда. Наверно, так и приходится искать третьего, учитывая, что поодиночке вы и шага сделать не можете.

— Предпочитаешь, чтобы проволокли по полу? — Шофер толкнул дверь свободной рукой. Мы оказались в длинном коридоре, и я ощутил слабое прикосновение магии. Здесь было сумрачно, повсюду лежала пыль, у стен — кучки мусора. Судя по всему, пользовались этим коридором нечасто. Миновав старомодный канделябр с мигающим желтоватым глазом, мы остановились перед очередной, теперь уже железной дверью. Шофер открыл смотровое оконце и заглянул в темноту. Потом, ничего не сказав, задвинул створку и открыл дверь.

Меня швырнули на пол. Шофер наклонился и принялся меня обыскивать. Руки его словно нарочно обходили пристегнутый к ноге кинжал, и в какой-то момент я даже подумал, что он, может быть, мой тайный союзник. Скорее всего, однако, сработало наложенное Бриаллен оберегающее заклинание. Закончив, он слегка надрезал скотч. Еще через секунду дверь закрылась, и я остался один.

Открылось окошечко.

— Дай знать, когда освободишься, — сказал заклинатель.

Я чихнул. В комнате стоял отвратительный запах сырости, мочи и гнили. Я пошевелил руками и услышал чарующий звук рвущейся пленки. Выпростав после нескольких попыток правую руку, я сорвал скотч с левой — к сожалению, с едва ли не со всем волосатым покрывалом.

— Готов.

— Покажи руку.

Я просунул руку в оконце, ожидая какой-нибудь мерзкой шутки и дурацкого хихиканья, но получил спичку и коробок. Ударивший в лицо луч фонарика заставил меня отступить.

— Одна спичка у тебя есть. Больше не проси.

На боковой стене, в нескольких футах от пола, висел факел. Я ощупал его руками и, убедившись, что он сухой, чиркнул спичкой. Чахлое желтоватое пламя почти растворилось в темноте. Я повернулся к двери. Окошко закрылось. За дверью послышались приглушенные голоса.

Я огляделся. Помещение было, наверно, чем-то вроде склада, затерянного в глубоком подвале здания. Повсюду валялась старая мебель, коробки, ящики. И еще здесь пахло. Если тут кто-то умер, то и мне ничего хорошего ждать не стоит. Сыро и холодно. Я уже пожалел, что не надел куртку. Под грудой мусора что-то закопошилось. Крысы. Ко всему прочему. Что ж, с крысами я еще мог примириться. По крайней мере их мотивы были ясны.

Я прошелся по крохотному, свободному от хлама пятачку. Как же так получилось? Как вышло, что меня взяли среди белого дня? Наверно, в бега следовало податься раньше. Да и спрятаться не мешало бы получше. Интересно, знала ли Кива, что моя квартира на прослушке? В то, что она опустила так низко, верить не хотелось. К тому же, если Кива работала против меня, то зачем спасла в прошлый раз от этих же самых эльфов?

Я с трудом удержался от того, чтобы не проверить дверь. Нет, даже эти болваны не настолько тупы, чтобы оставить ее открытой. Что ж, поживем — увидим, что припас для меня Макдуин. Только бы ожидание не затянулось. Донимал не столько холод, сколько сырой, зловонный воздух. Рыться в мусоре не хотелось. Уж лучше померзнуть.

Интересно, как случилось, что сын Герды Эльфхайм оказался в Бостоне? Совпадение? Не похоже. Может, его сюда заманили? Теперь их здесь двое. Коркан Сидхе и Гетин. Два полуфейри-полуэльфа. Все остальные умерли. У Деалле несомненно сохранились старые германские связи. Могла ли Герда прислать ей своего сына? Иные нередко принимают чужих детей. Кому легче заботиться об умственно отсталом ребенке, если не женщине, у которой уже есть такой опыт. И Макдуин знает обеих.

В коридоре прозвучали шаги, и мои стражники замолчали. Шаги твердые, размашистые. Чтобы узнать их, никаких особенных способностей не требовалось. Засов со скрежетом отъехал в сторону. Дверь открылась. У порога стоял Макдуин. За его спиной ухмылялись эльфы.

Мы молча смотрели друг на друга. На нем был обычный черный костюм, но только

сейчас, находясь на своей территории, он не стал скрывать крылья, и они подрагивали у него за спиной, отражая желтые пятнышки света от горящих факелов.

Я постарался принять беззаботный вид. Напрягаться не пришлось — все это я видел и раньше.

— Может, объяснишь, зачем ты меня похитил, а, Лоркан?

Он улыбнулся.

— Пришел убедиться, что ты никуда не делся. Ты же иной. Всегда можно сказать, что я задержал тебя для допроса.

— Этому даже комиссар не поверит.

Улыбка стала еще шире.

— А ему это и не надо.

Мне сделалось не по себе.

— Почему?

Макдуин шевельнул бровью.

— Скажу так. Мы с комиссаром достигли соглашения, и ты в это соглашение не входишь.

А вот это уже плохо. Я решил блефовать.

— Меня будут искать. И в первую очередь придут к тебе. Когда твои головорезы схватили меня, я как раз разговаривал по телефону и...

— Врет. Ни с кем он не разговаривал, — перебил меня шофер. — Он даже не понял, что с ним случилось.

Я посмотрел на него.

— Не вынуждай меня кусать тебя еще раз.

Макдуин покачал головой.

— Держался бы ты подальше от этого дела, Коннор. — Он повернулся к заклинателю. — Держите его пока здесь. Через день-два понадобится.

— Эй, — крикнул я, видя, что он уходит, — мне известно насчет Германии.

Лоркан жестом остановил эльфа, уже закрывавшего дверь.

— Что тебе известно насчет Германии?

Придется блефовать. Я даже не был уверен, что он ездил туда.

— Мне известно, что ты там делал.

— Чепуха. Все знают, что я проводил там отпуск прошлой осенью. — Он отвернулся и кивнул шоферу.

— Я знаю о Герде Эльфхайм.

Попал! Макдуин остановился и медленно повернулся ко мне, но заговорил не сразу, как будто переваривая услышанное.

— Это осложняет дело. Не думал, что ты подберешься так близко. Надеялся, что когда все закончится, твоя бредовая теория насчет заговора будет выглядеть попыткой создать себе алиби. Теперь, похоже, твоя болтовня может спровоцировать нежелательные вопросы.

— Собираешься повесить все на меня? Неужели ты думаешь, что Герда Эльфхайм будет молчать, если меня отдадут под суд?

Он пожал плечами.

— На твоём месте, Коннор, я бы не стал возлагать надежды на Герду. О ней в свое время позаботятся.

Я шагнул к нему. Макдуин вскинул вопросительно брови, но не более того.

— Лоркан, то, что ты собираешься сделать, не поможет. Ты не удержишь это под контролем. Никто не удержит.

— Ты не первый, кто меня недооценивает. Я не для того убедил в своей искренности Мэб, чтобы ты нарушил мои планы своим жалким энтузиазмом.

— Как тебе это удалось? — крикнул я ему в спину. — Знает ли Деалле Сидхе, что у тебя на уме, или она так же ослеплена политическими амбициями, как и ты?

Он с любопытством посмотрел на меня, потом негромко, но искренне усмехнулся.

— Как всегда, Коннор, ты наивно полагаешь, что знаешь все ответы, но на самом деле ты тот же самоуверенный глупец, каким был всегда. Ты даже понятия не имеешь о том, что в действительности происходит. Мне это нравится. Так что сиди и ломай себе голову.

Он развернулся и зашагал по коридору. Дверь захлопнулась. Как в мелодраме. Следуя канонам жанра, я врезал по ней ногой.

В чем же ошибка? Что я пропустил? Мирил сказала, что заклинание высвободит древнюю силу. Если оно взято из «Бурой книги Ценхоса», то это должна быть фоморская сила. Результатом будет хаос. Эту же цель Макдуин преследовал и во время войны — учинить хаос. Из ныне живущих совладать с древней силой некому. В конце концов когда-то фоморы правили Туата де Дананн. Но с тех пор прошло столько времени, что даже Бриаллен считает их ритуалы полной чушью. Макдуин рехнулся, если думает, что сумеет совладать с тем, что придет через прорубленную заклинанием брешь. Я покачал головой. Шестеро уже погибли, так что сомневаться в безумии Лоркана нет оснований.

Меня отвлек шорох, донесшийся из-под сваленных в кучу коробок. Громадная серая крыса пересекла комнату, подняла морду и принялась. Густая полоска меха на ее голове напоминала корону. Встав на задние лапы, крыса повернула мордочку в мою сторону. Я огляделся в поисках подходящего метательного снаряда и поднял сломанный стул. Тварь уже отвернулась, но я все равно бросил в нее деревянную ножку. Пусть промахнулся, зато напугал. Крыса мгновенно скрылась под коробками и отчаянно зашуршала, пробиваясь к своему убежищу.

Голоса за дверью стихли. Некоторое время я стоял, вслушиваясь в тишину и стараясь не фокусировать внимание на злости. Злость только мешает размышлять, а я по собственному опыту знал, что зачастую размышление и есть единственный путь к свободе. А уж если и это не сработает, то остается кинжал на ноге.

Глава 16

Пронзительный крик заполнил проколотый цветовыми вспышками воздух. Я приник к земле. Сердце бешено колотилось, но не от волнения, как мне хотелось бы думать, а от обычного страха. Что-то приближалось. Что-то огромное и темное. Я пошарил рукой, вытащил кинжал, и лезвие блеснуло белым светом. Крик снова разорвал тишину.

Я проснулся в темноте. Холодный воздух облепил кожу, твердый каменный пол стал еще жестче. Факел на стене погас. Дыхание в обступившем со всех сторон мраке казалось неестественно громким, хриплым и скачущим. Снова кошмар. Я сделал несколько глубоких вдохов, замедляя бег сердца.

Попытка подняться отозвалась сухим потрескиванием в коленях. Я потер руки, пытаюсь восстановить кровоснабжение. Просыпаясь в течение ночи, я каждый раз все острее ощущал проникающий в тело холод. Смерть от переохлаждения мне еще не грозила, но и засыпать становилось все труднее. Я помахал руками, разгоняя кровь. Помогло не очень.

Пока факел еще горел, я успел осмотреть комнату, проведя инвентаризацию поломанной офисной мебели, но так и не обнаружив скрытого выхода. Наружу вели только два зарешеченных стока, уже облюбованных крысами.

С наступлением темноты пришла усталость, а за ней сон. Светящийся циферблат часов с неумолимой точностью отражал вялый ход времени. Просыпаясь, я с надеждой смотрел на него и с разочарованием убеждался в том, что прошло всего лишь пять минут.

Около четырех ночи уверенность в том, что стражи не настолько тупы, чтобы оставить дверь незапертой, уступила место страху, что они все-таки тупы, а я даже не попытался ее толкнуть. Я встал и повернул ручку. Дверь была заперта. Я лег и уснул.

Тишина отдавалась болезненным ощущением в животе. Никогда прежде мне не приходилось попадать в столь отчаянное положение. Даже оказываясь ненадолго в ловушке, я знал, что где-то поблизости — на крыше, за дверью, за стеной — есть люди, готовые прийти и уже спешащие на помощь. Я не выпадал из череды событий. Какие-то события

происходили и сейчас, но я пребывал вне их контекста. Возможностей влиять на них у меня больше не было. Времени прошло слишком мало, чтобы впасть в отчаяние и потерять надежду, но там, за пределами моей тюрьмы, дело близилось к развязке. Наступал Иванов день. Придет ночь, наступит новолуние, и кто-то умрет. Только теперь за этой смертью последует хаос. Я снова уснул.

Завтрак подали в бумажном пакете, свалившемся на пол из открывшегося окошка. Свет ударил в глаза, но тут же пропал, отрезанный железной створкой. Я пошарил по полу, но обнаружил пакет скорее по запаху пережаренных чипсов, настолько сильному, что он пробился даже через мои закупоренные носовые каналы. Бургер, картошка и бутылка воды. Еда холодная, вода теплая. Не с этого хотелось бы начинать день, но желудок прекратил подавать сигналы бедствия еще где-то около полуночи. Да и шорох промасленной бумаги порадовал новизной звучания.

Кинжал Бриаллен все еще оставался у меня. Ночью, перед тем как погас факел, я испытал его силу на двери. Дерево было старое, но крепкое. Я мог бы попытаться поработать со стеной, добраться до петель, но стражники, конечно, не позволили бы продвинуться уж очень далеко, а кинжал бы просто отобрали. С одним я бы еще мог справиться, если бы заманил его в комнату, но с двумя было не совладать. Да и попадаются на такие фокусы разве что в книжках.

В любом случае вариант с убийством кого-то из тюремщиков всерьез не рассматривался. Эльфы всего лишь делали свое дело, выполняя приказы Макдуина. Не то чтобы я проникся к ним из-за этого теплыми чувствами, но ведь и их нанимали на работу не для того, чтобы умирать. Может быть, достаточно будет просто ранить. Рассуждая таким образом, я смотрел на дверь, но мои мысленные приказы никак на нее не действовали. В конце концов меня снова сморил сон.

Прошло несколько часов, прежде чем я поднял голову со смутным ощущением, что слышу какие-то новые звуки. И верно, из коридора доносились голоса, причем резкие, недовольные, то громкие, то тихие. Голосов было по меньшей мере два. И один из них принадлежал женщине. Потом к ним добавился третий, низкий и требовательный. Я не мог разобрать слов, но разговор, судя по тону, вовсе не был дружеским.

Приближаясь, они становились громче. Я прислушался.

— А мне наплевать. Планы изменились, — говорила женщина.

— Он сказал, что только завтра, — возразил эльф.

— Я без него не уйду. У нас нет времени.

Дверь распахнулась, и свет ударил мне в лицо. Я зажмурился. В дверном проеме возник силуэт фейри — в полном блеске праведного гнева, с трепещущими за спиной крыльями. Я заслонился ладонью. Из глаз потекли слезы.

— Кива?

— Идем, Коннор. И не артачься — у меня и без тебя проблем хватает.

— Я должен позвонить Макдуину, — заупрямился один из эльфов.

— Макдуин занят, дубина. Иначе стал бы он отправлять сюда меня.

Что-то было не так. Нарушилось ощущение перспективы. Кива примерно одного со мной роста, но сейчас я смотрел на нее сверху вниз.

— Кива?

— Хватит, Коннор. Идем. Я и так уже опаздываю. — Она схватила меня за руку и, бросив косой взгляд на эльфов, вытащила в коридор. Тюремщики были явно недовольны и растеряны. Кива заглянула в темную комнату. Стоя рядом с ней, я видел ее словно через подрагивающую пленку.

— Макдуин желает тебя видеть и ждет нас в книжном магазине на Кенмор-сквер. Будем там через полчаса.

Заклинатель покачал головой.

— План был другой.

Она усмехнулась.

— Ох, извините. Скажу Лоркану, чтобы в следующий раз обязательно согласовал все с вами.

Эльфы переглянулись. Кива снова взяла меня за руку и повела по коридору. Эльфы остались на месте — с сердитыми физиономиями и в явной растерянности. Кива окинула их строгим взглядом.

— Шевелитесь. Повторять не буду. Нам действительно надо поторапливаться, — добавила она негромко, делая мне знак следовать за ней. Мы зашагали по коридору. Путь снова преградила дубовая дверь, но магии не потребовалось — она открылась сама собой, стоило лишь потянуть за медное кольцо. У выхода я не удержался и, повернувшись, помахал моим тюремщикам ручкой. Их выдержке можно было позавидовать — оба остались на месте.

Мы вышли в другой коридор, уже с электрическим освещением, но все равно темный. Я взглянул на свою спасительницу.

— Тебе бы надо покрасить волосы — оранжевые корни вылезли.

Она посмотрела на меня исподлобья. В какой-то момент за ее спиной как будто замаячил кто-то другой, потом воздух зарыбил, и видение исчезло. Вместе с ним пропали и крылья.

Мирил скрестила руки на груди и топнула ногой.

— Хочешь увидеть идеальный гламур? С удовольствием запру тебя в той комнатухе еще на пару часиков.

Я поднял руки.

— Нет-нет, меня и этот вполне устраивает. Насиделся.

Она нахмурилась.

— Я бы пришла раньше, но кто-то до смерти перепугал беднягу Маффина.

— Маффина? Крысу? Так это твой...

Она рассмеялась.

— Маленький хитрюшка с венчиком на голове? Скажем так, мы с ним в добрых отношениях. Поторопись. Те два болвана еще могут опомниться.

Мы еще долго петляли по бесконечным коридорам, но судя по тому, что свет после каждого поворота становился ярче, двигались в нужном направлении. То, с какой легкостью Мирил находила путь, свидетельствовало либо о тщательном изучении ею карты, либо о невероятной пронырливости.

— Как ты узнала, что я здесь?

Она раздраженно посмотрела через плечо.

— А кто, по-твоему, пытался сорвать крышу с «линкольна»? Жаль, медленно соображаю — надо было бить по колесам. Я сидела у вас на хвосте и видела, как машина свернула к служебному подъезду. Вытащила бы раньше, но сильно устала. — Мирил открыла дверь. — Впервые вижу таких тупых эльфов.

Мы вошли в коридор неподалеку от хранилища. Мирил достала из кармана и развернула листок бумаги.

— Это и есть то самое заклинание, что способно пробить дыру в пространственных барьерах. Силу ему придает кровь и сердца иных. Я перевела его на огам, поскольку фоморский язык ты знаешь не очень хорошо. Кое-что просто передала фонетически. А вот этот знак, звездочка, произносится так. — Она издала глубокий горловой звук.

— И когда же это ты успела освоить фоморианский?

— Скажем так, у меня было интересное детство. Ну, тебе нужно что-то еще или ты и так уже в жутком долгу передо мной?

— Я могу позаимствовать у тебя сотовый?

Мирил вздохнула и вытащила телефон.

— Бери и пользуйся. Да поскорее, пока я не раскаялась, что вытащила тебя из той дыры.

— Спасибо. Не забуду твоей доброты. — Неожиданно для самого себя я поцеловал ее в

макушку и побежал по коридору к лифту.

— Эй, я за роуминг платить не собираюсь! — крикнула она вслед.

Удачный маскарад Мирил натолкнул меня на интересную мысль. Я позвонил Киве. Она взяла трубку после второго звонка и нисколько не удивилась, услышав мой голос. Стало легче. Может быть, ей и впрямь неизвестно, что я должен сидеть под замком.

— Мне нужно знать, где сейчас Макдуин.

— А мне совершенно не нужно портить из-за тебя отношения с шефом.

— Меня похитили, и последние двадцать четыре часа я просидел в каком-то вонючем складе. По его приказанию. Думаю, за убийствами стоит он.

Она отозвалась не сразу.

— Ты представляешь, каким параноидным бредом это звучит?

— У меня есть доказательства. Полагаю, Макдуин сохранил верность прежним взглядам и хочет установить здесь новый порядок с доминирующим положением иных. Он собирается открыть что-то вроде перехода через пространственные барьеры. Если у него получится, Конвергенция покажется нам всем легкой икотой.

— Поняла. Я ошибалась. Ты действительно сумасшедший.

Дверцы лифта открылись. Я взглянул на часы. Почти восемь вечера. Солнце вот-вот начнет садиться. Коридор первого этажа был пуст. Иванов день отмечался в Гильдии как праздник, и охранник на выходе посмотрел на меня с откровенным недоумением.

— Кива, поверь мне. У меня заклинание, которое он намерен использовать. Если не хочешь со мной встречаться, скажи хотя бы, где он сейчас.

— У тебя есть заклинание?

Я решил, что выражать сомнения сейчас не время.

— Да.

— Макдуин дома. Буду ждать тебя там. — Она повесила трубку.

Я облегченно выдохнул — получилось.

Взять такси или лучше пешком? Поймав себя на этой мысли, я рассмеялся. Конец света на носу — какая может быть экономия! Я остановил машину. Макдуин жил в районе судоверфи, и водитель с радостью согласился отвезти меня туда. Любой маршрут с проездом по петляющим улочкам центра сулил неплохой заработок.

Я набрал номер Мердока. Слышно было плохо из-за уличного шума.

— Где тебя черти носили?

— Долгая история.

— Бар еще присматривает за Шаем? Если с ним большой эльф, который ведет себя как ребенок, пусть возьмет обоих. И предупреди об осторожности. Эльф опасен.

— Понял. Когда услышу всю историю?

— Пока не знаю. У тебя определился мой номер?

— Нет, — ответил он через пару секунд.

Разумеется. Мирил в своем репертуаре — заблокировала номер. Я продиктовал.

— Позвони, как только возьмете их. И поторопись.

— Считай, что уже взяли.

Я захлопнул крышку телефона. Работать с Мердоком одно удовольствие по сравнению с Кивой.

Машина едва ползла. Мы подбирались к вершине Бикон-хилл, и я едва удерживался, чтобы не начать подсказывать, куда повернуть и где срезать. До начала парада оставалось совсем немного, и тогда проехать через Вейрд будет просто невозможно. Шофер избавил меня от терзаний, свернув в переулок. Теперь мы мчались к Чарльзтаун-бридж.

Я достал из кармана листок с заклинанием. Оно было довольно простое, но длинное. Мысленно повторяя слова, я слышал древний ритм с привычными, но более мрачными, более примитивными модуляциями. Мирил дала приблизительный перевод, не сохранивший фоморских каденций, но заклинание все равно звучало хвалебным песнопением миру. То был призыв к глубинным силам, силам, связующим реальность, к пяти древнейшим

элементам жизни, представленным в пяти углах пентаграммы.

Теперь я понял, что имела в виду Мирил, когда говорила о странности заклинания: почитая и прославляя объединяющие, связующие силы, оно молило о высвобождении других сил из тесных рамок плоти. Несмотря на кажущийся парадокс, в этом была определенная логика. Что-то желало вырваться на волю.

Внизу Мирил приписала еще два заклинания. Оба соответствовали древней традиции Туата де Дананн и оба обращались к связующим силам. Рядом с каждым стоял большой вопросительный знак. Они должны были противодействовать фоморскому заклинанию. Дилетант назвал бы их контрзаклинаниями, но настоящие контрзаклинания предназначены для защиты от конкретных, порой весьма специфических заклятий. Сочинения Мирил были всего лишь догадками. Составленными, конечно, знатоком, но всего лишь догадками.

Тугой узел дурного предчувствия затягивался все туже. Заклинания такой силы за последнюю тысячу лет не произносил никто. Не было необходимости. А я просто не мог придать словам необходимую силу. Оставалось надеяться, что Кива сумеет остановить фоморское заклятие. Но еще лучше остановить самого Макдуина, пока он не начал ритуал.

Такси въехало на стоянку. Я расплатился, не поскупившись на чаевые, и выскочил из машины, провожаемый изумленным взглядом.

Судоверфь давно уже утратила свое первоначальное предназначение. Суда в Бостоне больше не строят. Старые здания пребывали в забвении и потихоньку разрушались, пока кому-то не пришла в голову идея переоборудовать их в жилые дома. Поначалу все думали, что только сумасшедшие согласятся платить сумасшедшие деньги за возможность поселиться в славящемся высоким уровнем преступности районе. Однако хорошо смеется тот, кто смеется последним. Прошло несколько лет, и кондоминиумы стоят в десять раз больше того, что заплатили за них первые хозяева.

Кивы нигде не было видно. Как, впрочем, и вообще никого. У края пристани припарковались несколько машин. За ними на голубой глади бухты пестрели пятнышки яхт. Обвисшие паруса томились в ожидании ветерка. Я прошел к дому Макдуина. Дверь была приоткрыта. Защита включилась сама, и я ощутил знакомое покалывание. Только что толку. Защита хороша, когда у тебя есть силы, а их у меня почти не осталось.

Проскользнув вдоль внутренней стены коридора, я остановился и прислушался. В фойе — никого. Только неровно положенный коврик. Я наклонился и вытащил из ножен кинжал. Открытая дверь и пустой холл не предвещали ничего хорошего. Я толкнул дверь ногой, и она тихонько открылась. Невидимый кондиционер гнал волну свежего воздуха. На стеклянном столике ваза со свежесрезанными цветами, на стене — маленькие картины, дальше — дверь в гостиную. Слева — лестница на второй этаж. И ни малейшего звука.

Я прошел в холл. На третьей ступеньке что-то блеснуло. Чтобы узнать кровь, гематологом быть необязательно. Выше, на перилах, еще одно пятно. Я отступил и закрыл входную дверь — сюрпризы с тыла в такой ситуации ни к чему.

На лестничной площадке тоже никого. Осторожно, проверяя каждый шаг, я поднялся на второй этаж. На стенах и полу еще пятна. Оставлять следы на месте возможного преступления неразумно, поэтому я старательно обошел их стороной. В спальнях на втором этаже — никого. Кровавые следы вели дальше.

Еще один пролет. Последний этаж. Огромная комната с перекрещивающимися потолочными балками. Я заглянул под диван. Судя по голым ступням, на полу лежал человек. Больше в комнате никого не было. Никого в целом доме, если, конечно, не считать меня и парня под диваном.

Сделав шаг в комнату, я едва не поскользнулся на разбитом варде. Знакомый минерал. Я уже видел его на крыльях убитых фейри. Но какой бы цели он ни служил, узнать об этом сейчас было невозможно.

Я обошел диван и замер от удивления.

На полу лежал Макдуин. Абсолютно голый и пришипленный к полу, как бабочка. Как и у других жертв, оба крыла прижимали камни-варды. Грудь разорвана от ключицы до

живота и разворочена с такой силой, что легкие вывернуты, а сердце не вырезано, но вырвано.

Я наклонился, чтобы рассмотреть рану получше, и с опозданием ощутил что-то похожее на легкую щекотку у основания шеи. Я отстранился, но тут же попал в поле второго камня и застыл. Надо же быть таким глупцом.

Камни на других жертвах были гораздо крупнее и использовались для того, чтобы удержать на месте крылья. Эти значительно уступали им в размерах, что и сбilo меня с толку. И все же, даже с учетом нездоровой склонности попадать в разного рода ловушки, я должен был догадаться, что здесь ситуация иная. Повернуть голову и обнаружить заряженный заклинанием обездвижения камень я не мог, как ни закатывал глаза.

Оставалось только смотреть на Макдуина. Без борьбы он не сдался. Глубокий порез на скуле свидетельствовал о сильном ударе. Скорее всего именно этим ударом его и отправили в энергетическое поле, в котором сейчас пребывал я, а дальше все пошло по сценарию убийцы.

В мертвой тишине мое внимание привлек знакомый звук. Высокие французские окна в задней части комнаты выходили на балкон. Характерный шум бьющихся крыльев шел оттуда. Обычно фейри стараются не выдавать себя, но тот, кто прилетел сейчас, явно не беспокоился о том, что его услышат. Я облегченно выдохнул, когда в поле зрения появилась Кива. На балкон она опустилась легко и даже изящно. Открыла дверь. И замерла, узрев меня. Губы ее вытянулись в тонкую линию, что означало язвительную снисходительность.

— Ну и ну, какая милая картина! — Она вопросительно посмотрела на меня, ожидая ответа. — Молчим? Не можем говорить? — Кива прошлась по комнате, всем своим видом демонстрируя озабоченность. — Так, попробуем представить, что тут случилось. Возможно ли, чтобы великий Коннор Грей угодил в ловушку? — Она высокомерно ухмыльнулась. Я попытался метнуть свирепый взгляд, но обстоятельства не способствовали выразительной мимической игре.

— Представьте мое удивление, когда, явившись к любимому боссу, я обнаруживаю его вскрытым на полу, а над ним, с занесенным для очередного удара кинжалом, нашего бывшего сотрудника. Какое несчастье, что под рукой нет фотоаппарата. — Кива остановилась и посмотрела на меня в упор. — Макдуину бы это понравилось. — Она осторожно наклонилась, чтобы получше разглядеть тело. — Жаль, что теперь бедняга не в состоянии оценить ситуацию.

Она снова посмотрела на меня и покачала головой.

— Прими мои поздравления, Коннор. В чем тебе не откажешь, так это в способности оказаться в нужном месте в неподходящее время. Макдуин не раз говорил, что ты можешь все испортить. Знаешь, он ведь хотел повесить на тебя все те убийства. И надо же так случиться — ты снова рядом с трупом. Может быть, мне стоит довести его план до логического завершения.

Кива вынула из-за пояса кинжал, взвесила задумчиво на ладони, еще раз взглянула на меня и молча прошлась перед окном. По спине проползла капля пота. Она опять посмотрела на кинжал. Я лихорадочно соображал. Кива знала все. Знала о Коркане. Но Макдуин мертв. Значит, Коркана контролирует кто-то другой. Тиски нового страха сдавили грудь. Я напрягся из последних сил, пытаясь вырваться из паутины чар.

Кива широко улыбнулась.

— Впечатляет. Думаю, с этим пора кончать. Согласен?

И она метнула кинжал.

Сердце громыхнуло в груди. Он летел с тошнотворной медлительностью, и свет отражался от узкого стального клинка. Говорят, судьба мира может висеть на кончике ножа. В тот момент я в полной мере прочувствовал мудрость этого выражения. Кинжал просвистел у моего уха и с силой вонзился в балку над головой. Что-то громко треснуло. Я рванулся в сторону и едва не упал на Макдуина.

И как это понимать? Я растерянно обернулся. Еще один расколовшийся на кусочки

камень-вард валялся на полу. Я взглянул на Киву. Она стояла у окна, сложив руки на груди и с улыбкой на тонких губах.

— Не... смешно...

Моя бывшая напарница пожала плечами.

— Не могла удержаться.

Я убрал в ножны свой кинжал. В нынешнем состоянии даже он не помог бы мне справиться с воинственной фейри.

— Что, черт возьми, здесь произошло?

Кива опустила на корточки рядом с телом.

— Когда я пришла, он уже был в таком... виде. — Она выпрямилась и вытерла руки. — Сердце забрали.

— Почему ты не предупредила меня? Могла бы...

— Не могла. Когда я пришла, дверь была открыта. Я подумала, что ты уже в доме.

Один вард на лестнице мне удалось убрать, а вот добраться до второго не получалось — неподходящий угол. Поэтому я и вышла на балкон. Странно, что ты ничего не почувствовал.

Я потер нос.

— У меня проблемы с обонянием.

Кива закусила губу и отвернулась.

— Обещай, что дашь мне все объяснить?

Я растерянно пожал плечами. Она протянула руку и дотронулась до моего лба. Легкое давление, как бывает, когда спускаешься на скоростном лифте, и — облегчение. Я снова мог дышать, чем незамедлительно и воспользовался. И тут же чихнул и едва не задохнулся. В комнате стояла ужасная вонь, в которой смешались и запах вскрытого тела, и сущность убийцы. Я схватил Киву за локоть.

— Что ты сделала со мной прошлым вечером?

Она легко стряхнула мою руку.

— Спасла от очередной поездки в госпиталь. Когда Макдуин понял, что ты знаешь о Гетине, он приказал мне устранить тебя. Я отказалась, и он отправил к тебе своих подручных. Скажи спасибо. Если бы не я...

— Хочешь сказать, Макдуин знал, что Гетин здесь?

— Конечно, — удивилась Кива.

— Я считал, что Лоркан использует Коркана для кровавых дел.

Она покачала головой.

— Ох, Коннор. Ну, конечно же, нет. Ты все перепутал. Никаких убийств Коркан не совершал. Убивал Гетин. Я думала, ты уже разгадал, что это за ритуал. Гетин умирает — генетические дефекты лечить еще не научились. Макдуин сказал, что у него есть средство для исцеления. Заклинание. Гетин в большей степени фейри, чем эльф, поэтому и убивал фейри-проститутов, чтобы добыть их сердца. Они необходимы для очищения его эльфийской сущности. Коркан же нужен в качестве ее последнего очистительного вместилища.

— Но тогда почему Макдуин препятствовал полицейскому расследованию?

Она вздохнула и отвела глаза, словно решая, достоин ли я знать все.

— У Макдуина и Герды Эльфхайм был роман во время войны. Гетин — сын Макдуина.

Сраженный этим известием, я опустился на диван. Так вот почему Макдуин смеялся тогда, в подвале. Он понял, что я ничего не знаю о Гетине. И ничего не сказал мне. Он намеревался подставить меня. Я посмотрел на распростертое тело бывшего шефа — жалости к нему не было.

— Невероятно. Он собирался жертвовать другими, чтобы защитить своего сына?

— Макдуин пытался остановить его. Он лишь хотел избежать огласки. Боялся, что пресса все разносит. Герда ведь активно участвует в радикальных движениях. Если бы правда о Гетине вышла наружу, Макдуину припомнили бы старые связи. Ему бы многое припомнили, а с подпорченной репутацией карьеры не сделаешь. К тому же у него плохие

отношения с Мэб. Королева никогда бы не допустила, чтобы у кого-то возникли подозрения относительно ее мотивов.

— И ты ему помогала.

Она улыбнулась.

— Не просто помогала. Я сама схватила мерзавца. Два дня назад. Макдуин намеревался продержат его взаперти по крайней мере до Иванова дня, чтобы он не смог никого больше убить и тем самым завершить ритуал.

Теперь я понял, почему дом едва ли не вибрирует от охранных чар. Волны напряжения шли от закрытой двери в задней части комнаты.

— Он держал его здесь?

Кива кивнула.

Я подошел и открыл дверь. За ней находилась крошечная ниша, в которой едва помешалась кровать. Над кроватью — окно с разбитой рамой. Гетин должно быть выбрался через него и устроил ловушку самому Макдуину. Но мое внимание привлекло другое. На каждой из четырех стен была нарисована пентаграмма, а на потолке, соединяя их, красовалась пятая. Вместо краски Гетин использовал собственную кровь.

Я вдруг все понял.

— Надо уходить. Сейчас же. Я знаю, где закончится ритуал.

Кива указала на тело.

— Ритуал закончен, Коннор. Последнее сердце Гетин забрал у отца. Теперь он настоящий, полноценный фейри.

— Подумай сама. Сердце здесь нет. Дело не в извлечении сердец. Ты не думала, для чего нужны пентаграммы?

Я протянул полученное от Мирил заклинание и увидел, как кровь отхлынула от ее лица. Дойдя до конца страницы, она вернула мне листок.

— Макдуин показывал другое. Где, по-твоему, сейчас Гетин?

— На Касл-айленд. Шай собирался отвести туда Коркана. Посмотреть фейерверк.

Не говоря ни слова, Кива вышла на балкон, расправила крылья и начала подниматься. Я последовал за ней, и она подхватила меня под руки. В следующее мгновение балкон ушел из-под ног, а у меня засосало под ложечкой. Еще секунда, и мы уже парили над зданием.

Садящееся солнце прочертило горизонт оранжевыми и красными полосами. К востоку от бухты небо уже посерело. Не дожидаясь ночи, толпы людей высыпали на улицы. Там и тут с треском взрывались дешевые хлопушки, вспыхивали разноцветные огоньки фейерверков, взлетали, оставляя дымный след, ракеты.

С востока к городу тянулись темные тучи, между которыми мелькали молнии. Порыв ветра подхватил нас и отбросил в сторону. Реагируя на страх, автоматически включилась защита, и Кива едва удержала меня на весу. Ее пальцы больно впились в мои плечи. Мы летели над водой, и берег с бьющейся о камни полоской пены уходил за спину. Еще один порыв ветра ударил слева, и Киве с трудом удалось сохранить высоту. Внизу, на лодках, спешно поднимали паруса.

Кива начала читать заклинание, пытаясь воспользоваться энергией стихии. Полет стабилизировался, когда мы оказались над Вейрдом. Растянувшиеся вдоль авеню люди танцевали, пели и летали. Мимо нас то и дело проносились фейри. Мы присоединились к небольшой группе, направляющейся к Касл-айленд. Здесь, в стороне от увлеченного весельем Вейрда, настроение уже менялось от возбужденно-радостного к тревожному, и лица все чаще обращались к надвигающемуся со стороны бухты черному валу.

Впереди показался Касл-айленд, на берегах которого собрались сотни горожан. Под нами раскинулся Форт независимости с поднимающимися на добрых тридцать футов над землей пятью гранитными стенами. Еще одна пентаграмма. Зеленую площадку для парадов в центре форта скрывала мерцающая дымка, и исходящая из нее сущность пульсировала злобой и ненавистью.

— Мне через нее не пройти! — крикнула Кива и, наклонившись вправо, спикировала

на парковочную площадку.

Я достал телефон и набрал номер Мердока.

— Ты где?

— У входных ворот Форта независимости.

Я захлопнул крышку. Кто-то запустил фейерверк, и собравшиеся одобрительно загудели.

— К входным воротам! — крикнул я, хватая Киву за рукав.

Она кивнула и снова схватила меня за плечи. Мы пролетели над укреплениями и пошли на снижение. У ворот я увидел Мердока. Детектив наблюдал за толпой, держа руку на кобуре револьвера. Кива приземлилась рядом с ним.

Мердок и глазом не повел, сделав вид, что путешествие по воздуху на крыльях заурядное дело.

— Что происходит?

— Конец света. Что с Корканом и Шаем?

Мердок ткнул пальцем в закрытые ворота футов пятнадцати высотой. С дверных колец свисали цепи. Хотя вокруг болталось много иных, я сразу почувствовал, что ворота запечатаны сильным заклинанием.

— Вошли туда. Дверь не поддается.

Я повернулся к Киве.

— Здесь не чары, а заклятие.

Она положила руку на деревянную панель, чтобы определить уровень силы, потом отступила на шаг, и с ее ладони сорвался ослепительный белый шар. Он ударил по петлям сначала одной, потом второй половины, и Кива потянула за одно из колец. Ворота открылись.

Узкий коридор за ними заполняло то же бледное мерцание, что мы уже видели сверху. Исходившее оттуда зло ощутил — судя по выражению лица — даже Мердок. Детектив достал револьвер, кивнул нам и вошел первым. Кива картинно закатила глаза и протиснулась мимо него.

— От твоей пушки, малыш, здесь толку мало.

Дальний конец коридора был обрамлен незамысловатой аркой, за которой начинался бывший учебный плац. В центре прохода стояла обнаженная фигура с раскинутыми и дрожащими от переполняющей их силы крыльями. Темные, по-восточному раскосые глаза на усталом лице светились восторгом триумфатора. Только теперь, впервые увидев Гетина Маклоркана во плоти, я понял, что портрет преступника, составленный по описанию Шая, на самом деле не имел никакого отношения к Коркану Сидхе. В глаза бросалось только поверхностное сходство.

Шай лежал, съезжившись, на краю площадки. Не обращая на него внимания, Кива прошла мимо и ступила на траву. Мердок не отставал от нее, держа наготове револьвер. Я наклонился к пареньку, но так и не понял, дышит он или нет. Знал ли бедолага, во что впутался и с кем связался. Я вынул кинжал и поспешил за Кивой.

Гетин уже заключил себя в пентаграмму с пятью Сосудами Духа, наполненными травами, водой и вырезанными сердцами фейри. В центре символа, у ног Гетина, лежал Коркан. Тело его застыло, глаза невидяще смотрели в небо.

— Ну, хватит с тебя, — сказала Кива. — Достаточно натворил.

Гетин опустил голову и посмотрел на нее черными, как уголь, глазами. Уши у него были не закругленные, а заостренные.

— Я только начал. — Такой голос, одновременно хриплый и чистый, мог быть у человека, всю ночь курившего и громко спорившего. Такой голос не забудешь. Как и сущность. В ту ночь мы со Стинквортом подобрались к нему почти вплотную и, будь чуть быстрее и расторопнее, спасли бы последнюю жертву и самого Макдуина. Его сущность все еще отдавала чем-то невыразимо омерзительно-противоестественным, но она уже начала мутировать. Гетин превращался в фейри.

Я подошел ближе и почувствовал, как поднимаются волоски на руках. Гетин окружил пентаграмму кругом и возвел защитный барьер.

— Тебе это не нужно. Ты же получил все, что хотел, — сказал я.

Он перевел глаза на меня.

— Все, что хотел? Нет. Я хотел востребовать благородное наследство моей матери, а вместо этого мне пришлось носить отвратительные крылья предателя-отца.

Держа правую руку на уровне талии, Кива обошла пентаграмму по кругу и, остановившись напротив меня, покачала головой. Значит, брешей в защитном барьере нет.

— У тебя ничего не получится, — сказала она.

Гетин криво усмехнулся.

— Невозможное существует только для тебя. — Он раскинул руки. — Узри мою силу. Сравни со своей. Твои старания тщетны и бесплодны. Если бы ваш народ присоединился к племени моей матери, мы уже правили бы этим миром. Но вы трусили. Вы склонились перед людьми, довольствуясь тем малым, что предложили они.

— Отпусти Лоркана, — сказал я. — Он не нужен тебе больше.

— Нужен. С его помощью я открою врата. В отличие от отца, я сдержу данное матери слово. Она отыскала для меня целительное средство. Теперь мы исцелим весь мир. — Он начал заклинание, которое я узнал после первых же слов. Старушка Мирил оказалась права; ее предположения оправдались в самом худшем варианте. Гетин действительно открывал дверь в хаос. Загудел, набирая силу, ветер. Кто-то за стеной форта запустил ракету, и она рассыпалась на десятки разноцветных брызг. За первой ракетой небо прочертила вторая... третья... Небо разрезали огненно-красные хвосты.

— Это заклинание убьет тебя! — закричал я.

Гетин на мгновение остановился.

— Ты ошибаешься. Оно откроет дверь Победенным Которые Победят. Они объединятся с нами, и мы будем править вместе. — В глазах его вспыхнул огонь безумия. Спорить бесполезно — фанатики не слышат голоса рассудка.

Гетин возобновил заклинание. Он вскинул руку, и тонкий луч желтого света пронзил барьер и устремился в небо, где заметался между тучами. Гнетущая тишина накрыла нас тяжелым саваном. Где-то далеко зародился глухой стон. Земля завибрировала под ногами, и мощная волна душного воздуха ударила сверху, сбивая нас с ног.

Я с трудом поднял голову. Высоченный вал накатил на стены форта, расшибся о камень и взметнулся ввысь, грозя накрыть нас и весь остров. Гетин воззвал к морю. Ветер вдруг стих. Из-за стены долетали крики растерянных людей. Новые и новые ракеты пронзали сгустившуюся темноту.

Кива подлетела ко мне.

— Пентаграмма нам не по силам. Такого сильного щита мне еще не встречалось.

— Проблема не в этом. — Я бросил взгляд на окружившую нас стену воды. — Ад прорвется здесь.

— Кто-нибудь скажет, что здесь происходит? — осведомился Мердок.

— Посмотри туда. — Я кивнул в сторону океана. — Это ворота в пространственную тюрьму. Когда-то Дананны наложили заклятие на одних мерзавцев, называвших себя фоморами. Гетин собирается разбить барьер и выпустить их на волю. Эти фоморы здоровенные и весьма неприятные типы.

— Извини, что спросил. — Он взвел курок и навел револьвер на Гетина. — Так почему бы мне не пристрелить его?

— Пентаграмму окружает невидимый защитный барьер. Пуля его не возьмет.

Гетин уже не отвлекался и продолжал читать заклинание, обращаясь поочередно к каждому из углов пентаграммы. Подобрал каменное лезвие, он принялся чертить на земле руны. В прозрачных сосудах вспыхнули и запрыгали вокруг сердец крохотные, пульсирующие жутковатым мерцанием точки. Из точек выстрелили и пронзили мрачное небо пять красных стрел. От громового раската задрожала земля. Собравшиеся над водной

стеной тучи двинулись по кругу, как бывает при торнадо. Центр этого круга заволновался и раскрылся, расширившись, словно зрачок мертвого глаза. Странно, но звезд на черном пологие неба не было. Верхняя кромка грозного вала затрепетала, как штора на ветру, а внизу уже заворочалось что-то огромное, неясное и бесформенное.

— Кива, примени какое-нибудь заклинание. Мы должны остаться здесь и блокировать Гетину доступ к воде.

Она закрыла глаза и попыталась сконцентрироваться. Потом покачала головой.

— Не могу ничего вспомнить.

Пошарив в кармане, я нашел бумажку с заклинанием Мирил и бросил ей.

— Выучи. побыстрее. Попытаюсь его отвлечь.

Я бросился на барьер. Невидимая стена подалась на несколько дюймов и отшвырнула меня. Гетин даже не повернулся. Оглянувшись, я заметил валяющийся кинжал и подобрал его с земли. Руны на рукоятке проступили четче. Собравшись в ожидании неминуемого болевого шока, я усилием воли направил в руку часть сущности. Руны вспыхнули — какая-то энергия в лезвии сохранилась.

Я ударил барьер кинжалом, и меня обдало фонтанчиком раскаленных искр. Гетин, не переставая читать заклинание, бросил взгляд в мою сторону. Еще удар — и шквал огненных брызг. Гетин вытянул руку — заряд энергии угодил в грудь и отбросил меня на пару ярдов. Я упал на спину. На коже осталось красное пятно, как будто меня отделали десятком кулаков.

— Есть, — сказала Кива и, поднявшись в воздух, начала свое заклинание. Она пролетала над нами, когда за спиной у нее появился след из дрожащего голубого света. Заклинание ей, похоже, пришлось сократить. Паутина слов уже цеплялась за верхушки укреплений форта. Сбить накатившую на остров волну ее заклинание не могло, но до тех пор, пока Киве удавалось удерживать Гетина, его собственное заклинание оставалось бы в ловушке.

Я снова бросился на барьер, но на этот раз подготовился к контрудару и откатился в сторону, прежде чем урод успел вскинуть руку. Энергетический шар попал в стену, и Кива вскрикнула. В следующий момент силовые потоки сплелись, образовав воронку. Киву завертело в воздухе, и я увидел, как исказилось от боли ее лицо. Еще мгновение... вспышка голубого света... и моя напарница исчезла.

Я окликнул ее. Никто не ответил. След сущности остался, но я совершенно не ощущал ее физического присутствия. В наступившей тишине послышался чей-то смех. Я повернулся к пентаграмме. Гетин вознес кинжал над неподвижно лежащим Корканом. Лицо его светилось радостью.

— Нет! — крикнул Мердок.

Я тоже закричал, но было поздно. Детектив выстрелил. Барьер полыхнул белым пламенем и прогнулся в месте попадания пули. Гетин вытянул руку, пытаясь удержать стену, но раскаленный кусок свинца зацепил его руку. Он пошатнулся и выронил кинжал.

— Ложись! — крикнул я, но детектив то ли не услышал, то ли не понял. Барьерная воронка выстрелила в другую сторону, и Мердока ударило в плечо. Тело его пролетело несколько ярдов, шмякнулось о землю, перевернулось и выкатилось через ворота.

Гетин опустился на колени. Рана получилась неглубокая, но его все же оглушило. Потянувшись за кинжалом, он оперся второй рукой о землю. Время замедлило ход, пока я неотрывно смотрел на эту руку. Одно из правил, касающихся защитного барьера пентаграммы, гласит, что нарушить его может только тот, кто установил. Половина руки уже вышла за невидимую стену. И тогда я бросил свой кинжал. Лезвие пронзило ладонь и прищипило руку к земле. Прежде чем Гетин успел отреагировать, я ухватился за рукоятку и одним рывком вытащил его из пентаграммы. Барьер сразу же исчез.

Гетин с диким воплем бросился в атаку. Правый в челюсть едва не отправил меня в нокаут. Он наступал, размахивая руками, а мне ничего не оставалось, как блокировать град ударов. Попытка провести контратаку, закончилась тем, что Гетин выбил кинжал, и тот

отлетел в сторону.

Очередной прямой в челюсть вполне мог положить конец схватке, но Гетин почему-то промедлил и посмотрел вверх. Кровь заливала глаза, но я все же увидел в небе над нами мелькающие вспышки, голубые и зеленые, красные и желтые. Они походили на огни фейерверка, но двигались не хаотично, а целенаправленно. Гетин выпрямился и швырнул в небо два белых шара. Огоньки закружились, разлетелись, но продолжали движение.

Я потряс головой. Что это? Небо говорило языком заклинания.

Звуки сложились в слова. Слова в фразу. И фраза эта повторялась снова и снова.

Ny a wrug agas dhestrewy ju.

Не заклинание — боевой клич! Мы уничтожим тебя!

Это было настолько невероятно, что я рассмеялся. Корнский язык! Малый народец спешил на помощь. Сотни флитов кружились над плацем огромной черной спиралью и вопили изо всех сил. Сила их танца проникла в меня, как проникали солнечные лучи в то утро, когда мы со Стинквортом вместе встречали новый день. Только теперь сила эта была несравнимо больше. Черная масса в моей голове съезжилась. Я поднялся на ноги. Блокировка исчезла. Все мои способности вернулись.

Я поднял кинжал и повернулся к Гетину.

— Эй, придурок! Знаешь, что бывает, когда кинжалом пользуются как жезлом? Бывает очень больно. — Поток энергии прошел по моей руке и стрелой сорвался с лезвия. Удар пришелся в голову, и Гетин упал. Рой разъяренных флитов обрушился на него с воинственными криками. Гетин попытался защищаться, но противник уже накрыл его жужжащей тучей. Один из флитов устремился ко мне с обнаженным мечом.

— Я же сказал, что мы возьмем ублюдка! — Стинкворт повис в воздухе передо мной. Лицо его покраснелось, глаза сияли, на одежде блестели капли крови.

— Здесь, наверно, весь твой клан.

— Здесь столько, сколько нужно. Ты как?

— Утром будет больно, а сейчас сносно.

Джо ухмыльнулся во весь рот.

— Так всегда. Ладно, надо остановить ребят, пока совсем его не убили.

— Что вы собираетесь с ним делать?

Ухмылка растянулась еще шире, хотя это и было уже невозможно.

— Теперь он фейри. Поступим с ним по обычаю. — С этими словами он повернулся к своей доблестной армии и прокричал что-то на своем языке. В следующее мгновение флиты исчезли, словно их смела одна огромная невидимая рука. Вместе с ними исчез и Гетин. Флиты забрали его с собой. Фраза «поступим по обычаю» могла означать только одно: Гетина унесли в Тару, где его ожидало — в этом можно было не сомневаться — суровое наказание от руки Мэб.

Коркан по-прежнему не шевелился. Я наклонился и проверил пульс — сердце еще билось, хотя и слабо. Нож Гетина оцарапал ему щеку, и на краю пореза подрагивала, набухая, капля крови. У меня на глазах она набухла, сорвалась и упала. Но не вниз, а вверх. Изумленный, я попятился. Капля же, повисев в воздухе, поплыла в сторону, набирая скорость, и ударилась о водную стену. Море не отступило. В том месте, где кровь соединилась с водой, возникло мерцание, а потом появилась темная неровная щель. Она раздалась, расширилась, почернела и разошлась, пропуская что-то с другой стороны. Неопределенной формы клубящаяся серая масса выплыла из щели и медленно опустилась по другую сторону от пентаграммы. В считанные мгновения облако сгустилось, превратившись в живую, подрагивающую плоть, которая постепенно принимала форму некоего существа. Первой возникла рука, толстая, покрытая зеленоватой чешуей. Потом проступили очертания головы, уродливого комка с единственным глазом навывкате и частоколом зубов. Рисунки с изображением чего-то подобного я всегда считал порождениями не реальности, а кошмаров. Но нет, их авторы вовсе не давали воли воображению. Передо мной стоял фомор — безобразное серое туловище на коротких толстых ногах-обрубках. Воняло от него, как от

тысячи сгнивших на солнце рыбин.

Чудовище повернулось влево-вправо, пока его единственный глаз не наткнулся на Коркана. Фомор неуклюже шагнул к нему, и я поднял кинжал.

— Назад. — Не знаю, понял он меня или нет, но остановился. Глаз повернулся вверх. Моя защита мгновенно активировалась, создав надежную буферную прокладку. Ощутить себя в безопасности, конечно, приятно, но мне было не до восторгов.

Фомор взревел и поднял руку с появившимся неведомо откуда длинным зазубренным лезвием из черного металла. Занеся меч над головой, чудовище настороженно следило за моим кинжалом. Воспользовавшись паузой, я левой рукой очертил защитный знак над головой Коркана.

И тут же мой противник обрушил на него свой меч. Клинок наткнулся на барьер, и во все стороны полетели зеленые искры. Мои защитные чары испарились, словно утренний туман. Брошенный энергетический шар заставил фомора неуклюже отпрыгнуть. Я встал между ним и Корканом и торопливо начертал второй защитный знак.

Меч уже летел мне в грудь. Я отступил в сторону и вскинул руку с расставленными пальцами. Молния с сухим треском ударила противника в грудь. Чудовище взвыло, но не отступило. Глаза его вспыхнули. Мое же тело как будто налилось свинцом. Паутина чар сковала руки и ноги. Я попытался освободиться, но не смог ничего сделать, не зная, как действует заклятие. Ноги подкосились. Я оперся рукой о землю. Фомор шел на меня с поднятым мечом. Я ждал до последнего, и когда он уже был готов разрубить меня пополам, подключился к сущности земли. Комья дерна, песок и камни взлетели фонтаном и обрушились на нас сверху. Монстр завалился, и лезвие лишь зацепило мою ногу по касательной. Боль копьем ударила в колено.

Я прыгнул вперед и вонзил кинжал в бедро. Дикая рев стеганул по ушам. Руку окатило нестерпимым жаром. Я выдернул кинжал и выпустил во врага два пылающих шара. Фомор замахал руками и попытался отползти, но при этом ткнул в меня мечом. Защита не пропустила клинок, но сила удара снова свалила меня с ног. Я грохнулся на землю. Что-то хрустнуло. Съежившись от боли, я откатился назад. Еще удар. Он швырнул в меня меч. Запахло паленым. У меня горели волосы. Скорчившись от боли, я покатился по земле, чтобы сбить пламя.

Фомор потянулся за оружием, но я, применив простейшее из заклинаний, успел откинуть меч за пределы площадки. Тварь взвыла от злости и бросилась ко мне. Собрав последние силы, я встретил ее энергетическим шаром. Не помогло. Чудовище замерло на мгновение и в следующее мгновение оказалось рядом. Прямой в лицо — и из носа брызнула кровь.

Энергия флитов истощалась. Тьма в голове снова напозала на мозг. Она и не исчезала, только отступила на время от подаренной флитами сущности. Я знал, что долго не продержусь. Враг был слишком силен. Теперь он колотил меня, практически не встречая сопротивления. Слева. Справа. После очередного свинга я рухнул на землю. Фомор наклонился и продолжил избивание. Если я еще оставался в живых, то лишь потому, что защита смягчала удары. Но не более того. Сознание то уходило, то возвращалось. Попытка встать закончилась тем, что монстр швырнул меня на стену. Приземление получилось жестким. В груди заклокотало. Легкие как будто проткнули раскаленными иглами, но я знал, что это не иглы, а мои ребра.

Я слабел. Управление сущностью — дело нелегкое и отнимает много сил даже в самых благоприятных обстоятельствах. Сейчас их у меня почти не осталось. Я понимал, что время мое на исходе, и природа вот-вот возьмет свое. Оставалось последнее средство. Я произнес слова заклинания, и вокруг закружился густой белый туман, туман друидов, скрывший меня от фомора. Теперь он бродил в тумане, ревя от злости и едва не натыкаясь на неподвижного Шая. Я понимал, что рано или поздно фомор найдет Коркана, порежет его и воспользуется кровью, чтобы открыть путь своим сородичам.

Стараясь дышать как можно тише, я посмотрел на проглядывающую из-за облаков

полную луну. Рассчитывать на ее помощь не приходилось. Лунные заклинания лучше работают у женщин. Монстр проковылял мимо. Я прижался к стене, потом осторожно двинулся вдоль периметра. Если бы вырваться за барьер... Неужели никто не придет на помощь? Неужели...

Я вдруг остановился и снова посмотрел в небо. На меня смотрела луна. Что-то было не так. Что? Откуда она взялась? Сегодня ведь первая ночь новолуния. В небе не должно быть ничего. Почему же там луна? Из памяти всплыл древний, сухой голос.

Не твоя луна.

Не твоя луна? Как это понимать? Усталость мешала сосредоточиться. Если это не моя луна, то чья же? Вергилий знал, что я увижу луну, которая не будет моей. Но он и сам не понимал, что это означает. Чертова горгулья. Бриаллен наверняка бы подсказала. Бриаллен бы все объяснила. Четко и ясно, так что осталось бы только удивляться, как я сам не додумался до очевидного. Голова закружилась, и меня повело в сторону. Я прислонился к стене...

...и вскинул голову. Что это? Неужели отключился? Где фомор? Где я? Мысли путались. Хотелось лечь и уснуть. Хотя бы на минутку закрыть глаза и забыть обо всем. Что-то выскользнуло из памяти. Что-то касающееся Бриаллен. Бриаллен бы подсказала, причем тут луна. Но она лежала в трансе у себя дома. И я, только я мог ее разбудить. Так она сказала. Бриаллен должна увидеть эту луну. А если... Что будет с ней, если я умру? Останется навечно в трансе? Умрет от истощения?

Я почти видел ее, темную массу в моей голове. Она притаилась, выжидая, зная, что время придет, и ей достанется все.

Я рассмеялся. Все? Холодный труп?

Фомор снова ковылял вдоль периметра. Искал меня. Жаль, что с Бриаллен получилось не слишком хорошо. Но, может быть, она не слишком расстроится. Я пошарил в карманах и достал сотовый, решив, что pošлю сообщение. Ее нужно предупредить. Пусть знает, с чем ей придется столкнуться.

Телефон не работал. Черт. Я отшвырнул его, как бесполезную игрушку, и моргнул от боли. Фомор остановился на полушаге, прислушался и двинулся на звук.

Жаль, Бриаллен так и не узнает, что способности все же вернулись ко мне, пусть и слишком поздно. Она бы порадовалась за меня. Веки закрывались. Голова клонилась. Подбородок уткнулся в грудь. Я попытался отогнать боль и сосредоточиться на приятных воспоминаниях. Той беззаботной поре, когда я еще не знал, что меня ждет. Тех счастливых временах, когда казалось, что труднее занятий по левитации в доме Бриаллен и быть ничего не может.

Я поднял голову. Тьма еще не победила. Да, она возвращалась, но кое-какие способности у меня еще оставались. А раз так, то умирать рано. Если в запасе есть хотя бы одна попытка, ею нужно воспользоваться. Я приложил ладони к земле, заряжаясь ее сущностью. Перед глазами запрыгали красные круги, мозг едва не застонал от натуги. Только я мог связаться с ней. И к черту телефон. Больше в меня не вмещалось. Я сконцентрировался и отправил сообщение. Я позвал Бриаллен.

И, обессиленный, свалился на землю. Кровь щипала глаза. Мне едва хватило сил, чтобы поднять руку. Чудовище все еще бродило по окраинам форта. Я закинул голову и посмотрел в небо с бледным, расплывающимся пятном странной луны. По диску прошла легкая рябь. Я прищурился, но картинка не стала четче. Луна вдруг свернулась, блеснула белым светом и, словно развернувшаяся лента, устремилась с неба ко мне.

Меня как будто накрыла приливная волна. Поток сущности раскатился по венам, и конвульсии сотрясли тело. Шипы боли проткнули истерзанную плоть и поломанные кости. На мгновение я лишился сознания, а когда открыл глаза, тьма снова отступила. С нею ушла боль. Я не чувствовал ничего. Ничего, кроме Силы.

Измученный, я поднялся на ноги. Подобного я еще не испытывал. Энергия переполняла меня, пульсировала в каждой клеточке тела. Я чувствовал Бриаллен, но не видел ее. Она

была во мне. Ее сущность была во мне. Ее Сила. Я мог пользоваться этой силой.

Пальцы сжали рукоять кинжала, и древние руны вспыхнули потусторонним, бледным пламенем. Он тоже пульсировал, ожив в моей руке. Пульсация нарастала. Я ощущал течение сущности по руке. Лезвие вытянулось, превратившись в меч с прокаленным красным клинком.

Словно почувствовав новый источник силы, фомор повернулся и, наведя на меня свой единственный глаз, побрел через туман. Я сжал меч обеими руками, выставил его перед собой и с криком направил в клинок всю силу, что была во мне. С острия посыпались искры, и огненная змейка побежала через площадку. Пышущий жаром шар окружил фомора, на мгновение ослепив меня своей интенсивностью. Визгливый вопль резанул по ушам.

И все. Ничего больше.

Какое-то мгновение перед глазами еще прыгали черные фантомные точки, потом картина прояснилась. Фомор исчез. Там, где он только что стоял, остался выжженный клочок земли.

Я покачулся. Внутри меня было пусто, сохранилась только сухая оболочка тела. Я не ощущал Бриаллен. Не чувствовал собственной сущности. Ничего. Я опустошил себя. Выжег себя без остатка. Тьма снова заполнила голову, лишив меня способности подключаться к сущности. Снова. Земля ушла из-под ног...

Черная стена воды обвалилась, с шумом обрушилась на стены форта и отхлынула. Странная луна поблекла и растаяла. Проступили звезды. Холодные, ясные звезды на черном бархате неба. Но только на мгновение. В следующий миг тучи, весь день висевшие над городом, вернулись и стерли свет.

Время застыло. Не знаю, сколько я лежал, чувствуя, как пропитывают одежду кровь и пот, ощущая сломанные кости и кое-что похуже, но не испытывая боли. Я знал, что это плохой знак. Очень плохой знак. Неподалеку лежали Коркан и Шай. Они тоже не шевелились. В темном проеме ворот распласталось еще одно тело. Я догадался, что это Мердок. Кивы я не видел и не чувствовал. Ее сущность, как и ее тело, просто исчезла. Ее не стало. Вот что видела во сне Мирил. Этот финальный миг. Все должно было закончиться именно так: смертью всех вокруг и моей, не столь уже далекой. Я попросил прощения у всех.

Крупная, тяжелая капля дождя ударилась о мое лицо. Потом другая. Третья. Небеса разверзлись, и сверху обрушилась стена дождя. Холодного, освежающего. В темном проеме, за телом Мердока, что-то шевельнулось. Высокая, бледная, мерцающая фигура двигалась в мою сторону. В какой-то момент неясный образ как будто попал в фокус и обрел четкие очертания идущей женщины. На краю площадки она задержала шаг, словно оглядывая поле битвы. Потом медленно прошла по траве и приблизилась ко мне, ослепительно белая и невыразимо прекрасная. Даже волосы ее сияли белым светом. Она остановилась, улыбнулась сквозь стекающие по лицу слезы, протянула руку и нежно коснулась моего лба.

— Спи, — сказала Бриаллен.

И я уснул.

Глава 17

Очнуться заставило настойчивое, непрерывное попискивание. Смутно помнилось, что я махнул рукой и сбросил на пол будильник. Мысль эта разогнала остатки сна, но не заставила встать. Тело ощущалось чугушной гирей. Попискивание прочистило голову, задало мыслям четкий ритм. Теперь я узнал звук. Не будильник — пищал монитор сердечной деятельности. Я сделал над собой усилие и поднял веки.

На потолке — то же старое акустическое покрытие. Над головой у меня кто-то, очевидно тошнотворно бодрый и жизнерадостный, приклеил стикер с ухмыляющейся желтой физиономией. Рядом со мной, свернувшись в клубок и приткнувшись бочком, спал Стинкворт. Я ощущал исходящую от него целительную сущность. У кровати, в кресле с виниловым покрытием, сидела Бриаллен. Она тоже спала. Там, в форте, мне не

померещилось. Кожа у нее была бледнее обычного, а волосы совсем седые.

Монитор снова запищал. У изголовья кровати стояла капельница с несколькими подвешенными пакетиками. Отходившие от них пластиковые трубочки змеились, переплетались и исчезали под тампонами на моей руке. Фиксирующее устройство на правой ноге придавало покрывалу сходство с заснеженным холмиком. Моя левая рука пребывала в гипсе. На окне — лиловые шторы, на входе — занавеска цвета укропа. Применяв дедуктивные способности, я дал себе ответ на очевидный вопрос — это мемориальный госпиталь Авалон.

На тумбочке стояла ваза с букетом черных роз. Осторожно, стараясь не побеспокоить Стинкворта, я потянулся за карточкой. На передней стороне еще одна улыбающаяся физиономия с двумя черными X вместо глаз и высовывающимся изо рта языком. Я перевернул карточку.

Дорогой Коннор. Не умирай. ХХОО. Мирил. P.S. А ты совсем неплохо разобрался с концом света.

Я улыбнулся. Похоже, догадка насчет тошнотворно бодрого и жизнерадостного существа не оправдалась. Я положил карточку на тумбочку, но промахнулся, и она слетела на пол. Поднимать ее у меня не было сил.

— Пора бы нам прекратить такие встречи, — сказала Бриаллен.

Я с трудом открыл глаза и посмотрел на нее. Она села чуть выше, но даже продолжительный сон не стер с ее лица следов усталости.

— Как Мердок?

— С ним все в порядке. Он двумя этажами ниже.

Я нахмурился. Обычно людей в Авалон не принимали.

— Почему он здесь?

— Негативная реакция на энергетический шок. У него что-то с сущностью. Но сейчас уже легче. Только ничего не помнит с того момента, как оказался в форте. Не хочешь рассказать, что случилось?

— Сначала ты расскажи мне об остальных.

Бриаллен слегка наклонилась вперед.

— Шай в тяжелом состоянии, но идет на поправку. По крайней мере в физическом отношении. Когда его доставили сюда с Касл-айленд, он очнулся и закричал. Очевидно, в какой-то момент он потерял сознание, а потом память начала возвращаться. Похоже, он присутствовал при убийствах. Гиллен обнаружил следы чар обладания.

— Тогда картина проясняется. Я никак не мог понять, что его связывает с происходящим. Должно быть Гетин использовал парня для поисков жертв и подхода к Коркану Сидхе.

Бриаллен согласно кивнула.

— Шай винит себя в случившемся, но, по правде говоря, он был бессилён.

Бедняга Шай. Оставалось только надеяться, что у него достанет сил справиться с потрясением и жить дальше.

— Что с Корканом?

— Говорят, ему значительно лучше. Лучше даже, чем раньше. Ритуал определенно подействовал на него положительно. — Она вздохнула.

— Кива погибла.

Бриаллен взяла меня за руку.

— Нет, милый, не погибла. Она жива. Прочему ты решил, что она погибла?

Мне сразу стало легче.

— Я, кажется, видел, как ее унесло куда-то. А что она сама говорит?

— Говорит, что накрыла форт защитным барьером, что остановить заклятие.

— Вот как?

— Вот так.

Я кивнул. Кива скромничает, хм, что-то новенькое.

— Ладно. Что со мной?

— Посмотрим... разрыв селезенки, повреждение легкого, разрыв коленных связок, рука сломана в трех местах, сотрясение... — Она улыбнулась. — Ты несколько дней пролежал без сознания. Достаточно сказать, что сейчас ты жив, и это уже хорошо.

Я промолчал. Меня вдруг переполнили чувства. Кровь бросилась в лицо. Не хватало только пустить слезу перед Бриаллен.

— Послушай... мои способности... вернулись. Потом они снова ушли. Моя сила была со мной, и все равно я... не смог...

Она погладила меня по руке.

— Смог. Ты одолел ту тварь, предотвратил катастрофу. Благодаря тебе все отделались относительно легко.

— Относительно.

Она закатила глаза.

— Прекрасно. Но спорить с тобой сегодня я не буду.

— В самом конце... это действительно была ты?

Бриаллен откинулась на спинку кресла.

— И да, и нет. Твой призыв сорвал дверь в моем святилище. Я понимала, что не успею к тебе вовремя. И послала свою сущность. Столько, сколько смогла.

— Я едва не убил тебя, да?

Она улыбнулась.

— Не хочу врать. Я очень многим рисковала. Отдала тебе почти все. Но, как видишь, ты меня не убил.

— А луна? Я видел полную луну. Как тебе это удалось, если ты была в трансе?

Бриаллен как-то странно посмотрела на меня.

— Это не бред. В небе была полная луна. Горгулья сказала, что это не моя луна. Поэтому я и вспомнил о тебе. Решил, что ты ее показала.

Она покачала головой.

— Я не знаю, что ты видел. Ты попал в пространственную воронку, и где находился на самом деле, этого никто не знает. У Колеса свой ход, Коннор. Откуда горгулья узнала о Силе Луны, я понятия не имею, но рада, что она дала тебе подсказку.

Мы замолчали. Разговор о луне вернул меня в форт. Я вспомнил фейерверки, вспомнил кружащий рой флитов, вспомнил мелькнувшую тогда мысль, что это все мне знакомо. У Мирил было пророческое видение, она узрела конец — убитых и раненых. Но нечто подобное я и сам видел раньше. Какие-то короткие, как отдельные кадры, вспышки. Свет. Меч. И одноглазое чудовище. Значение этих видений дошло только теперь.

— Мне все это уже снилось. Ну, не совсем все. Но многое. А вот понять не сумел. Как ты и сказала, я не Сновидец. Мне являлось будущее, но я осознал это лишь сейчас, а раньше принимал за кошмары.

Бриаллен слегка склонила голову и поджала губы.

— Может быть, эта загадочная штука у тебя в голове направляет твои способности в иное русло.

— Я не хочу ничего нового. Я хочу, чтобы все было по-старому.

Она вздохнула.

— Когда-нибудь, Коннор, ты еще порадуешься новым поворотам жизни. Я, со своей стороны, желала бы новизны.

Теперь уже я улыбнулся ей.

— Расскажи-ка о кинжале, который превращается в меч.

Бриаллен пожала плечами.

— Вообще-то это меч, который превращается в кинжал.

— И?..

— И все. Дареному коню в зубы не смотрят.

Пусть так. В свое время она расскажет все, что сочтет нужным. Я взглянул на

продолжающего спать Стинкворта.

— Что случилось с Гетином?

В дверь постучали, и в палату просунулась голова. Кива.

— О, извини. Я загляну попозже.

Бриаллен поднялась.

— Нет, останьтесь, я уже все равно собиралась уходить. Если Гиллен Йор узнает, что я еще здесь, будет жуткий скандал. Ему нравится чувствовать себя хозяином на своей территории. — Она наклонилась и поцеловала меня в щеку. Секунду-другую мы молча смотрели друг на друга. Потом одновременно улыбнулись.

Бриаллен повернулась и кивнула Киве. Кива опустила глаза и церемонно поклонилась. Приятно сознавать, что она еще способна питать к кому-то уважение. Когда за Бриаллен закрылась дверь, гостя шлепнулась в кресло и положила на колени конверт.

— А я думал, что ты погибла.

Выглядела Кива ужасно. Может быть, чуть лучше Бриаллен, но все равно себя прежнюю, энергичную и бойкую, напоминала мало.

Она состроила недовольную гримасу.

— То заклинание, что ты дал, ударило рикошетом по мне и заключило в чертову стену. — Я с трудом удержался от улыбки. Из всех видов пыток, которые я с удовольствием испытал бы на ней, заключение в стену выглядело, пожалуй, самым оригинальным. — Кива пригладила волосы. — К счастью, чары разрушились, когда ты убил фомора.

— То есть сделал что-то полезное.

— Но когда водяная стена упала, меня унесло в бухту. Лететь не было сил, так что до берега пришлось добираться вплавь. У меня ушло на это три часа.

— Не самый удачный день. — Я не выдержал и улыбнулся. Мы оба рассмеялись. По-моему, с облегчением.

— Я тоже думала, что ты погиб.

— Сам не знаю, как удалось выкрутиться.

— Никогда не задавайся таким вопросом, Коннор. — Кива вдруг посерьезнела. — Все, что нужно знать, это направление жизни.

— О, ты теперь стала философом.

— Я лишь хочу сказать, что нам вовсе не обязательно знать, почему что-то случилось так или иначе.

Она открыла конверт, достала фотографию и протянула мне. Это был черно-белый снимок, показывавший запруженную народом улицу. Одно лицо на нем было обведено кружком. Гетин Маклоркан.

— Снимок сделан в Мюнхене, в начале прошлой осени. Он жил там с матерью. Это она рядом с ним. — В длинном темном пальто Герда выглядела высокой и элегантной. Особой симпатии к эльфам я не испытываю, но по крайней мере стало понятно, почему ею так увлекся Макдуин.

— Герда Эльфхайм значилась в списках активных террористов, поэтому за ней и вели наблюдение. Герда заманила Макдуина в Германию, потому что Гетин умирал. Помочь провести кровавый ритуал Лоркан отказался. Впрочем, они и не рассчитывали на его согласие. Пока Макдуин находился в Европе, Гетин тайком приехал сюда, раздобыл каким-то образом пароли и получил доступ к материалам Гильдии. Он украл камни и пару старинных гримуаров.

— Почему же Макдуин ничего никому не сказал?

— Из-за саммита в Таре. Мэб поручила Макдуину добиться умиротворения Тевтонского консорциума. Он опасался, что если эльфы могут воспользоваться ситуацией и поднять восстание против Мэб. От своих прежних взглядов насчет расового превосходства эльфов Макдуин и впрямь давно отказался. Он защищал Мэб и хотел мира. Доверие пришлось завоевывать долго, и он знал ему цену и не желал его терять. Но снимок сделали по другому поводу. Присмотрись хорошенько. Обрати внимание на того, кто стоит между

Гетином и его матерью, на заднем плане.

Я взял снимок. За спиной у Гетина действительно кто-то стоял. Лицо было частично закрыто, но большая часть профиля оставалась на виду. У меня отвалилась челюсть. Я вопросительно взглянул на Киву.

Она кивнула.

— Не ошибаешься. Определенно Бергин Визе.

Фотография выпорхнула из пальцем и опустилась на пол. Я смотрел в потолок. Дурацкая физиономия с глупой ухмылкой тарасилась на меня и подмигивала. Не забыть бы после выхода из госпиталя первым делом убить Мирил.

— Если помнишь, Макдуин во время войны состоял в той же террористической ячейке, что и Визе. Там же он познакомился с Гердой. Только сомневаюсь, что Лоркан знал о фоморском заклинании. В Гильдии придерживаются того мнения, что идея принадлежала Визе.

— То есть все затевалось Визе лишь для того, чтобы расправиться со мной?

Кива удивленно рассмеялась.

— При чем тут ты? Твое участие не предполагалось. Ты же в отставке по инвалидности, не забыл? Визе не мог и представить, что ты окажешься в форте.

— Вряд ли он проникся ко мне теплыми чувствами.

— Скорее наоборот. Мы уже приняли меры, укрепив твою охрану. Самого Визе и Герду сейчас активно ищут, но пока безуспешно.

Я вздохнул.

— Не понимаю, чем им так не нравится мир, что они хотят его уничтожить.

— У них другая точка зрения, Коннор. Их мир уже уничтожен. Они пытаются восстановить его и, соответственно, вернуть свое прежнее положение. Если для достижения цели требуется выпустить на волю самых отвратительных тварей из всех, что ходили по земле, так тому и быть.

Я посмотрел ей в глаза.

— Одного не понимаю, почему ты помогала все это покрывать.

Она негодуяще фыркнула.

— Ничего я не покрывала. Считала, что выполняю задание шефа, разыскиваю пропавшего. Макдуин использовал меня.

— Макдуин знал, кого просить. Нашел подхалимку.

Кива обожгла меня злым взглядом.

— Уж больно ты самоуверен. Не забывай, что это из-за твоего заклинания я едва не погибла.

— Может, и я бы не оказался на волосок от смерти, если бы ты выучила его получше.

— Может, мне бы и не пришлось его учить, если бы ты чуть раньше рассказал, что происходит.

На языке у меня уже вертелся язвительный ответ, но я закрыл рот и даже зажмурился на мгновение.

— Ты права. — Выражение на ее лице стоило такого признания. — Если бы я обратился к тебе за помощью пораньше, мы могли бы спасти несколько жизней.

Она опустила глаза.

— Таким, как мы, нелегко просить о помощи.

Я улыбнулся. Подозрения зародились уже давно. Только тот, кто работал в Гильдии, мог знать придуманную Мирил систему регистрации документов, а в то, что подсказки мне подбрасывал Макдуин, верилось с трудом.

— Это ведь ты оставила руны на моей двери и на машине Мердока.

Кива замялась.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Имеешь. Ты хотела, чтобы я помог, но не желала просить напрямую. Уверен, ты следила за мной все это время, чтобы узнать, не раскопал ли я что-нибудь. Я привел тебя к

Коркану, а он вывел тебя на Гетина, разве не так? Поэтому ты его и поймала!

Она тяжело вздохнула и поднялась.

— Думай как хочешь. Я заглянула только на минутку, хотела рассказать последние новости. Макдуин приостановил расследование по Визе, наверное после того, как увидел этот снимок. Его преемник собирается заново открыть дело.

— Преемник? И кто же это?

Она прошествовала к выходу и, уже открывая дверь, обернулась через плечо и бросила мне улыбку.

— Подхалимка, кто же еще.

Все крушится и падает, а Кива взбирается по карьерной лестнице. Это надо уметь. Что ж, по крайней мере теперь она была у меня в долгу.

Стинкворт потянулся и сел.

— Она уже ушла?

— Ты и без меня это знаешь. Я же видел, что ты проснулся минут десять назад.

Почесывая задницу, он прошелся по кровати.

— Преемница, а спящего флита от бодрствующего не отличит. Я бы мог на нос ей сесть, и то бы не заметила. — Он перелетел на тумбочку и опустил голову в стакан с водой.

— А ты в форте показал себя молодцом. Во всей грозной силе.

Стинкворт выпрямился, отряхнулся, сел и ухмыльнулся.

— Да уж. Я бы и сам так сказал.

— Так что все-таки случилось потом, когда вы улетели?

Он устроился поудобнее.

— Признаюсь, такой рубки я давненько не видывал. Как в старые добрые времена. Только вот Мэб скуповата на угощение.

— Я имею в виду Гетина.

Он пожал плечами.

— Мэб, конечно, была счастлива видеть его в таком состоянии. А потом и сама повеселилась. Сначала оторвала крылья голыми руками, потом распорядилась обезглавить. Ну, а уже потом устроила прием.

Я так и думал. Королеве стоило немалого труда поддерживать мир с эльфами, и рисковать она не собиралась. Да и крови Гетин пролил немало. Флиты с правосудием не тянут и проблеме решают кардинально.

— Ну, что притих? Думал, обрадуешься.

Я посмотрел на него.

— Да я и рад. Гетина мне не жаль. Жаль только, что все так вышло. Может быть, если бы я остановил Бергена Визе два года назад, ничего бы и не случилось.

Стинкворт закатил глаза.

— Ну вот, старая песня.

— Нет, правда, Джо. Как ни посмотри, в некотором смысле Берген Визе на моей совести.

— И что ты собираешься делать?

Я ухмыльнулся.

— Думаю, после того, как встану на ноги, возьму отпуск. Ты не против навестить Черный лес?